

Валерий Мильгром

ПОЯС
И ШЛЕМ

Валерий Мильгром

ПОЯС И ШЛЕМ

З В Е З Д А Н Ы Й

Л А Б И Р И Н Т

Валерий Мильгром

ПОЯС И ШЛЕМ
ДИЛОГИЯ

Москва
ACT

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М60

Серия «Звездный лабиринт»

В оформлении обложки использована работа *Николая Плутахина*

Макет подготовлен редакцией АСТРЕЛЬ СПб

Мильгром, Валерий

М60 Пояс и шлем: диология / Валерий Мильгром. — Москва: АСТ, 2014. — 280, [2] с. — (Звездный лабиринт).

ISBN 978-5-17-080001-8

На окраине освоенного человечеством пространства взорвалась звезда. Погибли люди. Это катастрофа. А в соседней системе на мало кому известной станции погиб человек. Это несчастный случай?.. Чтобы разобраться, на место происшествия срочно вылетают межгалактические сыщики, чьи методы расследования, впрочем, со времен Шерлока Холмса мало изменились.

Исследуя очередные системы, космические разведчики случайно наткнулись на пространственно-временную аномалию — на одной из планет жили самые обычные люди... в эпоху европейского Средневековья. Хоть и ошеломленные таким открытием, земляне все же пошли на контакт... Но убили наследника престола, и, чтобы оправдать пришельцев в глазах суеверных жителей средневековой планеты, к расследованию приступают межгалактические сыщики.

**УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

**ISBN 978-985-18-2558-1
(ООО «Харвест»)**

© 1989 — 1991, 2012, Valery Milgrom
© ООО «Издательство АСТ», 2014

*Великим фантастам XX века,
родившимся в одной стране,
но жившим на разных континентах,
посвящается...*

Повесть первая

ПОЯС ИППОЛИТЫ

*Посвящается светлой памяти
Аркадия и Бориса Стругацких*

...Тогда подарил бог войны Арес царице амазонок Ипполите кожаный пояс неуязвимости. И пока на Ипполите был этот пояс, ни одна стрела, ни одно копье не могли поразить ни ее, ни ее по-друг...

Девятый подвиг Геракла

ПРОЛОГ

Система Сеньора. 15 мая, 20:00—23:00 СГВ¹

Сеньор-1

На Сеньоре-1 кроме двух специалистов-вахтовиков, дежуривших на руднике компании SpaceCrystals Inc., люди были только на базовой обсерватории астрономического факультета Университета Канберры. Пятнадцать практикантов и четыре кадровых сотрудника. Один из последних — доктор Карл-Фридрих Вебер — и обратил внимание на странные процессы, начавшиеся на Сеньоре. Примерно в 20.15 на Землю ушли первые нуль-граммы. С этого момента связь с Землей и остальными планетами Системы Сеньора обсерватория поддерживала около 10 минут, фиксируя все, происходящее в космосе и на планете. А в 20.30 Сеньора-1 не стало...

Сеньор-2

...Сразу после получения первой нуль-граммы с Сеньора-1 на всех планетах Системы была объявлена общая тревога пятой категории. Светило разбухало и, по-

¹ СГВ — среднегалактическое время.

глотив Сеньора-1, стремительно тянулось к следующей планете. Четыре колонии Сеньора-2 спешно грузились в пассажирские боты. Это было скорее актом отчаяния, чем попыткой спастись: пассажирские боты ходят с эйнштейновыми скоростями, а гиперпространственных кораблей на планете не было...

Сеньор-3

...Они были только на Сеньоре-3. Точнее на Сеньоре-31, где располагался главный и единственный гиперпорт Системы. Их было четыре: два космогрузовика типа «Дельфин», один «Пузырь» и большой гиперлайнер «Медея», первого класса, на 180 мест. Но людей на Сеньоре-3 было почти в триста раз больше. А если считать спутники, то в триста двадцать... Шесть пассажирских ботов стартовали с планеты к Сеньору-31, а несколько служащих гиперпорта сумели даже поднять один из «Дельфинов». Но начать гиперэволюцию они не успели... Сеньор-3 и все его спутники мгновенно превратились в раскаленное облако, которое, расширяясь, понеслось дальше, в холодную пустоту Пространства...

Сеньор-4

...До самой отдаленной планеты Системы светило добиралось без малого три часа. Ее немногочисленные обитатели уже знали, что спастись невозможно: гиперпорта на Сеньоре-31 больше не существует, а помочь извне в пределах трех эволюций ждать неоткуда. Все свои энергетические резервы две небольшие экспедиции на Сеньоре-4 переключили на нуль-связь...

Полтора часа — самых страшных часа в своей жизни — земные операторы нуль-связи принимали про-

ПОЯС ИППОЛИТЫ

щальные послания с Сеньора-4. Многие из них после этого сменили работу... К 23 часам среднегалактического времени на месте бывшей Системы Сеньора росла и ширилась одна гигантская звезда.

* * *

Через 8 месяцев наблюдатели в ближайшей к Сеньору Системе Леверрье увидели странную картину гибели соседней звезды. Она разбухала не равномерно, а принимала веретенообразную форму. То, что еще недавно было Сеньором, достигло в длину почти семи световых часов, в поперечнике — около двух, и через 28 часов внезапно погасло.

Масс-детекторы показывали отсутствие в этой части Пространства сколько-нибудь значительных материальных объектов. Система из звезды и четырех планет с одиннадцатью естественными спутниками общей массой порядка трех солнечных систем исчезла бесследно, будто и не существовала.

ГЛАВА 1

*Ипполита. 15 мая. 14:04—15:40 СГВ
Уве Штрайх*

— Всем дополнительно подстраховаться. Принять горизонтальное положение! — скомандовал специалист по ночным горшкам и сам небось первым исполнил свое распоряжение. «Осторожность — старшая сестра мудрости»... Заветы каменного века...

Я тоже превратил свое кресло в лежанку. Не потому, конечно, что послушался этого искателя черепков, а потому, что высоту мы теряли слишком быстро для нормальной посадки. Проще говоря, падали, и удар обещал быть приличным...

Лежа, я протянул левую руку Нате, и она слегка пожала ее... Значит, тоже опустила кресло.

Потом нас два раза здорово тряхнуло, раздался ужасающий скрежет, что-то посыпалось на пульт второго пилота... По обшивке катера застучали камни, нос его задрался, и мои ноги на пару секунд оказались куда выше головы, пока система стабилизации не привела рубку управления в нормальное положение. В общем, для меня посадка прошла благополучно. Для Наты, должно быть, тоже. Но надо было проверить. Я наклонился к ней:

— Ну как ты?

— Хорошо,— ответила она и подняла спинку кресла. В это время раздался оптимистический, но не музыкальный тенор нашего костоправа:

— Скорая помощь принимает заявки. Быстроенько посмотрите, друзья, не надо ли кому заменить руку или ногу.

Я подумал, что не худо бы кое-кому заодно заменить и голову. Тем более что знаток палеолитических анекдотов подозрительно долго молчит, а ведь падало же что-то ему на лысину!

Левой рукой я пошарил по своему пульту и нашел клавишу аварийного освещения. Попробовал нажать, но безрезультатно... Придется тестировать аварийный энергоблок. Мерзейшее занятие...

Первой на призыв доктора откликнулась Ната:

— Все отлично, Минору-сан.

— А у вас, Юлиус?

— У меня что-то с ногой,— проскрипел мезозойский юморист.

Надо же, падало на голову, а болит нога! Ну все не как у людей!

— Уве, дружище, вы наверняка в порядке, разберитесь, пожалуйста, с освещением.

Я сбросил с колен толстенную «Космографию» Альпера и Фрида, которую в качестве талисмана таскаю с собой еще со студенческих времен, отстегнул ремни и влез в тест-блок:

— Между прочим, Минору-сан, почему вы уверены, что я «наверняка в порядке»?

— Я оптимист. Старый больной оптимист, дружище. Знаете древнюю шутку о разнице между оптимистом и пессимистом? Пессимист считает, что хуже уже быть не может, а оптимист говорит: нет, может! Я думаю, раз уж мы попали в эту дурацкую историю, то кто-нибудь должен

нас из нее вытащить. И больше всего для этого подходите вы, как самый молодой и полный сил.

— Приятно слышать.— Я уже разобрался с аварийным освещением и ждал удобного момента, чтобы его включить.— А мне кажется, легче всего нас вытащить Нате.

— Мне? — удивилась Натали.— Почему мне?

— Потому что ты — единственная женщина на планете, и все твои желания должны сбываться. Вот скажи: раз, два, три — елочка, гори!

— Раз, два, три,— сквозь смех повторила Натали,— елочка, гори!

Рубку залил неяркий свет. Доктор выполз из своих ремней и, плотоядно потирая руки, подкатился к охромевшей жертве.

— Ну-ка, ну-ка... Ничего, это мы сейчас ликвидируем. Держитесь обеими руками за кресло... Та-ак... Раз — и все!

Лысина лучшего друга тиранозавров мгновенно покраснела и стала похожей на недозрелый помидор. Маленько я пожалел, что доктор дергает его за ногу. А не за язык.

Я отвернулся и опять занялся тест-блоком.

— Доктор, вы гений,— пошутил спасенный.

— Ну что вы, Юлиус, это обычновенный вывих.

Пока они там ворковали, я выяснил для себя две очень неприятные вещи. Во-первых, мы угрибили катер. Его уже не поднять. По крайней мере, сейчас. Добираться придется на «Мышонке». Во-вторых, и это было куда страшнее, аварийный блок не тянул регенератор.

Разбираться, в чем дело, сейчас, конечно, немыслимо. А воздуха остается максимум на 9 часов. Надо же было так вlipнуть...

Последнюю фразу я, очевидно, произнес вслух, потому что Натали поспешила меня успокоить:

— Ты же не виноват, что так получилось...

Конечно, не виноват. Но катер вел я. И теперь все будут говорить: «Штрайх лишил экспедицию единственного исправного катера».

— По-моему, мы попали в зону выброса вулканического пепла,— сказал тем временем доктор, снова усаживаясь в свое кресло.

— Там внизу действительно было извержение,— подтвердила Ната,— но, кажется, не особенно мощное.

— Может, атмосферный катаклизм? — продолжал выдвигать гипотезы доктор, глядя на свою бывшую жертву. Жертва молчала, не давая себя втянуть в бесплодную дискуссию.

— Атмосферные катаклизмы — здешняя норма,— сказал я, манипулируя захватами, чтобы вытащить «Мышонка» из грузового отсека.— Но они никак не объясняют повреждения двигателей и всего энергохозяйства. Разве только молния ударила...

— Юлиус, а вы что об этом думаете? — впрямую обратился доктор к выздоравливающему юмористу-питекантроповеду.

— Моя аналогия весьма рискованна,— глубокомысленно начал тот. Подумал и неожиданно закончил: — Поэтому я высказуюсь в конце.

— Конец будет очень скоро,— обнадежил я их всех.— Катер останется здесь, а мы со всем барахлом перейдем в «Мышонок». И если через 9 часов не будем под Куполом, то либо научимся дышать забортной гадостью, либо наступит время высказываться Чивилису. У нас не работает регенератор воздуха.

— Тогда я высказуюсь сейчас,— передумал любитель розыгрышней и встал.— Как специалист по истории, осмелиюсь утверждать, что больше всего это было похоже на применение оружия по воздушной цели. Были в двадца-

том веке такие орудия — «зенитки», стреляющие по самолетам противника. Так вот, мне показалось, что по нам бабахнули из эдакой энергетической зенитки... А теперь прошу всех заняться делом. Гайданович и Сайто вместе со мной займутся перетаскиванием контейнеров и оборудования в «Мышонок». Штрайх, ваша задача: с максимально возможной точностью определить наше местоположение. Попробуйте, если получится, сделать несколько локаторных срезов поверхности на разной высоте — и введите результаты в Тедди.

Он разжевывал мне все это, как мальчишке, презрительно глядя в глаза, и я в который раз пожалел, что с нами была Ната. Если бы не она, мне бы и доктор не помешал...

— Слушаюсь, — ответил я и отвернулся. А потом, когда немного успокоился, сообразил: а ведь действительно было похоже на энергетический удар! Надо будет на Базе посмотреть регистрацию состояния силовых полей вокруг катера, если она, конечно, сохранилась в этой круговерти и хаосе. Оружием тут, понятно, и не пахнет, некому тут его применять, но что-то в этом есть... Выброс элементарных частиц? Откуда? Мощный поток жесткого излучения? Электромагнитная буря?

Пока я размышлял, пальцы набирали программу работы для Тедди. Локаторный зонд вернулся с высоты 500 метров (выше не имело смысла запускать — все равно у нас практически нет точной карты этого района), и я ввел результаты. Тедди пошевелил мозгами, накладывая результаты зондирования на карты возможных районов нашего падения, и показал 76 таких районов с убывающей вероятностью. В лучшем случае мы находились в 42 км от Базы, в худшем — в 244 км, но тот район был по вероятности уже в седьмом десятке.

Заодно я предложил Тедди составить алгоритм поиска для «Мышонка». А для себя прикинул, что при ско-

ПОЯС ИППОЛИТЫ

ности 10—15 км в час — больше в этой сизой мгле и не получится — мы еле-еле успеем за 8 оставшихся часов (60 минут я на всякий случай приберег про запас) выбраться из большинства представленных Тедди районов. Я проверил это расчетом: 73% за нас. То есть, грубо говоря, в трех случаях из десяти мы заведомо находились в таком месте, откуда за 8 часов на «Мышонке» до Базы не доберешься. На самом-то деле наши шансы были и того ниже, учитывая возможность всякого рода поломок. Но об этом думать не хотелось.

Потом мне пришла в голову мысль сопоставить результаты работы Тедди с курсом катера и его эволюциями при снижении. Теперь результат был более утешительным: от 42 до 128 км, а наши шансы увеличились до 88% (при скорости «Мышонка» 10 км в час)... Но время шло, а мы все еще сидели в катере.

Я закончил переговоры с Тедди, взял кристаллограмму алгоритма для «Мышонка» и пошел помогать команде грузчиков снаряжать нашу последнюю надежду в дорогу. Они там вытаскивали из катера все, что можно было снять, хотя в этом, по-моему, не было смысла: мы все равно сюда еще вернемся... Зачем перегружать «Мышонок»? Но саблезубофил сказал снимать с катера все — и они, бедные, снимали.

Конечно, с случае чего Компания с него голову снимет, как он сейчас экспресс-анализатор снимает. И как я, бедный, буду сейчас снимать... А потом все мы, бедные, будем плутать в этом сизом киселе и тщетно ловить маячок Купола... Хорошо бы его поймать вовремя...

Хорошо бы вообще еще пожить лет сто и больше...

ГЛАВА 2

*Ипполита. 15 мая. 23:17—23:44 СГВ. Станция
Лино Челли*

Кажется, все немного успокоилось. Надолго ли? Лино отправил Жака и Леву спать, пока есть возможность. А сам, наложив на виски присоски бортжурнала, стал перебирать в памяти события трех последних часов.

...Все началось с ужасающей силы толчка. Все всегда с чего-нибудь начинается... Обычно Станцию трясло не меньше тысячи раз в сутки, но это был не толчок, а Толчок! Станция (или Купол, как его называли иногда обитатели), огромная светящаяся полусфера, окруженная силовым полем защиты первой ступени, вздрогнула, как-то странно вздыбилась и, казалось, сделала дикий прыжок чуть ли не на полметра.

Лино прикусил себе язык и был доволен, что так легко отдался: Лева разбил лоб о пластиковую табуретку. Потом, стоя на четвереньках, он укоризненно говорил ей: «Ты должна служить человеку, а ты его калечишь. Пересмотри сейчас же свое поведение, а не то будешь выброшена на свалку истории!»

Жак сразу включил защиту второй ступени и сел за пульт экспресс-лаборатории. Тут выяснилось, что сейсмографы и глубинные энергодатчики, похоже, просто

сошли с ума: они показывали невероятный уровень накопившейся в недрах энергии. На три порядка выше нормы. Оставалось только удивляться, как это Ипполита вообще до сих пор цели.

Но удивляться было некогда: проснулся Рыжик, давно потухший вулкан в двух километрах от Купола. Даже не вулкан, а так себе — вулканишка. Но взорвался он с такой силой, что Купол, который не боялся теперь прямого попадания болида, весьма ощутимо дрогнул. Оранжерея — любимое детище Челли — погибла, видимо, сразу: лава из жерла Рыжика должна была уничтожить ее в первые минуты...

Челли быстро оценил обстановку: сам Купол был в безопасности, но лава угрожала Ангару. А кроме того, в любую секунду мог появиться Чивилис со своей группой. Поэтому Лева вывел двух биокиберов с лучевыми пушками, а сам на «Котенке», вооруженном противометеоритным орудием, помчался наперерез потоку.

Жак в это время рассчитал оптимальное русло (у Сержа на это ушло 2 секунды), и Лева, руководимый еле слышным сквозь гул и треск в эфире (все-таки расстояние больше километра — далеко за пределами зоны уверенного приема, хорошо еще, что была хоть какая-то слышимость) голосом Феррана, вгрызся в породу. Однако, судя по всему, он опаздывал.

— Не выходит ни черта! — орал он надтреснутым голосом. — Не успеваем, она прет и прет, проклятая! Как старая дева на собственную свадьбу! — Лева и тут оставался самим собой.

Жак лихорадочно бегал пальцами по клавиатуре Сержа, ворил что-то в микрофон, яростно чесал затылок и обзвывал Сержа безмозглым верблюдом. А лава уже обошла пятакоч, на котором расположились Лева и кибера, и превратила его в полуостров. Но за это время

Лева, медленно отступая к Куполу, все-таки выгрыз обходную канаву в 4 метра глубиной, и на короткие секунды всем показалось, что Ангар вне опасности. Лава послушно потекла было от Базы, но новый подземный толчок опять изменил ситуацию.

Трещина, появившаяся при этом, перекрыла Леве возможность отступления на юго-восток и снова повернула поток. Теперь он угрожал отрезать Станцию и Ангар от Пункта Связи. Здесь уже ничего нельзя было выплавлять из-за риска повредить кабель.

Одновременно Лева передал, что с вершин Большого Когтя идут несколько лавин. Любая из них могла оставить Станцию без связи с Землей, а тогда Ипполита быстро добила бы своих обитателей.

И Челли решил рискнуть. Собственно, у него и не было другого выхода, а от этого риск казался меньшим. Серж рассчитал возможные последствия, и Лева аккуратно срезал противометеоритным орудием кусок с вершины Рыжика.

С этой стороны опасность вроде бы больше не угрожала. Но Пункт Связи... Долго ли еще им будет так везти, как сегодня, когда ни один из тысяч обломков так и не задел антенны нуль-связи?

И когда Жак и Лева ушли спать, Челли составил текст нуль-граммы для Компании: он просил разрешения на эвакуацию персонала Станции и части оборудования. Нуль-прохождения не было, и он остался сидеть у дешифратора, подперев седую голову левой рукой и пожевывая мясистыми губами короткий и толстый большой палец — привычка.

По правде говоря, было еще одно соображение, которым он не успел поделиться с Кушниром и Ферраном. Не верил Челли в одновременное сумасшествие всех без исключения глубинных энергодатчиков. А их было око-

ло восьмисот — на площади более ста квадратных километров. Но если они показывали правду, следовало ожидать мощнейшего планетотрясения, причем в ближайшие сроки. Серж подсчитал примерное время начала возможного катаклизма и остановился на вечере 17 мая. У них было еще около двух суток.

Верный привычке оставлять резерв времени на не предвиденные обстоятельства, Челли мысленно назначил себе срок эвакуации — 17 мая, 9 часов утра. Если Компания успеет к этому времени прислать грузовик. Если же нет, придется взлетать на единственном исправном катере, на том, который ушел на Рудник. И сидеть на Кольце, пока Компания не соизволит их оттуда забрать. К тому же на катере много не вывезешь...

Лино очень хотел спать, он устал не меньше Жака и Левы. Но запросив разрешение на эвакуацию, он сам отнес ситуацию к четвертой — предпоследней — категории опасности. А по Космокодексу, в ситуации выше третьей категории на Станции должно быть организовано круглосуточное дежурство.

Если бы не Компания и ее дурацкие правила, можно было бы дождаться группы Чивилиса и стартовать с Ипполиты. Но Лино получал деньги не от Службы Дальней Космической Разведки, как те же Штрайх и Натали, он был служащим Компании. И поэтому жевал свой большой палец, вместо того чтобы наслаждаться в постели каким-нибудь лунным карнавалом из подборки МГИ¹.

Внезапно ожил экран визора, и Лино облегченно вздохнул: группа Чивилиса вышла на связь. Но экран засветился и погас, и Лино, выругавшись по-итальянски, снова уселся в свое кресло. Проклятое мозаичное происхождение, проклятая сейсмическая активность, прокля-

¹ *МГИ* — малый гипноизлучатель.

тая планета!.. Планета-недоразумение! Планета, которой не может быть!

Серж показал запрос на вход, и Лино снял защиту. Через 5 минут в холл ввалились усталые Чивилис, Сайто, Гайданович и Штрайх. Видно было, что им тоже порядком досталось от Ипполиты.

— Еле живы,— выдохнула Натали.— Еще бы немногого — и конец!

— Воздух на исходе,— подтвердил доктор.

— Всем спать! — распорядился Челли.— Завтра готовимся к эвакуации.

— Какая эвакуация?! — вдруг сорвался Штрайх.— Да вы знаете...

— Ну вот что, Штрайх,— жестко сказал Чивилис.— Я терпел ваши выходки слишком долго! Потрудитесь соблюсти элементарные правила дисциплины. Параграф сто восемьдесят...

— Да знаю...— увял Штрайх.— Доклад начальнику экспедиции входит в обязанности старшего группы. Параграф вы, а не человек...

— Кстати, о дисциплине,— напомнил Челли.— Я, кажется, приказал всем спать. Почему все еще здесь?

— Кстати, об эвакуации.— Штрайх очень точно передал интонацию начальства, и Челли поразился: неужели я так говорю? Хорошо еще, что кроме них в холле никого не осталось.— Кстати, об эвакуации. На чем вы ее собираетесь проводить, если не секрет?

— Как на чем? — насторожился Челли.— А ваш катер?

— Наш катер лежит примерно в шестидесяти километрах отсюда и в ближайшее время там останется. Мы добирались на «Мышонке». Катер упал на скалы в районе Левого Малого Когтя.

— Перестань паясничать и отвечай быстро и коротко,— попросил Челли.— Что с ним?

— Вышел из строя энергоблок. Довольно сильно по-мят. В общем, ремонту на несколько дней.

— Тогда так... Останешься дежурным до утра. Потом кем-нибудь сменю. Выдержишь?

— Разумеется.— Уве пожал плечами.

— Надо отправить нуль-грамму в Компанию и СДКР¹. Будем эвакуироваться как можно скорее. Займись чем-нибудь, чтобы не уснуть. Следи за сейсмодатчиками. Возможно, это последние наши сутки на Ипполите.

— Но почему?

— Потому что послезавтра ее должно здорово тряхнуть. Так здорово, что лучше переждать в другом месте. Запроси у Сержа записи сейсмообстановки и показания энергодатчиков, сам поймешь.

— Вот дьявол... Тут такое дело...

— Давай все дела оставим на завтра. Я спрашиваю, есть чем заняться ночью, чтобы не уснуть?

— Да есть, конечно... вот в БГИ² покопаюсь, мой канал что-то барахлит... Нуль-грамму отправлю, не беспокойтесь. Было бы прохождение...

— Ну, спокойной ночи тогда.— Лино, тяжело кряхтя, встал.— Тебе спокойной ночи, и всем нам...

¹ СДКР — Служба Дальней Космической Разведки.

² БГИ — большой гипноизлучатель.

ГЛАВА 3

*Ипполита. 16 мая. 06:00—08:12 СГВ. Станция
Лино Челли*

...Гигантский лев, сраженный ультразвуковой пулевой, еще летел, распластавшись над тропой, к охотникам. Но уже спал. Мышцы его обмякли, голова опустилась, и он, не долетев примерно метра полтора, шлепнулся в заросли. Лино опустил ружье и подозвал Роджера. Тот, поняв движение головы хозяина, помчался сквозь высокие африканские травы к неподвижному царю зверей, и Лино тоже стал слезать с лошади, но в это время все небо над саванной заполнил приятный музыкальный звук. Он все не прекращался, и Челли сообразил, что видит сон, и пора вставать...

Он открыл глаза. Ночь прошла относительно спокойно, и это привело его в хорошее настроение.

С полотенцем в руках он прошел к пульту управления Станцией. Из своего блока вышел в тренировочном костюме Чивилис, взял гантели и начал неторопливую зарядку. Холл постепенно наполнялся людьми.

Челли подошел к дешифратору и с неприятным удивлением заметил в окошке карточку нуль-граммы. Нежужели за ночь Уве так и не сумел отправить сообщение на Землю? И где, кстати, он сам? Челли поискал глазами

в холле, потом приоткрыл дверь жилого блока Штрайха и, наконец, догадался включить бортжурнал.

«Пять — ноль две,— раздался спокойный голос Уве.— Выхожу из Купола».

Челли помотал головой: тоже мне, форма сообщения... «Выхожу из Купола»... Куда, зачем, на сколько? Он нажал клавишу визора — никакого ответа.

— Юлиус,— обратился он к Чивилису, собиравшемуся в ионный душ,— не в службу, а дружбу: притащите сюда Штрайха. Он, видимо, увлекся чем-то в Ангаре, копается и не слышит ничего.

Чивилис так же молча прикрыл дверь душа и вышел в шлюз. Через несколько минут раздался писк «электронного сторожа»: Чивилис вышел из Купола. Этот звук напомнил Челли, что надо бы переключить защиту со второй ступени на первую, пока ничего угрожающего не происходит — сэкономить энергию. Лино щелкнул тумблером «защита» и связался с Сержем, запросив показания глубинных датчиков. Цифры были еще более несуразные, и Челли раздраженно отключил дисплей.

В это время засветился экран визора: длинное лицо Чивилиса выражало недоумение:

— Лино, его здесь нет! Я звонил на Пункт Связи, никто не отвечает. Он куда у вас отпрашивался?

— Да никуда он не отпрашивался! Я хочу знать, где он.

— Тогда я иду на Пункт Связи, может, встречу по дороге.

Раздражение Челли теперь бросалось в глаза. Он зачем-то зашел в медотсек, закрыл за собой дверь и минуты три постоял там, переминаясь с ноги на ногу, словно пытаясь что-то вспомнить. Попытка явно не удалась. Тогда Челли, сокрушенno махнув рукой, высунул голову из «чистилища» и оглядел холл. Увидев доктора Сайто, беседующего с Натали, начальник Базы поспешил к ним:

— Доктор, потрудитесь объяснить, почему программа вчерашнего дня не была выполнена?

Маленький доктор немного замялся и ответил не сразу:

— Но... видите ли, Лино... Нельзя сказать, что мы со- всем провалили программу исследований... Юлиус и Натали получили весьма обещающие результаты... А уж наше последнее...

Челли не стал ждать, пока доктор закончит фразу:

— Я говорю не только о программе исследований. Вы, так же, как и Чивилис, являетесь служащими компании. Юлиуса я спрошу, когда он вернется, а пока объясните вы: чем мне оправдать перед Компанией потерю катера? Ридолитом, который вы не привезли?

Доктор снова растерялся, но ему на выручку пришла Натали:

— Лино, ну нельзя же так в самом деле! — Она взяла Челли под руку.— Остыньте, пожалуйста. Если бы не авария, мы б завалили вас и Компанию в вашем лице месячным запасом ридолита, вы же понимаете... В аварии никто не виноват, так же как никто не виноват в том, что мы так и не достигли Рудника...

Доктор явно порывался что-то вставить, но Натали ладошкой закрыла ему рот:

— Мы все прекрасно осознаем степень вашей личной ответственности перед Компанией, Лино, но должны же они там понять, что мы сделали все возможное! Мы вернулись вчера еле живые. У нас почти не осталось воздуха — на полчаса, не больше. Не надо нападать на доктора, Лино, милый...

— Полчаса... — насторожился размякший было Челли.— У всех на полчаса?

— Ну... плюс — минус пару минут,— пожала плечами Натали.— Какое это имеет значение?

Челли оглянулся и увидел, что доктор Сайто тихонечко подбирается к шлюзу.

— Вы далеко, доктор?

— Я... э-э... в Ангар. Кажется, кое-что забыл в «Мышонке».

— Посмотрите, сколько у вас воздуха в баллонах?

Доктор проскользнул в шлюз и, уже натягивая костюм, прокричал:

— На 32 минуты, Лино. Но я успею, мне только в Ангар и обратно.

Над дверью шлюза зажглось табло «Полная герметизация».

— Полчаса... — после паузы повторил Челли.

— До Ангара всего 50 метров, о чем вы беспокоитесь? — удивилась Натали.

— Не о чем, а о ком, — поправил ее Челли. — Хотел бы я знать...

Окончить мысль помешал вышедший из своего блока Лева. Он зевнул, сладко потягиваясь, громогласно заявив:

— Ах, друзья мои, как хорошо в Африке... Кстати, Лино, ну-ка, быстренько пройдемте в «чистилище»!

И, не слушая возражений, увлек Челли в медицинский отсек.

— В Африке? — удивленно повторила Натали, оставшись в холле одна. — Как странно...

Она тряхнула копной иссиня-черных волос и закрыла за собой двери ионного душа.

— Что-то я хотел вам сказать такое... у-умное такое, наверное... — Лева навис над Челли, как скала над берегом. — Точно! Очень умное и важное. А вот что именно — забыл! Вот ведь досада.

— В последнее время все мы стали чересчур много забывать, — произнес доктор, входя в отсек. — Я вот тоже

никак не могу вспомнить некоторые события вчерашнего дня...

— Да бросьте вы о вчерашнем дне! — вспылил Челли. — Я хочу знать, в каких костюмах вышли Штрайх и Чивилис!

— А в чем проблема? — спросил Лева. — Можно посмотреть. А вот, что я вам, Лино, хотел все-таки сказать... — и вытащил Челли из «Чистилища».

— Доброе утро, — сказал Ферран, сидевший в холле. — Какие будут распоряжения?

— Жак, идите в Ангар с Кушниром, готовьте второй катер. Взлет — не позднее завтрашнего утра, — распорядился Челли.

— Ваш юмор неуместен, — провозгласил Лева. — На этой таратайке мы можем взлететь и сегодня, только для этого ее надо предварительно заминировать. Кроме того, я еще не вспомнил, что именно я хотел вам сказать в медотсеке.

— Вспоминайте в Ангаре. Вот и Ферран поможет. К 6:00 катер должен быть готов, — махнул рукой Челли, набрал код Пункта Связи и зафиксировал клавишу вызова.

Через несколько секунд Пункт Связи ответил голосом Чивилиса:

— Это я, Лино. Мне бы хотелось кое-что уточнить, никак не могу разобраться... Он еще не приходил?

— Нет. Какой у вас запас воздуха, Юлиус?

— Я взял два новых баллона, а что?

— Я не уверен, но доктор сейчас выяснит... Подождите минуту... — Челли повернулся к доктору:

— Минору-сан, запросите, пожалуйста, у Сержа количество заряженных баллонов воздуха на складе по состоянию на 4:30, 5:30 и на 6:30... И простите меня, Бога ради, за несдержанность. Эта обстановка здорово действует на нервы!

ПОЯС ИППОЛИТЫ

— Ну что вы, я уже все забыл.— Доктор вежливо улыбнулся, пожал плечами и посмотрел на дисплей: — 118, 118, 116.

Челли стукнул кулаком по столу:

— Слышите, Юлиус, у него больше нет кислорода! Лицо Чивилиса еще больше вытянулось:

— Он был здесь, это точно... Лино, включите его СК¹-маяк!

Челли тут же щелкнул тумблером на пульте:

— О, Мадонна! Нет прохождения!

— Я иду его искать. Конец связи.

— Я не совсем понял, у кого нет кислорода,— растерянно сказал доктор, глядя на погасший экран.

— У Штрайха, черт побери! Он вышел в пять утра с запасом максимум на сорок минут, а сейчас уже семь пятнадцать!

Позади них раздался неожиданный звук. Оба стремительно обернулись. Натали, бесшумно вышедшая из ионной душевой, обессиленно опустилась в кресло. Доктор тут же бросился к ней. Челли набрал код Ангара:

— Лева, сейчас к вам подойдет доктор, садитесь в «Мышонка» и обшарьте окрестности. Настройтесь на аварийные частоты СК. Доктор вам все объяснит!

Он выключил визор и повернулся к Сайто и Натали:

— Минору-сан, вы все слышали? Вы с Кушниром должны его найти! Не забудьте взять запасные баллоны для себя и для него... Мы со вчерашнего дня не были в оранжерее. Загляните, вдруг он там... Чем черт не шутит... Держите с нами связь. Я побуду с ней.

Доктор уже был в шлюзе, когда на связь вышел Чивилис:

¹ СК — спасательный комплекс.

— Лино, я из оранжереи. Мне нечем вас обрадовать. Его здесь не было, да и не могло быть: оранжерея полностью разрушена. Он не мог бы здесь спастись, даже если приходил сюда. Я продолжу поиски.

— Продолжайте, — обреченно вздохнул Челли. — Я послал к вам доктора и Леву... Конец связи, Юлиус.

— Конец связи.

Когда Натали немного пришла в себя, Лино метнулся к дешифратору. На пульте нуль-связи горела зеленая лампочка: нуль-прохождение! Лино торопливо ввел входные данные нуль-граммы и опустил карточку в окошко дешифратора. Но пульт почему-то молчал.

Лино выругался и машинально посмотрел на часы: семь пятьдесят три. Что за дьявол? Такого еще не было... Сам Лино конструкцию пульта знал поверхностно и предпочел не копаться в нем, а позвать на помощь Феррана.

Но когда тот прибежал под Купол, дешифратор неожиданно заработал. Сначала он выплюнул карточку Челли, зажег табло «прием», а затем быстро и отрывисто застучал новую нуль-грамму:

Земля — Ипполите. 03:00 СГВ

16.05... 0004. Категория А. 29987

TU4934.

Всемирный Совет уведомляет Человечество о гибели вчером 15 мая с. г. звездной системы MX5433 «Сеньор».

На всех четырех планетах системы находились колонии и научно-исследовательские станции. 62487 сыновей и дочерей Земли никогда не увидят большую родную планету. Дорогой ценой платим мы за каждую победу над Пространством и Временем. Космос не хочет открывать Человеку свои тайны. Но иного пути вперед нет! И в

ПОЯС ИППОЛИТЫ

этот трудный час с болью в сердце мы призываем Человечество к мужеству и сплоченности. Специалисты Службы Галактической Безопасности ведут расследование причин космической катастрофы.

От имени скорбящего Человечества Всемирный Совет выражает глубокие соболезнования родным и близким погибших. Память о них навсегда сохранится в наших сердцах.

Всемирный Совет объявляет 18, 19 и 20 мая днями Галактического траура.

TU4934 Ипполита. 16.05... 08:00 СГВ.

4617

ГЛАВА 4

*Земля. 16 мая. 11:12—12:24 СГВ.
Служба Галактической Безопасности
Жозе Гимараеш, Охотник*

Поверхность стола: гладкая, на ощупь чуть теплая — будто живая... И цвет приятный, кремовый, домашний, уютный какой-то... Расслабляет. Очень нужно расслабиться... Вытянуть руки по столу... Ладонями вниз, как можно дальше... Лечь щекой на теплую... Теплую поверхность... Закрыть глаза... Заснуть... Забыться хоть на минуту...

Щетина... Щетина! В дебри Галактики лезем, а с собственной щетиной справиться не можем, ежедневно — пожалуйте бриться!

Гимараеш раздраженно потянулся к клавише видеофона.

— Группа Анкена.

— Как у тебя с людьми?

Выражение бесстрастного лица Анкена не изменилось, он все так же спокойно смотрел куда-то мимо Гимараеша, только чуть скривил нижнюю губу и от этого стал похож на старую крючконосую птицу.

— Как у всех.

— Конкретнее, кто свободен?

— Никто. Трое занимаются проблемой Балинта, остальные в 6-м отделе.

— Кто занимается Балинтом?

Анкен снова пошевелил нижней губой и тяжело вздохнул:

— Опять забирать будете?

Когда Анкену казалось, что интересы его группы ущемляются, он демонстративно переходил на «вы» с начальником отдела.

— Да вот думаю.

— Хорошо быть начальником: есть время подумать и над такими проблемами...

— И возможность наказывать подчиненных за дерзость. Ты бы не хамил начальству, а посмотрел почту часа, там нуль-грамма должна быть с Ипполиты.

Анкен снова тяжело вздохнул и исчез с экрана. Полез за кристаллокопией, подумал Гимараеш. Не хочет, чтобы я видел, как он будет читать... Как ребенок, честное слово! Стыдится прогрессирующей дальтоничности, а коррекцию зрения делать не хочет...

Через пару минут Анкен вновь возник на экране:

— Там их даже две, о какой вы говорите?

— Две? — Это для Гимараеша было неожиданностью.— А какая вторая?

— А какая первая? — парировал Анкен. Но видя, что начальник отдела «заводится», миролюбиво пояснил: — Вторая в Правление «Галактических россыпей», которые ведут разработку на Ипполите. Зная содержание первой нуль-граммы, вице-президент «Россыпей» Уильямс передал копию второй нам. И свой ответ тоже. Я транслирую их вам.

— Лучше прочти все три в хронологической последовательности вслух. Вместе подумаем, что делать.

Анкен нагнулся, вставил первую кристаллокопию в паз проектора и, полуотвернувшись от экрана, начал читать, четко выговаривая окончания слов:

Ипполита — Земле. Правление Компании «Галактические россыпи», копия — Службе Дальней Космической Разведки Комитета по Космосу. 16.05... 08:25 СГВ.

Прошу разрешения эвакуацию персонала Станции и части оборудования. Результате ряда проявлений сейсмической вулканической активности создалась крайне опасная обстановка. Потерян один двух экспедиционных катеров. Разрушена оранжерея. Перерывы эпизодами прохождения радиоволн увеличиваются. Судя показаниям приборов ближайшие двое суток ожидается гигантский катаклизм планетарного масштаба. Ситуация отнесена мной четвертой категории.

Начальник Экспедиции Лино Челли

— Та-ак,— протянул Гимараеш.— Дальше.

— Дальше ответ Компании. Ненужные атрибуты с вавшего позволения я опущу... «Земля — Ипполите. 09:15 СГВ». Так-так-так...

Эвакуацию втором катере Ретрансляционное Кольцо разрешаю. Держите Землю курсе развития ситуации.

Вице-президент Реджинальд Д. Уильямс

— Понятно, но только в общих чертах. Что такое «Ретрансляционное Кольцо»?

— Слушайте пока третью, а я сейчас выясню.

Ипполита — Земле. Служба Галактической Безопасности Всемирного Совета. Копия: Службе Дальней Косми-

ческой Разведки и Правлению Компании «Галактические россыпи». 10.40 СГВ.

Ночью 16 мая результате несчастного случая погиб инженер-системотехник научно-исследовательской экспедиции «Ипполита» Уве Штрайх. Заваленное обломками скал и грунтом тело найдено месте схода лавины недалеко Пункта Связи. Причиной смерти заключению врача экспедиции Сайто явилась асфиксия результате нехватки воздуха в баллонах.

Начальник Экспедиции Лино Челли

— Эту, как ты понимаешь, я уже читал...

— Понятно... А теперь по поводу Ретрансляционного Кольца. Мне тут подсказывают, что это очень странная планета. Электромагнитные волны почти всего спектра там «гасятся». На поверхности имеет место так называемое «мозаичное прохождение» радиоволн. Проще говоря, слышно не всегда, на очень маленьких расстояниях и очень плохо. Атмосфера вообще практически непроницаема. Удалось найти лишь одно место в атмосфере с частичным прохождением нуль-волн. То есть одна «дыра», диаметром не более нескольких сотен метров. И та периодически закрывается невесть на сколько. На поверхности — единственный на Ипполите пункт нуль-связи, рядом с ним — База экспедиции. А вне атмосферы над этой дырой подвешена космическая станция нуль-связи — Ретрансляционное Кольцо. Там есть жилые отсеки и кое-какие запасы. Относительно безопасная посадка на планету возможна только в эту «дыру» по приводному сигналу с Пункта Связи. Нуль-транспортировка с ограничением по массе до 20 кг. Органической жизни нет. Кстати, других дыр в атмосфере две предыдущие экспедиции тоже не зафиксировали. Вообще планета открыта

не так давно, найдены следы пребывания Странников, но ничего нового...

«Анкену всегда „подсказывают“ очень обстоятельно, информация в его группе поставлена образцово», — подумал Гимараеш.

— А причем здесь «Россыпи»?

— Ридолит...

— О-оо, — удивленно протянул Гимараеш. Тогда все становилось на свои места. Ридолит — это действительно дело для «Россыпей». Только одно неясно...

— Слушай, а почему они не объявили об этих разработках? Все-таки стратегическое сырье, достояние Человечества...

— Там очень маленькое месторождение. Практически не имеет промышленного значения. Около пяти—восьми кг в месяц. По Космокодексу они имели право не объявлять его. Но тем не менее Компания финансирует Экспедицию СДКР.

— Хорошо... Так как тебе вся эта история?

— Тухло. — В первый раз за весь разговор Анкен позволил своему лицу отразить какое-то чувство — это было облегчение. Гимараеш усмехнулся про себя: он сообразил почему.

— Ты хочешь сказать, что мы не успеваем?

— Именно. Согласно правилам ВКР они уже успеют кремировать тело в течение 6 часов и будут спокойно пить кофе на своем Кольце, пока ты найдешь кого-нибудь. А когда тот доберется до Ипполиты, там уже долбят так, что и следа от Базы не останется. Я говорю, тухлое это дело, Жозе.

«Но не для тебя, ведь я теперь никого из твоей группы не трону», — подумал Гимараеш.

— И все-таки надо что-то придумать, — помолчав, добавил Анкен. — Мне все это не очень нравится.

— Мне тоже. Весьма напоминает попытку замести следы. Срочная эвакуация, планетарные катаклизмы, черти-дьяволы... А не долбанет — приборы ошиблись...

Бросание камней по кустам, в общем... Но мы действительно не успеваем...

— Страховые компании с тебя кожу снимут...

«Это уж точно», — подумал Гимараеш.

— Но ведь все равно не успеть... Да и не до таких дел теперь...

— И ты небось только об этом Взрыве думаешь?

Гимараеш кивнул. У всех на уме сейчас только Сеньор... Разумеется, гибель одного инженера в каком-то Богом и людьми забытом углу Галактики ни в какое сравнение не идет с гибелью целой планетарной системы...

Еще в 3 часа утра с Земли было отправлено и в тот же миг во всех уголках обитаемой Вселенной получено обращение Всемирного совета к Человечеству, всего четвертое за всю историю этого органа. Взрывом занимался 6-й отдел, куда были прикомандированы лучшие умы.

Все сотрудники СГБ на планете были подняты с постелей сразу по получении последней нуль-граммы с Сеньором. А Гимараеш и не успел лечь, его предупредили о первой же нуль-грамме в девять вечера. Первоначальное мнение 6-го отдела Гимараеш знал: враждебная акция неизвестной высокоразвитой цивилизации. Он не мог заставить себя поверить в это, но других объяснений Взрыву пока тоже не находил. По данным 2-го отдела в Системе Сеньора не было объектов, аварии которых могли привести к гибели хотя бы одной планеты. С другой стороны, эксперты категорически отвергали самую возможность «естественного» происхождения Взрыва. Ни о каких Новых и Сверхновых не могло быть и речи. Поэтому, пока в 6-м шел анализ, 4-й готовил возможные мероприятия по мобилизации, а 3-й проигрывал вари-

анты отражения прямой агрессии. Хватало дел и у 5-го отдела. Хотя Гимараеш не был в них посвящён подробно, он знал, что практически все сотрудники 5-го во главе со знаменитым Клейнером тоже работают на 6-й. И только его 1-й отдел, значительно, впрочем, ослабленный, продолжал заниматься текучкой.

— Слушай,— неожиданно прервал его размышления Анкен,— может, найдем Наблюдателя?

«Наблюдатель? Наблюдатель — это, пожалуй, спасение от страховых компаний», — подумал Гимараеш. За последние лет десять никто, кажется, не использовал Наблюдателей, но никто и не отменял срок четвертого параграфа Устава... Просто статус Наблюдателя был как бы сведен на нет после того фиаско на Плутоне... Но формального запрещения Всемирный Совет не давал. «В конце концов мы ничем не рискуем,— подумал Гимараеш.— Может, еще и не найдем никого подходящего...»

— Давай попробуем,— кивнул он Анкен.— Запроси Информаторий о юристах, а я поищу подходящие грузовики. Радиус — 25 световых лет.

Пару минут они сосредоточенно следили за своими дисплеями, потом почти одновременно подняли головы.

— Есть,— сказал Гимараеш.— Грузовик Фирмы «Транс Юпитер Фрут». Пилот Дональд Моррис, направляется в систему TU4707.

— И у меня есть,— ответил Анкен.— Система TU4683, Арикс-1, Грегори Голдин.

ГЛАВА 5

*Арикс-1. 16 мая. 12:43—14:45 СГВ
Грегори Голдин (начало)*

Некоторые истины, к сожалению, необходимо про- чувствовать на своей шкуре. Тогда им веришь.

«Любому терпению рано или поздно приходит конец». К пониманию этой истины Грег Голдин пришел на шестой день своего пребывания на Ариксе-1. Нормальный человек не выдержал бы и трех. Но Голдин обладал неистощимым запасом выдержки, счастливо сочетавшейся в его характере с фантастической застенчивостью. Поэтому, когда впервые в жизни Голдин почувствовал непреодолимое для нормального человека желание подойти, наконец, к Смотрителю планеты Пикерстайну и высказать все свои впечатления от Арикса-1 и его обитателей одной фразой, он просто постеснялся сделать это. И лишь в сладостном сне мерещился ему порой огромный письменный стол Пикерстайна и его ярко-розовая лысина, по которым так и хотелось постучать кулаком...

Но это были только мечты. Реальность же с каждым днем становилась все ужасней. Свои выводы педантичный Голдин свел к трем пунктам:

- а) Арикс-1 был самой скучной дырой в Галактике;
- б) Пикерстайн был самым болтливым человеком во Вселенной;

в) других собеседников, кроме Голдина, у него не было.

Последнее обстоятельство являлось, пожалуй, причиной первых двух, заметил про себя Голдин. Пока он не появился на планете, Джерри Пикерстайн разговаривал сам с собой, с биокиберами, с морем и с рыбами. Изредка ему удавалось побеседовать со смотрителями Арикса-2 и Арикса-3. А уж когда на Арикс-1 прибывали грузовики за рыбой, Джерри успевал заговорить несчастных пилотов до состояния полного транса.

И вот теперь нелегкая занесла сюда Грега...

Он понимал, что поступил опрометчиво, поверив доводам директора Департамента Ли Чанга и согласившись добираться до Псориды на попутных грузовиках. Но очень уж хотелось поскорее познакомиться поближе с юридическими танцами псоридян и решить некоторые теоретические проблемы. В частности, весьма сомнительным в свете последних данных представлялось утверждение доктора Акимова о том, что в спорах о наследстве полонезоидный гопак присяжных постепенно вытесняется пасадоблеобразным тустепом. И совсем уж неправдоподобным выглядело сообщение коллеги Ривса о доминанте пятого па в бракоразводных галопах ответчика. Впрочем, коллега Ривс всегда был несколько... фантазером...

Зато выводы самого Голдина об уголовных танговаль- сах казались чрезвычайно убедительными и, без сомнения, должны были триумфально подтвердиться на Псориде. Весь вопрос состоял в том, как туда попасть...

Грегори Голдин, научный сотрудник Департамента преиндустральных цивилизаций Комитета по Контактам, один из крупнейших на Земле специалистов по псоридянской юриспруденции, со своим багажом — всего 4 тонны бус, гвоздей, тряпья и записывающей аппаратуры — безнадежно застрял на Ариксе-1.

Мгновенье первого сладостного свидания с вожделенной, прекрасно изученной заочно системой псоридянского судопроизводства отодвинулась в бесконечность.

Грегори страдал. Он так долго ждал этого отпуска, так готовился к путешествию, так мечтал о Псориде...

Псорида была больше, чем хобби,— она была делом всей недолгой сознательной жизни Грегори (сюда он причислял пять лет учебы в университете и три года работы в Комитете по контактам). Ей одной он посвящал все свободное и — чего уж греха таить — значительную часть служебного времени, что было результатом дипломатического искусства Грегори и хорошего отношения к нему Ли Чанга. Голдина нисколько не смущал тот факт, что научную дерзость его гипотез в провизорски точном сочетании с ответственной взвешенностью выводов могли оценить лишь два-три десятка специалистов в Галактике.

Тем хуже для остальных, считал Грег, если они не видят прелести и притягательности Псориды.

А пока оставалось лишь, прячась от Пикерстайна, греться под лучами ласкового Арикса, лежа на песчаном пляже единственного на планете Острова (видимо, поэтому у него так и не было названия — просто «Остров»), или купаться в очень теплой воде очень мелкого по земным меркам Океана — тоже, разумеется, единственного. Чем Грег и занимался вот уже одиннадцатый день. До конца отпуска оставалось еще девятнадцать...

Надежда явилась к нему после обеда в образе биокибера Йорика:

— Вам нуль-грамма, сэр.

Голдин вскочил с песка и поспешил отряхнуть плавки:

— Давайте, Йорик. Это, наверное, от Чанга.

Однако, прочитав карточку в первый раз, Грегори ничего не понял. Кроме того, что нуль-грамма была не от

Чанга. Он даже подумал, что произошла какая-то ошибка, и нуль-грамма попала не по адресу. Но на карточке значилось его имя.

Земля — Ариксу-1. 3016. Сотруднику Комитета Контактам Грегори Голдину. 16.05...12:30 СГВ. Категория А1. 29997. TU4683.

Вам предлагается срочно прибыть в качестве Наблюдателя СГБ для расследования несчастного случая Ипполите Системы TU4934. Ответ немедленно сообщите Земля, СГБ, отдел 1. В случае согласия копию ответа: Венера, Франклин-Рузвельт-Сити, правление компании «Транс-Юпитер Фрут».

Вам будет послан грузовой звездолет класса «Дельфин».

СГБ-1 Гимараеш.

TU4683. Арикс-1. 16.05...12:30 СГВ. 1018

Грегори повертел карточку в руках, не зная что делать. Наблюдатель СГБ... Что-то было в этом, кажется, в университете курсе... Да-да, общих вопросов права! Но вот что именно?..

Внезапно решившись, Голдин шагнул к Йорику:

— Поехали в Здание.

Йорик выдвинул сиденье, заботливо пристегнул Голдина ремнями безопасности, закрыл его пластиковым щитком и взвился в жаркое зеленоватое небо.

ГЛАВА 6

*Арикс-1. 16 мая. 12:40—14:45 СГБ
Дональд Моррис (окончание)*

Для меня эта история началась с нуль-грамм от нашего председателя Акционерного совета: срочно менять курс и прибыть на Арикс-1 в распоряжение Наблюдателя СГБ Голдина. В случае успешного выполнения своей миссии, любезно сообщал господин Ривера, я могу расчитывать на поощрение со стороны «Транс Юпитер»...

Ну насчет поощрения я не особенно обольщался: они там у себя удавятся, но ни гроша из рук не выпустят. А уж премию рядовому пилоту выплатят только на его похороны. Но перспектива оказать услугу СГБ... Да не просто оказать услугу, а «поступить в распоряжение»... Это уже интересно!

Не знаю, как вы, а я, насмотревшись фильмов о подвигах героев из СГБ в борьбе с полчищами кристаллов-агрессоров или амеб-изуверов (умеющих почему-то принимать человеческий облик), никогда лично не имел чести встречаться с этими ребятами. Да и мыслящие кристаллы мне пока не попадались. Как, впрочем, и большинству остальных людей. К тому же ни в одном фильме не упоминалась должность Наблюдателя...

Вот почему я с радостью пожертвовал доставкой свежих бананов на Коперник-16 ради знакомства с мистером Голдиным.

Арикс-1, как выяснилось, находился в пределах одной эволюции. Уже в 14.15 бот с Наблюдателем СГБ на борту причалил к «Северину».

Когда автопилот увёл бот к Ариксу-1, я открыл дверь в шлюз и... почувствовал себя жестоко обманутым. Героями СГБ здесь и не пахло... Вместо них в шлюзе возился маленький кудрявый толстячок, безуспешно пытавшийся стянуть с себя космокостюм «Ас». Над полной верхней губой у него красовались мерзкие рыжеватые усики. Еще я отметил бегающие карие глазки, лысую макушку и множество веснушек на лице и руках.

Явный недостаток волос на голове у него, как позже выяснилось, с лихвой возмешался обилием растительности на груди и спине.

— Голдин,— сказал толстячок, протянул мне с большим трудом высвобожденную руку и обильно покраснел.

Суперменом его не решился бы назвать даже Ганс-Христиан Андерсен.

— Моррис,— назвался я, с недоверием разглядывая его. Мне показалось даже, что моего Голдина кто-то подменил.— Что я должен делать?

По-моему, он растерялся. Глаза уставились в пол, пальцы нервно сплелись, губы задергались, и он через силу ответил:

— Если можно... было бы очень необходимо попасть на Ипполиту...— Потом собрался с силами, в первый раз взглянул на меня и добавил: — И хорошо бы поскорей.

По-прежнему убежденный, что это розыгрыш, я связался с электронным мозгом «Северина» (я еще не удосужился дать ему имя) и запросил Галактические координаты Ипполиты. До сих пор мне никогда не приходилось

слышать о планете с таким названием... Две эволюции, это максимум два с половиной часа земного времени. «Северин» был готов к переходу в гиперпространство, и я начал первую эволюцию.

Голдин тем временем устроился в соседнем кресле. Так и не сняв нижнюю часть космокостюма, он с отсутствующим видом разглядывал рубку. Позже я понял, что так у него выражается готовность отвечать на вопросы. Но тогда я этого не знал, поэтому сам мучился: как начать разговор. Наконец Наблюдатель не выдержал:

— Скажите, пожалуйста, мистер Моррис, э-э... как вас зовут?

— Дональд, — спохватился я. — А вас, сэр?

— Очень приятно, — сказал вежливый Голдин. — А меня — Грегори.

Я почувствовал себя свободнее. Все-таки, когда человек сам предлагает называть себя по имени, общение с ним заметно облегчается.

— Простите, Грегори, вы действительно Наблюдатель СГБ? Что это означает? Вы давно работаете в СГБ?

— Называйте меня просто Грэг... А что касается СГБ... Видите ли, Дональд, честно говоря, я там вообще не работаю.

— То есть как? — не понял я.

— Наблюдателем я стану на Ипполите.

— Значит, это — вроде экзамена?

— Не совсем... — Толстяк опять замялся. — Видите ли, СГБ, как вы понимаете, призвана заниматься вопросами... э-э... Галактической безопасности. Но в некоторых, особо оговоренных случаях она еще и выполняет функции полиции. Например, там, где полиции нет, но появляется необходимость в расследовании. Но случается так, что кадровый сотрудник СГБ по каким-либо причинам не может вовремя прибыть к месту происшес-

ствия. И тогда СГБ выбирает человека, который сможет собрать необходимый для следствия материал. Он становится Наблюдателем СГБ и имеет право требовать у местных властей все материалы и документы, нужные, по его мнению, для приобщения к делу. Он может даже настаивать на изоляции во время своей работы тех лиц или групп лиц, которые препятствуют ему в сборе выше-названных материалов.

Последние несколько фраз Голдин произнес замогильным голосом, прикрыв глаза и откинув голову. Я понял, что он что-то цитирует. Потом он открыл глаза и продолжил уже нормально:

— А еще Наблюдатель должен иметь юридическое образование, практику юридической работы не менее года и независимое положение. Этот пункт внесен по требованию страховых компаний и означает, что Наблюдатель не может к моменту начала сбора следственных материалов работать по найму. Исключение делается только для Галактических правительственные организаций. По каким-то своим соображениям СГБ решила, что я их устрою больше остальных кандидатов... Я и сам в растерянности...

Ореол СГБ вокруг кудряшек Голдина тут же растаял. Но это было еще интересней. Поскольку толстяк и сам в этом деле человек случайный, появлялась возможность включиться в настоящее расследование. Что могло бы быть заманчивее!

— Вам, думаю, не помешает помочь,— осторожно намекнул я.— Сами понимаете: одна голова — хорошо, а две — лучше...

— Спасибо, Дональд, это очень любезно с вашей стороны.— Толстяк явно обрадовался. Я даже не ожидал такой легкой победы.— Я ведь вовсе не уверен, что справлюсь...

Я довольно потер руки:

ПОЯС ИППОЛИТЫ

— Итак, что же произошло на Ипполите, и что нам предстоит делать?

— Там работает научно-исследовательская экспедиция компании «Галактические россыпи» и СДКР. Всего 7 человек. Исследуют планету, добывают ридолит...

— Ридолит?

— Да — это третье известное месторождение... Но оно промышленных масштабов не имеет, поэтому «Россыпи» его не афишируют... Каждый из семи владеет двумя и более специальностями. Четверо получают жалованье от «Россыпей», трое числятся в СДКР...

И вот один из них погиб. Попал под каменную лавину во время подземного толчка... Но это необходимо проверить, проанализировать все обстоятельства несчастного случая.

— Разве есть что-то подозрительное?

— Ну...во-первых, СГБ все равно должна информировать страховую компанию о результатах расследования, это входит в ее обязанности... А во-вторых, в тот же день на Землю пришла нуль-грамма с просьбой разрешить срочную эвакуацию экспедиции с Ипполиты. Поэтому и понадобился Наблюдатель: сами они не успевают. Да и, думаю, некогда им сейчас...

— Вы об этой катастрофе на Сеньоре?

— Да... В общем, нам придется поработать на Ипполите вместе, мистер Моррис.

Воистину: легкая победа теряет половину сладости.

— Согласен, Грэг. Называйте меня просто Дон.

— Договорились. Хочу предупредить, что вас ждет очень нелегкая посадка: на планете практически невозможна радиосвязь. Будете садиться по нуль-приводу с поверхности. Кстати, нуль-связь там тоже невозможна.

— Откуда вы все это знаете?

— Я успел запросить Информаторий. Кстати, запросите, пожалуйста, и вы, я еще не все успел выяснить...

ГЛАВА 7

*16 мая. Ипполита. 16:30—17:58 СГВ
Дональд Моррис*

Концу второй эволюции я уже знал об Ипполите довольно много...

Около четырнадцати лет назад кто-то из студентов-практикантов, работавших в Бюракане, впервые обратил внимание на некоторые странности в поведении Гектора. Красный гигант, находившийся в еще необжитом уголке Галактики, не представлял до этого никакого интереса. Но при уточнении расчетной траектории движения Гектора выявились маленькие несовпадения ее с действительной. До этого считалось, что у звезд, подобных Гектору, планетных систем не бывает. Масс-детекторов, берущих такие расстояния, нет и поныне. Поэтому было решено несколько изменить регламент одной из предстоящих экспедиций СДКР, с тем чтобы включить туда и исследование окрестностей Гектора.

Двенадцать лет назад командор Яновски на «Магеллане» прозондировал область Гектора экспериментальным масс-детектором. На третий день зондирования была обнаружена небольшая — диаметром чуть больше Луны — планетка, окутанная слоем неожиданно плот-

ной и сложной по составу атмосфера. Масса планеты была близка к земной, что указывало на чрезвычайно высокую плотность ее вещества.

Во время облета планеты Яновски убедился еще в трех ее особенностях. Во-первых, атмосфера здесь была практически непроницаема для радиоволн и нуль-связи. Во-вторых, перепады давления в ней создавали совершенно невероятной силы и непредсказуемого направления атмосферные потоки, проще говоря — вихри и ураганы.

В-третьих, наконец, на поверхности наблюдалась ужасающая сейсмическо-вулканическая активность.

Садиться решили в районе полюса: там оказалось любопытное горообразование кольцевой формы, в диаметре около 400 км, причем окружность, образованная горами, была абсолютно, просто мистически правильной. Однако две попытки проникнуть внутрь кольца закончились провалом. Пришлось сесть километрах в ста от него; именно тогда Питеру Яновски — большому любителю античной мифологии и Жюля Верна — и пришло в голову назвать это горообразование Поясом Ипполиты, а всю планету, естественно, Ипполитой. (Между прочим, экспедиции Свенссона тоже не удалось проникнуть внутрь кольца...)

Через четыре года Челль Свенссон нашел на планете третье в обитаемом людьми Пространстве месторождение ридолита, и так же, как и на двух предыдущих планетах, где находился ридолит, на Ипполите обнаружились следы Странников. Являлись ли месторождения результатом посещения Ипполиты их экспедицией или его целью, снова установить не удалось... Но без ридолита гиперпространственные переходы пока что немыслимы, и на Ипполиту «положили глаз» монопольные поставщики ридолита — «Галактические россыпи».

Так же, как и в других местах, следы пребывания Странников на Ипполите представляли собой странной формы подземные помещения, еще первооткрывателем — Де Лонгом — названные катакомбами. Какую цель преследовали представители этой могущественной сверхцивилизации, отрывая их на столь удаленной от всего планете, неизвестно. Никакой аппаратуры, вообще никаких следов материальной культуры обнаружить не удалось...

Зато Свенссону посчастливилось найти в атмосфере место, где волны нуль-связи, направленные из космоса, иногда достигали поверхности и наоборот. Это позволило основать на планете научно-исследовательскую станцию, хотя неустойчивый прием и накладывал на нуль-транспортировку неживых объектов ограничение по массе до 20 килограммов, а живые объекты, естественно, в таких условиях нуль-транспортировке не подлежали.

Как и следовало ожидать, несколько десятков килограммов ридолита, которые ежегодно мог дать рудник, заинтересовали «Россыпи». Компания решила финансировать экспедицию СДКР. Ее состав менялся каждый год. Вот уже восемь месяцев на Ипполите работали семь человек: Лино Челли, начальник экспедиции, астроном; Минору Сайто, врач и биолог; Лев Кушнир, инженер-кибертехник и пилот; Юлиус Чивилис, планетолог и ксеноархеолог; Натали Гайданович, физик-атмосферщик, и Уве Штрайх, инженер-системотехник и пилот. Теперь их осталось шестеро. Четверо из них работали как для СДКР, так и для «Россыпей».

В 16:40 я с орбитального Ретрансляционного Кольца вышел на связь с Ипполитой. Там уже ждали нас и надеялись эвакуироваться на «Северине», поскольку единственный исправный катер не мог вместить все материалы экспедиции да и нуждался в ремонте.

Я сгрузил на Кольцо тысячу тонн бананов: пусть стра-
дальцы потом покушают. Надо было спешить с посадкой,
пока было нуль-прохождение. Главную опасность на пер-
вый взгляд представляли атмосферные течения: как умуд-
риться не отойти от приводного луча в такой круговерти.
С другой стороны, на малых высотах скоростной режим
спуска, на который я надеялся, уже не годился. Мест-
ность в районе посадки была гористая, не выше 2 км,
правда, но очень сложная. Так что с высоты примерно
2,5 км необходимо было перейти на ручное управление и
опускаться чрезвычайно осторожно. Как погасить ско-
рость на крохотном отрезке спуска, как удержаться на лу-
че, как, наконец, сесть на эту терку...

Практика показала, что я все-таки не оценил всей
сложности предстоящей посадки. Я держал «Северин»
горизонтальными рулями изо всех сил, но тот все рав-
но выделявал коленца почище циркового акробата.
Может, я и не самый лучший пилот, но тут и сам Гор-
бовский не справился бы. Мы были в положении мухи,
попавшей под сильную струю воды и пытающейся
сесть в тарелку с горячим плещущимся супом. И эта
пятисотонная муха, мечущаяся в атмосферных вихрях,
никак не могла удержаться на заданном курсе. Нас в
конце концов отшвырнуло от луча примерно на три ки-
лометра.

Я хотел снова набрать высоту и искать нуль-привод,
но было поздно. Мы задели какую-то вершину (здесь их
было полно) и, потеряв управление, упали на это про-
клятое плоскогорье в полутора километрах от Купола...

Даже беглое тестирование дало печальный результат:
«Северин» нескоро теперь взлетит с Ипполиты. Надо
было выбираться из него и искать Станцию. К счастью,
мне не пришлось это делать: трое ипполитян на вездехо-
де, которых они именовали «Котенком», через пятна-

дцать минут после нашей не слишком мягкой посадки примчались за нами.

Впрочем, глагол «примчались» не очень подходил для описываемого способа передвижения. По Ипполите можно мчаться только навстречу собственной смерти. Скорее это было медленное плутание между бесконечными завалами, отрогами, скалами, вершинами, обрывами и еще Бог знает чем. Приходилось только удивляться, как это водитель «Котенка» Лева Кушнир вообще может в них ориентироваться. За бортом была совершенно непроницаемая для глаз сизая дымка, из которой вдруг в полутора—двуух десятках метров от нас то и дело возникала очередная преграда.

Лева мне сразу понравился. Ростом он был на добрых полголовы выше меня — а я себя низким не считаю. Тряхнув своими кудрями, он засмеялся и ответил:

— Здесь любого выпусти — через месяц синяков и шишек будет столько, что больно станет ошибаться. Поневоле дорогу научишься находить. А если серьезно, «Котенок» запомнил дорогу, когда мы ехали к вам. Это новая модель, с увеличенным объемом памяти. Так что я его сейчас не веду, а только слежу за дорогой на случай непредвиденного изменения ситуации... А вот тут мы остановимся.

Мы вышли из вездехода у особенно большого завала. Передвигаться было легко: сила тяжести на Ипполите была чуть меньше земной, и космокостюм не мешал при ходьбе.

— Вот здесь я обнаружил тело Штрайха, — сказал до сих пор молчавший Чивилис — длинный мрачный тип с высоким с заметными залысинами лбом. У него были резкие черты лица, вызывавшие скорее антипатию. Про себя я его окрестил Ацтеком. — Если хотите, отсюда дойдем до Купола пешком. Я провожу вас.

Голдин тут же согласился, очевидно, предвкушая приятный монцион, и мне тоже пришлось до самого Купола тащиться в полном молчании. Так что прогулка едва ли оправдала ожидания Грега. Лишь однажды он нарушил тишину в эфире:

— А часто вы ходите пешком от Купола до Пункта Связи или в основном передвигаетесь на вездеходе?

— В пределах Базы, как правило, только пешком, — ответил Чивилис. — Если расстояние больше 5—6 км, то на вездеходах, их у нас два. Ходить, как видите, здесь не очень легко, но у нас вечные проблемы с энергией. Световой почти нет, космическое излучение на поверхности практически отсутствует, а сейсмическую и вулканическую мы пока не умеем использовать. Остается ветровая, геотермальная, и в минимально разрешенных количествах пользуемся ядерной... Приходится экономить.

Купол представлял собой большое полусферическое помещение, его было видно метрах в ста — так ярко он подсвечивался изнутри. Мы прошли в шлюз, затем переоделись и попали в холл. Здесь была явно рабочая обстановка: груды каких-то приборов, коллекций, предметов совершенно неизвестного мне назначения.

Маленький живой толстяк, чем-то неуловимо напоминавший Голдина, только Голдина уже постаревшего и видавшего всякие виды, оказался начальником Экспедиции и представил нам тех, кого мы еще не видели. Затем он взял быка за рога:

— Мы, как видите, очень заняты, но постараемся оказать вам любую помощь, какую вы потребуете. Как вы будете работать?

Голдин немного помялся и промямлил:

— Э-э... Мы просили бы вас... э-э... не отвлекаться от своих дел. Я буду беседовать с каждым, кто мне понадо-

бится, в отдельности. Но сначала, если можно, мы... э-э... разместимся.

Челли мотнул головой:

— Пожалуйста, но ведь мы собирались сегодня же эвакуироваться на вашем грузовике...

Я хотел ответить, но Ферран — третий из встречавших — сделал это раньше:

— Они неудачно сели, Лино... Придется взлетать на катере, как и собирались.

— О мама мия! — картишно всплеснул руками Челли. — Что же это за планета! Опять что-то надо оставлять из уже упакованного... Лева, сколько времени вам потребуется на доводку катера?

Кушнир почесал затылок:

— Сутки, как минимум.

— Восемнадцать часов. И ни одним больше. Идите с Жаком в Ангар, берите с собой всех, кто вам может пригодиться, и помните, что старт — завтра, не позднее 12 часов пополудни. И это — крайний срок, постарайтесь управиться быстрее.

Лева обнял щуплого Феррана за плечи:

— Идем, мон шерь, нас ждет та дверь.

Челли повернулся к нам:

— Свободны как раз два жилых блока. Вы хотели бы разместиться рядом?

— Да, если можно, — ответил я, прежде чем Голдин успел со свойственной ему мнительностью отказаться от этого предложения из-за того, что мы можем стеснить хозяев.

Я решил, что из тактических соображений будет удобно иметь Грэга под рукой. Поэтому я поспешил с ответом, и Голдину не оставалось ничего, кроме как согласиться. Он еще добавил:

— Я бы хотел занять блок Штрайха.

ПОЯС ИППОЛИТЫ

— Тогда кто-то должен освободить соседний,— сказал Челли.— Натали, ты уже собрала свои вещи?

Только тут я сумел как следует рассмотреть единственную женщину на Ипполите. Во время знакомства она сидела в тени, полуотвернувшись, и только коротко кивнула нам с Грегом. Тогда я отнес это на счет известного высокомерия, а теперь понял, что ошибся. Она старалась не смотреть на нас, потому что покрасневшие глаза ее были полны слез...

Зато я глядел на нее, не отрываясь. Есть такие лица, на которые просто приятно смотреть. И чем дольше смотришь, тем меньше хочется оторваться. «Прелестная брюнетка» — вот как я назвал бы ее. Стойная, невысокая, лет двадцати трех... Нельзя было сказать, что она — красавица в общепринятом классическом смысле, но живое лицо ее было очень симпатично даже своими неправильными чертами.

Она отрицательно покачала головой. Тогда Челли посмотрел на Чивилиса. Тот кивнул.

— Ну вот и хорошо,— сказал Челли.— Юлиус уйдет в резервный, а вы пока размещайтесь и приступайте к своей работе. Мы все к вашим услугам.

— Большое спасибо,— ответил вежливый Голдин.— Я постараюсь поменьше отвлекать вас от дел.

ГЛАВА 8

*Ипполита. 16 мая. 18:00—20:33 СГВ
Дональд Моррис*

Не знаю, как ему это удалось, но Голдин разместился раньше меня. А ведь я только вошел в любезно освобожденный Чивилисом блок и бросил свою сумку на койку. Но выйдя в холл, я застал там своего Холмса, внимавшего объяснениям Челли. Пока я осматривался, Грег отпустил Челли и связался с Сержем — электронным мозгом Станции.

Не желая ему мешать, я продолжил осмотр Купола.

Вдоль внешних стен по окружности располагались восемь жилых блоков, ионный душ, медицинский отсек, экспресс-лаборатория, шлюз со складом баллонов и космокостюмов и еще какие-то помещения, назначения которых я пока не знал. Центральную часть Купола занимал холл — он же спортзал. Сейчас по нему без устали сновали три биокибера и три человека. Четвертый — Голдин — сидел за пультом управления Станцией, а пятый — я — предавался пагубному пороку созерцания. Правда, у меня были смягчающие обстоятельства...

Наконец Голдин подозвал меня к себе:

— Дон, будьте так добры... э-э... расскажите, пожалуйста, как бы вы приступили к расследованию этого случая?

— Вы хотите знать, как бы я начал следствие? — Я улыбнулся его наивности. Соглашаться на такое ответственное поручение, не имея понятия об элементарных вещах... — Сначала надо опросить всех. Проведя допрос свидетелей, вы можете установить расхождение в показаниях и определить для себя круг подозреваемых. А дальше уже проще...

— Спасибо, Дон, я с удовольствием воспользуюсь вашими советами, — не дал мне договорить бросившийся за проходившим мимо Челли Голдин. — Лино, не могли бы вы уделить мне еще несколько минут? И вы, доктор, тоже.

Челли и Сайто присели на диван рядом с нами.

— Расскажите, пожалуйста, немного о вчерашнем дне, — попросил Голдин и включил свой диктофон.

— В общем-то, и рассказывать было не о чем, если бы не вечер. Мы уже неделю из-за плохой погоды и постоянных толчков не могли взять с Рудника ридолит. Поэтому, когда вчера представился случай, Уве, Натали, доктор и Чивилис вылетели на рудник. Там и профилактика кое-какая требовалась, поэтому вместо Штрайха должен был бы лететь Кушнир, но Уве попросил его поменяться.

— Почему? — поинтересовался я.

— Видите ли... Штрайх не является... не являлся служащим компании, и наладка роботов на Руднике строго говоря не входит в его обязанности, это дело Кушнира. Но Натали собиралась делать какие-то наблюдения, а Уве никогда не отпускал ее одну.

— Они были мужем и женой? — спросил я.

— Нет еще, но собирались пожениться по возвращении на Землю, — вступил в разговор доктор.

— Так вот,— продолжал Челли.— Они смогли вылететь только после обеда, но уже через полчаса попали в полосу циклона или чего-то еще такого же, упали, разбили катер и вынуждены были возвращаться на «Мышонке» — это наш первый планетоход. Впрочем, лучше пусть расскажет доктор, он сам принимал участие в этом походе.

Доктор Сайто как-то странно взглянул на своего начальника и подтвердил:

— Да-да, принимал... Но ничего особенного не было... Ничего...

— Но вы же где-то почти пять часов плутали,— уточнил Челли.— Вот и расскажите где.

— Искали дорогу...— Доктор явно не был расположен к беседам.— Потом начались эти толчки... В общем, когда мы добрались до Базы, в баллонах оставалось на 30—35 минут кислорода...

— Да, толчки начались около восьми вечера,— подтвердил Челли.— Мы тут тоже не скучали... Катавасия длилась часа три... Такого здесь никогда не было: одно за другим. Посмотрите по записям Сержа, словами просто не описать... Поэтому я попросил Уве отправить нуль-грамму, как только будет прохождение. Помнится, даже сказал ему: возможно, это последнее дежурство на Ипполите. А утром Уве вышел на Пункт Связи, не проверив баллоны. И попал под обвал.

— Когда это было? — уточнил я.

Вместо ответа Челли включил запись бортжурнала, и мы услышали спокойный хрипловатый голос Штрайха:

— Пять — ноль две. Выхожу из Купола.

— А в пять двадцать шесть был сильный толчок, — закончил Челли.

— Как вы считаете, — спросил Голдин, — зачем он пошел на Пункт Связи?

— Я и сам об этом все время думаю, — помолчав, ответил Челли. — Я уже говорил, что просил его связаться с Землей... Утром без чего-то восемь было нуль-прохождение, но ПС почему-то не сработал на передачу, а через минут примерно десять стал работать на прием. Может, и ночью было то же самое?

— А Серж не регистрирует время появления и пропадания нуль-прохождения? — Голдин явно оживился и перестал сыпать бесконечными «пожалуйста».

— Нет, зачем... Нам эта информация до сих пор не требовалась. Здесь нет никакой закономерности, это еще Свенссон доказал.

— Время выхода Штрайха вы по дубль-записям Сержа проверяли?

Этот вопрос, по-моему, был совершенно бессмысленным. И Челли, видимо, думал так же. Он скривился, будто разжевал лимон, но ответил довольно спокойно:

— Не считал нужным, достаточно бортжурнала. На нем время, тот же Серж проставляет.

— Спасибо, — кивнул невозмутимый Голдин. Он так и не понял, что подставил свою репутацию Наблюдателя СГБ. — А теперь расскажите, пожалуйста, что вы делали ночью и утром. А вас, Дональд, я попрошу выяснить то же самое у уважаемого доктора, чтобы нам сэкономить время. Мы пойдем в мой блок.

«Он не хочет, чтобы доктор и Челли слышали друг друга, — подумал я. — Хоть здесь он не допускает ошибки».

— Может, и нам зайти в ваш, — предложил Сайто и встал. Но я сразу понял, что этого допускать нельзя: через стену будет все слышно, а зайти и включить звукоизоляцию — слишком демонстративно. Поэтому я взял его за рукав и мягко, но настойчиво усадил обратно в кресло:

— Останемся лучше здесь. Я еще не распаковал свои вещи.

Японец слегка улыбнулся, и я сообразил, что сморозил глупость: какое там распаковывание, если завтра отлет.

Надо было взять себя в руки. Если Сайто так стремится в мой блок, значит, ему есть что скрывать. В таком случае с ним следовало держать ухо востро. Я мысленно сосчитал до десяти и повторил вопрос:

— Расскажите, пожалуйста, как вы провели ночь и утро.

Доктор немного помолчал, закрыв глаза, и ответил, что ночь провел в своем блоке, никуда не выходил, ничего не слышал, а утром выяснилось, что Штрайха на Станции нет.

Челли послал Чивилиса, а затем Кушнира и его самого на поиски системотехника. Нашел его Чивилис, когда вдруг заработал его СК-маяк — «спасательный комплекс», куда входит и радиостанция-маяк на космокостюме, излучающая в очень широком диапазоне радиоволн, и прожектор, работающий в столь же широком диапазоне световых волн. По-видимому, внезапно началось прохождение, и Чивилис довольно быстро отыскал тело Штрайха. Тот лежал всего в ста восьмидесяти метрах от Пункта Связи, но сам Чивилис освободить его не сумел. Сайто, подъехавший вместе с Кушниром через несколько минут, увидел, как Чивилис безуспешно пытался в одиночку вытащить тело, более чем наполовину заваленное камнями. Собственно, наверху была лишь голова и часть груди.

Ясно, что первоначально Штрайх был зажат в другой позе, однако сумел частично освободиться.

Больше из доктора ничего не удалось выжать. Но и этого было более чем достаточно. Для очистки совести я

еще запросил у Сержа сейсмосводку с 5 до 6 утра и сразу же получил ответ: серия толчков силой около 6 баллов, время начала: 5:26.

Потом я проверил патологоанатомическое заключение доктора Сайто, сделанное тоже при помощи Сержа. Все было чисто. Штрайх действительно погиб от нехватки воздуха, а каких-либо повреждений, указывающих на другие возможные причины смерти, на теле не имелось. Тело было кремировано не позднее чем через три часа после окончания вскрытия. Внеземной Каратинный Регистр, параграф 7.12.4... Печальная участь большинства звездолетчиков...

Словом, все правильно, комар носа не подточит.

Поскольку изменить что-либо в объективных записях Сержа — дело чрезвычайно трудоемкое, я пришел к выводу, что перед нами чистой воды несчастный случай. Человек спешил, не сменил баллоны, попал под обвал, да и еще видимость почти нулевая... Прохождения радиоволн не было, СК-маяк не помог, человек задохнулся... Очень печальная история без примеси неясностей или криминала.

Сделав такой вывод, я дождался Голдина, который слишком уж долго секретничал с итальянцем (тот вышел красный от злости), коротко пересказал ему свой разговор с доктором и объяснил, что в данной ситуации я нужнее в Ангаре.

Голдин кивнул и сказал, что скоро тоже подойдет туда, чтобы опросить Феррана и Кушнира. Наш доморощенный Пуаро мне этого не доверял, как видно. Я хотел обидеться, но он уже приставал к Чивилису с какими-то очень важными вопросами, и я махнул рукой, повернулся и ушел в Ангар.

У Левы, Жака и двух киберов работа кипела. Лева объяснил, что они хотят сделать основной объем работы

до полуночи, немного поспать, пока киберы не доведут ремонт до конца, а в шесть утра встать, прогонять двигатели катера на нескольких режимах и стартовать, когда Челли сочтет нужным.

Я согласился с тем, что это разумный план. Жак вручил мне тест-анализатор повреждений внутренней проводки, а Лева хлопнул по плечу:

— Дерзайте, юноша, если жить хочется!

По ходу дела я опросил Леву и Жака. Ничего нового я не услышал. Они сказали примерно то же, что и доктор. Ночью-де спали, ничего не слышали, ничего не помнят. Утром проснулись, когда Штрайха уже не было на Станции. Лева поехал с доктором на «Мышонке» на поиски Штрайха, как только стало известно, что тот ушел со Станции, не сменив баллоны. Нашел тело Чивилис, когда появилось прохождение, по «спасательному комплексу», а Лева с доктором приехали уже через пять—семь минут. Это было около девяти утра, по бортжурналу можно узнать точнее.

После этого я спросил, что за человек был Штрайх. Были ли у него на Ипполите враги? Какой у него был характер?

Тут Лева немного замялся, а Жак, подумав, сказал, что характером Уве обладал нелегким. Штрайх был очень самолюбив, он постоянно и довольно едко подтрунивал над окружающими, но терпеть не мог, когда задевали его или Натали. Причем не имело значения, действительно метили в него или это ему лишь казалось. Он мог затеять с кем-нибудь стычку из-за совершенной ерунды. Но надо сказать, что в раздраженном состоянии он находился не слишком долго, затем забывал свои обиды и снова становился самим собой — веселым, компанейским парнем. А врагов у него не было, жизнь на Станции приучает людей терпимо относиться друг к

другу. И если двое не могут ужиться, они испытывают постоянное давление со стороны остальных и в конце концов выясняют отношения.

Однако я уцепился за слово «стычка», произнесенное Жаком, и вытянул из них, что дня три тому назад Чивилис рассказал какой-то допотопный анекдот, который Штрайх почему-то принял — совершенно безосновательно по мнению обоих — на свой счет, да еще посчитал оскорблённой Натали. И с тех пор они с Чивилисом почти не разговаривали. В общем, Уве был довольно вспыльчив и не очень отходчив, заключил Ферран, но ведь у каждого из нас есть свои недостатки...

Через некоторое время в Ангаре появился Голдин. Минут 20 он покрутился возле катера, потом ушел куда-то в глубину помещения и вернулся оттуда рысью, с горящими глазами.

Потом он влез на катер, походил по рубке, постоянно натыкаясь на кого-либо из нас, и принялся, размахивая руками, донимать Леву и Жака.

Сначала он выяснял, как прошел вчерашний день, причем требовал побольше подробностей и постоянно интересовался, не упустили ли они что-нибудь важное. Его мнимую стеснительность как рукой сняло. Это был какой-то новый Голдин. Я уже был не рад, что посоветовал ему искать разногласия в показаниях: уж больно ретиво он взялся за дело. От вчерашнего дня он перешел к ночи и утру. Он суетился, постоянно говорил под руку, отвлекал. И при этом все же время от времени вспоминал о своей стеснительности, что придавало дополнительный комический оттенок происходящему. Хотя Леве, которому он невзначай запорол плоды получасовой работы, подозреваю, было не до смеха.

В общем, Голдину удалось крепко надоесть всем и даже мне самому, так что я хотел уже потихоньку от Феррана и Кушнира цыкнуть на него, но вдруг Ангар вздрогнул от подземного удара, раздался ужасный скрежет металла, и Лева, оттолкнув нас, выкатился из катера и бросился к пульту управления Ангаром. Пока мы вылезали из катера, он накрыл Ангар силовым полем и свя-зался с Куполом...

ГЛАВА 9

*Ипполита. 16 мая. 20:35—22:45 СГБ
Лино Челли*

Надо сказать, что этот маленький толстяк за рекордно короткий срок успел надоесть всем старожилам Купола. А Челли, который первым был вынужден испытать на себе его манеру задавать дурацкие вопросы, естественно, первым был выведен из себя. Казалось бы, выяснил все, что тебе нужно, записал ответы, сложил кристаллоскопии в свой замечательный сиреневый саквояж — все дела! Уве не вернуть, случай ясный, СГБ тут делать нечего. Ну так помоги людям, столько работы... Но нет! Надо трепать людям нервы, требовать с пеной у рта ответа на животрепещущий вопрос: как и где хранится ридолит! Да какая тебе разница, как он хранится, если его на Базе вот уже полтора месяца никто и в глаза не видел? Ведь добычу позапрошлого месяца давно отправили на Кольцо, а в этом пока так и не смогли попасть на Рудник... (И, видимо, уже не сможем, вдруг подумал Челли.) Какое вообще дело СГБ до личных отношений между персоналом Станции?! Неужели надо быть семи пядей во лбу, чтобы определить, несчастный ли это случай? Неужели придется доказывать таким вот узколо-

бым, что на Станции нет и быть не может убийц, хотя за год отношения между людьми часто претерпевают самые различные метаморфозы...

Не говоря уже об абсурдности самой идеи убийства Уве, способ, которым это убийство якобы было совершено... Да попробуй, наконец, сам устроить камнепад, если кого-то в этом подозреваешь! Тогда уж наверняка остынешь!

Следом за Челли еще одному допросу был подвергнут доктор Сайто (второй представитель СГБ — рыжий верзила Моррис — ушел в Ангар, по-видимому, чтобы убедиться в отсутствии ридолита на складе и допросить Кушнира и Феррана). И он, несмотря на всю свою деликатность, выглядел совершенно ошеломленным наглостью этой усатой ищейки. Потом настала очередь Чивилиса и Натали. Все это время толстяк со своим саквояжем путался под ногами, хватал за рукава, лживо краснел, особенно когда Натали расплакалась, но и ей умудрился задать массу кретинических, не имеющих никакого отношения к делу вопросов. Ему жизненно необходимо было знать, например, кто во сколько встал и кто кого видел утром...

Потом он убежал в Ангар, и минут на двадцать под Куполом стало поспокойнее.

И тут последовал новый мощный толчок. Затем серия менее сильных, но тоже весьма ощутимых. Опять с отрогов Большого Когтя пошли лавины. Сразу же отказалася аппаратура нуль-связи. Сейсмодатчики один за другим зашкалили и вышли из строя. Лино схватился за голову: Станция еще не готова к эвакуации, катер не оттестирован и до утра, очевидно, не взлетит! И в довершение ко всему по Станции ходит маленький толстый идиот и активно мешает всем работать... Мама миа, и не знаешь даже, за что хвататься!

В это время из Ангара позвонил Кушнир и доложил, что Ангар не пострадал, но они по своему каналу тоже на нуль-связь выйти не могут, а еще по Ангару бегает «фактор обоюдного риска». (Так он и выразился, причем добавил, что «фактором обоюдного риска» для него Голдин является потому, что последние 15 минут Леве очень хочется его придушить, а это рискованно для обоих.)

Лино сочувственно посоветовал Леве крепиться и выяснил, в каком состоянии катер. Тестирование к огромному облегчению Челли было практически закончено, и он приказал Леве и Жаку выпроводить «лишних» из Ангара, передоверить остальное киберам (благо, ремонт такой, что и они справятся), а самим ехать к ПС и установить, что с нуль-связью.

Затем Чивилис вместе с Натали отправились к ближайшим сейсмодатчикам для проверки, причем Юлису пришлось установить на «Мышонке» катушку с кабелем для поддержания непрерывной связи. «Котенок» остался в Ангаре на всякий пожарный случай.

Тем временем Лино и доктор упаковывали самые ценные коллекции минералов, образцы грунта, оборудование. Вскоре Челли передоверил это занятие второму представителю СГБ — Моррису — и решил еще раз пройтись по всем помещениям Купола «хозяйским глазом». «Хозяйский глаз» по уже установившейся печальной традиции сопровождал Голдин, и Лино искренне пожалел, что вместо него нельзя погрузить в катер еще сто килограммов оборудования и коллекций...

Около десяти вечера Серж, руководивший ремонтными работами в Ангаре, сообщил, что катер будет готов к старту через одиннадцать часов. Лино тут же объявил это всем, с кем смог связаться. Кушнир попросил еще час на прогон двигателей. Чивилис подтвердил прием и передал, что сейсмодатчики, которые они с Натали

сумели вытащить из восьмой шахты, восстановлению не подлежат.

Заменять их было некогда, да и ни к чему. Старт Челли назначил на 10 утра: теперь уже не оставалось никаких сомнений в грядущем Гигантском Катализме. Кроме того, Чивилис сообщил об исходящем со стороны Пояса странном свечении на высоте около трех километров. Именно такой была высота гор Пояса Ипполиты. Над ним появились разноцветные сполохи, чем-то напоминавшие, по словам Юлиуса, фейерверк. Натали добавила, что это скорее атмосферные явления, а не вулканические выбросы, к тому же они движутся больше в горизонтальной плоскости.

— Вообще-то, очень интересное зрелище, Лино,— сказал напоследок Чивилис.— Мы его снимаем на всякий случай, а пока судите сами. Только, боюсь, по визору это так не впечатляет.

И Лино вместе с доктором и этими двумя из СГБ увидели поразительную картину. Обычная для Ипполиты темно-лиловая мгла на севере отступила, обнажив черные громады гор. Над ними вились разноцветные клубы, подсвеченные изнутри и ежесекундно меняющие цвет и форму. Они переливались друг в друга, время от времени прорезались стрелами молний. Звуковой фон состоял из низкого однотонного рокота, который в момент появления молний перекрывался чем-то, похожим на выстрелы. Все вместе создавало жутковатое впечатление огромной декорации.

— Вот так и живем,— заключил Чивилис.— Через десять минут направляемся домой. Конец связи.

Затем с Пункта Связи позвонили Кушнир и Ферран. Они нашли повреждение Кабеля между ПС и Куполом. Теперь им предстояло расчистить площадку, на которой располагался ПС, от остатков лавины и вернуться под Купол.

ПОЯС ИППОЛИТЫ

Лино вздохнул с облегчением: есть хоть какая-то определенность. Старт в 10 утра, люди здоровы, нуль-связь действует и, Бог даст, до старта будет действовать нормально.

Практически все ценное собрано, упаковано и в ближайшие полчаса будет погружено на катер. А потом можно будет и отдохнуть...

— Нужен дежурный на ночь, — сам себе сказал Челли. Сказал вслух и сразу услышал ответ доктора:

— Конечно, Лино, я подежуру. У меня все равно бесконница.

Челли с благодарностью взглянул на щуплого сухонького доктора и похлопал его по плечу:

— Спасибо, Минору-сан. На Кольце выспитесь, обещаю. Ну а теперь — погрузить все в катер, дождаться ушедших — и спать. Господи, неужели наконец мы пойдем спать?

Челли повернулся спиной к доктору и хотел выйти из холла, но неожиданно был остановлен робким заикающимся голосом. Увы, он слишком хорошо знал, кому этот голос принадлежит!

— Простите, но я все-таки хотел бы собрать всех работников Станции... для... всеобщего вопроса... то есть опроса... В общем, мне необходимо со всеми переговорить. Есть некоторые... э-ээ... неясности.

ГЛАВА 10

*16—17 мая. 23:00—01:15 СГВ
Дональд Моррис*

Когда погрузка была практически закончена и катером занялись кибера-ремонтники, мы все собрались в холле. Этого потребовал Голдин, хотя требующим что-либо нашего скромника я не мог себе представить. Но Лино, зеленый от ярости, глухим, срывающимся голосом так и сообщил:

— Этот... синьор из СГБ требует, чтобы все собрались в холле, и я не могу ему отказать.

Еще бы! Если Челли и мог в данной ситуации делать что-то, соответствующее своим желаниям, то только мысленно!

Больше всего, похоже, развитием событий был расстроен сам Голдин, который, пока остальные рассаживались на диванчиках и креслах, слонялся из конца в конец холла. Наконец, он оглядел присутствующих, влез на табуретку у пульта дежурного по Станции и произнес:

— Хмм... Извините меня, пожалуйста...

После недолгого молчания Лева попытался разрядить обстановку:

— Если это все, то я вас охотно извиняю и иду спать.

— Нет-нет,— испугался Голдин,— это не все! Видите ли, я внимательно выслушал каждого из вас, сопоставил ваши показания с тем, что мне удалось выяснить у Сержа, и... Кое-что меня не устраивает. У меня есть основания предполагать, что кто-то утаивает некоторые... э-э... обстоятельства. Кто-то говорит не совсем... э-э... правду...

— Вы имеете в виду случай с Уве? — удивился Ферран.

— В общем, да. Те картины сегодняшней ночи и утра, которые я получил от каждого из вас, не совпадают в деталях и отличаются от данных Сержа.

— Надеюсь, вы отдаете себе отчет в том, что ваши расспросы оскорбительны, синьор Голдин! Никакие полномочия не дают вам права оскорблять персонал Станции! — выпалил Челли.

Голдин растерялся.

— Я хочу только... э-э... добиться истины, мистер Челли,— тихо сказал он, глядя в пол.— Пока что мне... э-э... в этом... э-э... не помогают. Хотя, если я... э-э... правильно понимаю ситуацию... э-э... это в интересах если не всех, то... э-э... некоторых... по крайней мере...

Все посмотрели на Натали. Она отвернулась к стене и вытерла платочком глаза.

— Вы обвиняете нас в заведомой лжи? Кого именно? — холодно поинтересовался Чивилис.

И тут Голдин, которого я уже посчитал морально уничтоженным, успокоился.

— Поймите меня правильно, я никого и ни в чем не обвиняю. Это вообще не входит в мои полномочия. Мне нужна ясность в некоторых вопросах. Скажите, феномен «мозаичного прохождения» наблюдается везде на планете?

— Нет,— уныло произнес Ферран, сидевший с закрытыми глазами.— На Ипполите вообще нет прохож-

дения радиоволн. «Мозаичное прохождение» имеет место только здесь, в радиусе нескольких сотен метров от Купола, то есть на территории Базы.

Он говорил типично учительским тоном, словно подчеркивая бессмысленность происходящего.

— Значит ли это, что прохождение радиоволн как-то связано с нуль-прохождением? — спросил Грег. Я никак не мог понять, куда он клонит.

Ферран с хрустом потянулся и открыл глаза:

— Мы не можем сейчас ответить на этот вопрос. Слишком мало известно пока о природе «мозаичного прохождения». Но статистика, набранная за эти годы, свидетельствует, что в большинстве случаев такая взаимосвязь есть. Если появляется нуль-прохождение, то, как правило, в зоне Базы есть и прохождение радиоволн. И наоборот.

— А есть ли в «зоне Базы», как вы выразились, места, где прохождения радиоволн совсем нет?

— Нет. Если б они существовали, за эти годы мы бы на них обязательно наткнулись,— устало сказал Чивилис.— Определенно нет.

— Значит, в принципе исключена ситуация, когда в одно и то же время из одной точки зоны Базы можно связаться с Куполом, а из другой нельзя? — настаивал Голдин.

— Исключена,— подтвердил Чивилис и тут же насторожился: — А что, собственно, вы имеете в виду?

— Этого, к сожалению, я не могу вам сказать, иначе вы невольно начнете корректировать свои показания,— выпрямился в своем кресле Голдин.— Прошу всех еще раз вспомнить мои вопросы и свои ответы и подумать, не хотите ли вы что-либо изменить или дополнить. Прошу вас также подумать, не упустили ли вы что-нибудь важное.

После недолгого молчания Натали Гайданович нерешительно подняла голову:

— У меня такое впечатление, мистер Голдин, что я что-то вот-вот должна вспомнить, но не могу. Знаете, как это бывает: вертится что-то в голове, ощущение полной беспомощности... Хочется напрячься и вспомнить, но это все время ускользает. Нужен толчок извне, а его нет... Очень противное состояние...

Она снова поднесла на секунду платок к глазам и продолжила:

— Не могли бы вы помочь мне и все-таки сказать, что именно вас интересует?

— Я мог бы вам помочь по-другому, — оживился Голдин. — У вас здесь есть ментоскоп. Если вы изъявите желание, можно просто снять вашу ментограмму, ограничившись, скажем, двумя последними сутками. Ее расшифровка, возможно, очень помогла бы нам.

— Ой нет, — испуганно сказала Натали, — я не хочу ментоскопироваться! Сейчас, во всяком случае... Я очень устала... и... вы понимаете, каким для меня был этот день... Нет... может, завтра... Только не сейчас!..

Она вскочила с кресла и убежала в свой блок.

Прелестные брюнетки с синими глазами — мое слабое место. Поэтому я почувствовал, что начинаю ненавидеть этого коротконогого Холмса.

Голдин заерзal, ощущая на себе недобрые взгляды:

— Итак, никто из вас ничего не хочет добавить?

— Никто, как видите, — сказал Челли. — Извините, у нас был тяжелый день. На сон осталось не больше шести часов. Если у вас больше нет вопросов, я отпущу людей. Ведь им, в отличие от вас, и завтра предстоит серьезная работа.

Голдин кивнул.

Челли встал:

— Все, кроме доктора, свободны. Доктор, вы дежурите.

Зайдя в свой блок, я первым делом поднял переборку, чтобы выяснить у нашего Пуаро причину его настырности.

Грег сидел на своей койке и болтал, как ни в чем не бывало, ногами. Поразительно! Только что этот человек доводил до слез прелестную брюнетку, до белого каления Челли, мешал людям отдыхать, но сейчас явно не ощущал никакого дискомфорта!

— Ты можешь мне объяснить, почему целый день пристаешь к этим людям? Неужели тебе действительно что-нибудь не ясно?

— Ну, во-первых, не целый день, а только несколько часов. А во-вторых, все это слишком... неестественно, Дон, разве ты не чувствуешь? Все слишком... надуманно, слишком много совпадений!

— По-моему, ты придираешься. Что тебе не нравится?

Голдин не спеша достал пилочку для ногтей и повертел ею у себя перед носом.

— Мне не нравится, например, как эта Гайданович отказалась только что ментоскопироваться.

— Но ведь они со Штрайхом... Ты же слышал, они собирались пожениться! У нее погиб близкий человек!

— Тем более ее поведение подозрительно. Она сейчас сама должна стремиться убрать все неясности.

Тут уж я не выдержал! Надо сказать, к этому времени я был здорово разозлен. И немудрено: Голдин мог разозлить кого угодно! Все в нем было мне в этот момент противно: и намечающаяся плешь, и угреватый нос над мерзкими маленькими усиками, и узкие глазки, которые то и дело неплотно прикрывались морщинистыми веками. Весь он был какой-то сальный, неопрятный... Липкий! Вот слово, которое его наилучшим образом характеризовало! Наверное, у него потеют ладони, подумал я

с отвращением и попытался вспомнить наше первое и единственное рукопожатие, но ничего особенного не вспомнил. И все-таки Голдин был мерзкий, наглый, только притворяющийся стеснительным липучий хам! Пристал к деликатным людям, у которых и горе, и аврал, которые его и отшить как подобает не умеют, и пьет из них кровь! Пиявка!

— А я считаю, ты все-таки придираешься! — шепотом закричал я.— Выискиваешь несуществующие запеки!

— Нет, уверяю тебя! Суди сам. Человек выходит в космокостюме с запасом воздуха всего на 35 минут...

— Может, у него дел-то было на 10 минут: добежать до ПС, например, и обратно!

— И тут за эти 10 минут как раз и случается обвал. Очень удачно!

Вот зануда! Воистину, заставь дурака Богу молиться... Интересно, чего он добивается: хочет выслужиться перед СГБ или еще чего?

— Ты сам видишь, какая тут сейсмообстановка...

— Ладно, предположим, на исходе десятой минуты он попадает в обвал. И лежит под грудой камней еще почти полчаса.

— Да, лежит почти полчаса. Что тебя смущает?

— А почему он не подает сигнал тревоги на Базу?

— Как это не подает? Подает. Только База его не слышит. Мозаичное прохождение радиоволн.

— Очень странная мозаика...

— Нет, ты скажи, чего ты пристал к ним? — снова возмутился я.— Ведь каждому ясно, что все так и было. Вышел Штрайх, а тут как раз и началось планетотрясение — ты ведь проверил по записям Сержа, все совпадает. К несчастью, Штрайх попал под обвал. Чего же ты людей мучаешь? Они тебе правду говорят, а ты все

ловиши: где вы были, а где вы... Не пора ли заканчивать эту дурацкую викторину?

Грег слушал меня, по-моему, не очень внимательно. Похоже, его куда больше занимали собственные ногти, которые он аккуратно подпиливал, придавая им какую-то совершенно необыкновенную форму. Мне пришлось повторить последний вопрос.

— Не пора ли? — переспросил он. — Нет, Дон, пока еще не пора. Ты ведь слышал, что в зоне Базы прохождение радиоволн из всех точек к Куполу одинаково.

— Ну, слышал, — вынужден был повторить я, — причем тут это?

— Даже если предположить, что Штрайх почему-то не включил свой СК-маяк, это сделал потом Челли с пульта дежурного по Станции. А до 9 утра СК все равно не работал. Почему?

— Я тебе в который раз повторяю: мо-за-ич-ное про-хож-де-ниe!

— А я тебе в который раз отвечаю: странная, очень странная мозаика! Ведь через 15 минут — около половины восьмого — по словам того же Челли, с ним связывался Чивилис от разрушенной оранжереи! Находясь в Ангаре, их переговоры слышали Ферран и Кушнир! Так почему же Купол и Ангар слышали Чивилиса, но не слышали в то же время СК-маяк Штрайха? Ты можешь мне объяснить?

Я оторопел.

— Но может быть, подземный кабель в оранжерее все-таки сохранился, и Чивилис пользовался этой связью?

— Кабель-то сохранился, но сам пульт связи был безнадежно разрушен. Чивилис показал, что пользовался своим автономным передатчиком. Челли, Ферран и Кушнир — заметь, каждый в отдельности — подтвердили, что

ПОЯС ИППОЛИТЫ

слышали характерные атмосферные помехи. Учи еще, что СК у Штрайха в порядке, я сам проверил.

— И как они это объясняют?

— А никак. Я решил пока не фиксировать их внимание на этом моменте, потому что есть и другие странности.

Я насторожился.

— У меня есть основания полагать,— продолжал, Грег,— что еще, по крайней мере, в двух пунктах все они — осознанно или неосознанно — говорят неправду. В то время, когда Штрайх выходил из-под Купола, спали не все. Станцию покинул кто-то еще. И вернулся уже после общего подъема, что не могло пройти совершенно незамеченным.

ГЛАВА 11

*Ипполита. 17 мая. 01:15—03:00 СГВ
Дональд Моррис*

Сказать, что я был ошеломлен, значит не сказать ничего. С минуту я сидел, обалдело уставившись на пилку, которая в руках Голдина выделявала коленца, более подобающие дирижерской палочке. Я смотрел на Грэга, а он, дирижируя невидимым оркестром, смотрел куда-то сквозь меня и молчал. Я сообразил, что он ждет новых вопросов, но не хочет меня торопить. И я оправдал его ожидания.

— Почему ты так считаешь?

— Я с самого начала проверил регистратор «электронного сторожа». За ночь с 0 до 6 часов поле снималось только дважды в течение 38 секунд. И оба раза на выход. В третий раз — в 6:20, снова на выход — это, видимо, был Чивилис. Ну а потом началась всеобщая беготня, и «сторожа» совсем отключили.

— То есть как? Поле было снято?

— Нет, конечно. Просто защита была переключена на первую ступень, а тем самым снята регистрация входа-выхода. При выходе не было вообще никаких ограничений, а на входе поле отключалось при контакте с мате-

риалом защитного космокостюма или биометаллом киберов.

— Но может быть, «сторож» ошибся?

— Вряд ли. Я не очень хорошо разбираюсь в его конструкции, но кое-что понимаю. Давай подумаем вместе. Я знаю, что его отказы фиксируются Сержем. Такой фиксации не было. С другой стороны, известно, что отказ «сторожа» с последующей самопроизвольной наладкой категорически исключается, а ведь утром он точно был исправен. Наконец, при отказе включенного «сторожа» автоматически задействуется третья ступень защиты — «поле-максимум». В этом случае до наладки «сторожа» никто бы не смог выйти из-под Купола. Поэтому вариант неисправности «сторожа» можно, кажется, исключить.

— И что, по-твоему, нужно было Второму? Ты думаешь, это он подстроил обвал?

— Я ничего не думаю. Вернее, пытаюсь анализировать, но про себя. Мы здесь — чтобы собирать информацию, а выводы пусть делают на Земле.

Тут Голдин явно кокетничал. Но я не стал с ним спорить, а попытался выудить как можно больше.

— Ты говорил еще об одном пункте, где все старались ввести нас в заблуждение...

— Ну, в этом я и сам пока не могу разобраться... Поэтому давай спать. Подождем с остальным до утра.

Больше я ничего не сумел от него узнать. Голдин повернулся спиной ко мне, опустил переборку, и через пару минут из-за стены раздался демонстративный храп. Тогда я включил звукоизоляцию и тоже отвернулся от переборки. Но уснуть не смог, хотя и добросовестно пытался.

В голове медленно варились какая-то каша из происходящего...

Между выходами было менее 40 секунд. Чтобы надеть костюм, выйти в шлюз, а затем наружу, нужно куда больше времени. Значит, они одевались вместе, и Штрайх не мог не знать о попутчике. Но тогда непонятно, почему Второй молчит об этом. К тому же Штрайх обязан был записать в бортжурнал, что вышел не один. Следовательно, вариант совместного выхода маловероятен, хотя и не сбрасывается со счетов.

Далее. Возможно, Второй, уже одетый, ждал выхода Штрайха, где-то спрятавшись. Это мне совсем не нравилось. Наконец, если Второй вышел раньше, тогда прятался Штрайх. Но это было более чем сомнительно. И вот почему. Предположим, Штрайх узнал о чьих-то противозаконных замыслах. Но как Второй мог замышлять что-то, связанное с ночным и тайным выходом из под Купола, если, во-первых, все знают, что Штрайх будет дежурить по Станции до утра, а во-вторых, любой выход опять же фиксируется Сержем... Остается признать, что Штрайх не мог следить за Вторым.

С другой стороны, по швам трещит и версия о том, что Второй следил за Штрайхом,— по тем же причинам. Трудно представить, что кто-то мог ночью надеть космокостюм, находящийся на складе, тайком от дежурного по Куполу. Разве только выждать момент, когда Штрайх уйдет из холла к себе в блок. Или в блок к прелестной брюнетке — не потому ли она отказалась ментоскопироваться... Но если они вышли вдвоем, почему же Штрайх не записал об этом в БЖ? Сговор? А затем — ссора? В общем, очень все это странно, Голдин прав.

Попробуем рассуждать иначе. Если «сторож» не ошибся, то вне подозрений только Чивилис и Челли. Один вышел в 6:20, следовательно, до этого находился под Куполом, другой присутствовал при этом и тоже не мог быть Вторым. Остальные — под подозрением. Не

могут ведь пять человек не заметить утром отсутствие Второго! И тут Голдин прав... Ай да Пуаро! Кто-то наверняка заметил возвращение Второго, но по неведомым причинам молчит об этом. Если бы «сторож» фиксировал и личность выходящего, как все было бы просто! Увы, об этом его конструкторы не позаботились...

Но кто же мог быть Вторым? Я попытался, учитывая психологию обитателей Купола, представить каждого из них в роли злодея, крадущегося за Штрайхом. Прелестная брюнетка для этого явно не годилась. С презрением я отмел кандидатуру Левы: он был прирожденной душой общества, любимцем публики. Такие в злодеи не идут. По вышеназванным причинам я отвел Чивилиса и Челли. Оставались Ферран и Сайто. Пожалуй, из этих двоих мне более симпатичен Жак. А может ли быть убийцей врач? Клятва Гиппократа, там, и прочее... Кстати, он ведь тут рядом, дежурит в холле. Всегда удобно иметь убийцу под рукой, мало ли, зачем понадобится... Ну а в случае чего — за стеной Грег, защитит напарника по заданию...

Конечно, я щутил. Не этому низкорослому шаробразному хлюпiku обронять меня. Но вслух я бы теперь подобным образом шутить не решился. Грег соображал лучше меня, и пока я издевался сегодня над его внешней неуклюжестью, он работал и добился результата. Интересно все-таки, какое же еще несоответствие в показаниях он нашел?..

Мои размышления были прерваны тихим стуком в дверь. Я нажал кнопку «открыто», и в блоке появился Сайто.

— Извините великодушно за вторжение,— церемонно поклонился доктор,— но увидев, что у вас горит свет, решился потревожить.

— Ничего-ничего,— успокоил я своего главного подозреваемого,— просто никак не могу уснуть.

— А вы подключите МГИ, зачем же вы его выключили?

— Я его не отключал, док, я вообще этой моделью не умею пользоваться. Но вы правы, надо было включить.

Доктор, любезно улыбаясь, подсоединил блок МГИ к изголовью кровати:

— У нас на Станции прекрасный выбор снов. Вот, рекомендую: очень хорошее музыкальное сопровождение, яркие краски и самый спокойный сюжет — флора и фауна Калимантана. Отлично отдохнете.

Я поблагодарил его за помощь, и пока Сайто, не прекращая улыбаться, продолжал говорить, подумал, что доктор неспроста появился здесь ночью: наверняка будет что-нибудь выведывать.

— ...Другим советую, а сам практически не пользуюсь — не помогает. Но никому на Базе об этом не говорю, а то перестанут верить в остальные мои предписания... «Врач пусть вначале исцелится сам», — кажется, так говорили древние. Авторитет врача — превыше всего... А сплю плохо, возраст, наверное, сказывается... Прошлую ночь совсем почти не спал, да и теперь вот не до сна, сами понимаете... Хорошо хоть, что можно мучиться с пользой для общества... Все думаю о бедном Уве, о Нате... Вчера еще мы с ними и Юлиусом... Э-э, да что говорить... А сегодня мы с вами здесь, а урна с прахом Уве уже в грузовом отсеке катера...

А может, и японец имел тайные виды на прелестную брюнетку, вдруг подумал я. В таких делах возраст — не помеха. Решил устраниТЬ счастливого соперника и занять его место, выбрал время, подготовил удар... Отелло в белом халате — сюжет, достойный Шекспира!

— Вчерашние события так неожиданны, — все гундел доктор, — они просто выбили меня из колеи... А что, кстати, думает по этому поводу ваш коллега?

Ну наконец и добрались до основной цели визита, с облегчением отметил я. Вот что значит правильная оценка личности!

Признаюсь, в эту минуту меня так и подмывало сказать что-нибудь такое: мол, по этому поводу мы с моим коллегой думаем, кто же это вышел вчера утром вслед за Штрайхом и устроил ему западню! Но я понимал, что, ответив таким образом, подведу Голдина. Раз он пока не считает нужным показывать, что ему известен этот факт,— что ж, промолчу о нем и я.

Поэтому я, помявшись для порядка, уже приготовился промыть что-то неопределенное, но не успел.

Дверь моего блока осталась приоткрытой, и я увидел, как в холле неожиданно погас свет, а у меня зажглось аварийное освещение. Затем раздался приглушенный звук разбиваемого стеклопластика, скрежет металла, послышались чьи-то шаги — и сразу холл наполнился голосами.

Я прыгнул в комбинезон, не очень вежливо отпихнул маленького доктора и выскочил из блока. Из соседней двери выглянул с фонариком в руках заспанный Голдин. Острый луч света, скользнув по лицам, выхватил из темноты хмурую физиономию Челли. Лино, заслонившись от фонарика тыльной стороной ладони, сказал дальше в глубину холла:

— Кто-нибудь, гляньте, что случилось со светом, и вообще...

Чивилис и Ферран зашли в энергоузел, и спустя несколько секунд холл снова наполнился мягким голубоватым свечением.

— Что там звенело? — спросил Лева.— Кто-то хочет войти снаружи?

Но все, вопреки моим ожиданиям, посмотрели не в сторону шлюза, а на распахнутую дверь медицинского

отсека. Я тоже посмотрел туда и увидел валяющуюся на полу среди осколков стеклопластика и обломков плат и каких-то деталей обрезиненную наборную гантель, явно взятую из спортзала.

— Ой, мамочка! — выдохнула в установившейся тишине прелестная Натали.

Новенький восьмиапазонный медицинский диагностер и экран лабораторного ментоскопа были разбиты вдребезги.

ГЛАВА 12

*Ипполита. 17 мая. 03:00—06:00 СГВ
Дональд Моррис*

Я поднял голову и убедился, что здесь собрались все обитатели Купола — 8 человек, считая нас с Голдиным. Одеты они были по-разному, кто что успел накинуть, но у всех на лицах было написано одно и то же: не может быть! Ерунда! Чушь какая-то! Для чего разбит ментоскоп?

Когда я попытался привести свои мысли в порядок, вышло примерно следующее. Натали отказалась от ментоскопирования, мотивируя это усталостью и личными причинами. Она попросила отдыха до завтра. И вот ночью кто-то разбивает ментоскоп. Имело ли смысл делать это самой Натали? По-видимому, нет. Если у нее есть причины избегать ментоскопирования, принудить ее на Ипполите никто не сможет. Да и на Земле необходимо единогласное решение Всемирного Совета. Значит, она могла просто отказаться утром под любым предлогом, и никто бы ей ничего не сказал! Но ментоскоп разбит, следовательно, кому-то нужно, чтобы Натали не вспомнила чего-то важного сейчас, на Ипполите! А на Земле это «что-то» уже, очевидно, не будет столь

важным. Правда, есть и другая возможность: ментоскоп разбила все-таки прелестная брюнетка, чтобы отвести от себя подозрения. Но в чем мы должны, по ее мнению, ее подозревать? Я понял, что сейчас окончательно запутаюсь.

Голдин тем временем вышел из «чистилища» в холл и расселся там в кресле, высоко задрав свои короткие ноги в светло-кофейных пижамных брюках. Знаком он пригласил остальных последовать его примеру.

— Теперь все могли убедиться,— начал он,— что на Базе творится нечто... м-мм... странное. Я еще раз прошу присутствующих вспомнить, все ли вы сообщили мне, не забыли ли что-нибудь, пусть и не слишком существенное с вашей точки зрения. Этим вы поможете мне и помешаете тому или тем, кто мешает следствию... Пожалуй, сделаем так: мы с мистером Моррисом будем опрашивать каждого здесь, на глазах у остальных.

Он повернулся ко мне:

— Давай отойдем к пульту дежурного.

С этими словами Грэгори встал со своего кресла, взял его и еще одно и понес их к пульту. Мне ничего не оставалось, как взять свое и направиться за ним.

В углу холла Голдин расположился так же вольготно, как и минуту назад. Я сел рядом с ним. Из глубины своего кресла Грэг выглядывал, как из амбразуры.

— Я попросил бы вас, Лино, подойти к нам, а остальных оставаться на месте.

— А спать кто будет? — притворно возмутился Лева, и сразу обстановка несколько разрядилась. Все зашевелились, принимая более удобные позы.

Челли встал, потер глаза и уныло поплелся к нам. Он был совершенно раздавлен происходящим.

Я искренне жалел Лино. У него сейчас происходила переоценка ценностей. До сих пор он доверял всем сво-

им товарищам, он не боялся поворачиваться к ним спиной — ведь без таких отношений невозможно прожить год вне Земли! А теперь ему предстояло узнать, что кто-то из них — убийца.

— Вам нечего добавить к сказанному, Лино?

Челли отрицательно покачал головой.

— Тогда давайте сначала. Вот вы проснулись. Что дальше?

— Вышел в холл. Увидел Юлиуса, он делал зарядку. Потом увидел доктора, Натали, Льва, Жака... Я уже рассказывал...

— А кого вы видели до того, как сняли защиту второй ступени? — спросил я.

— Да всех, кажется...

Я промолчал. Это противоречило объективкам электронного мозга Базы. Все в холле до отключения второй ступени защиты собрались никак, ну просто никак не могли! Однако нельзя было утверждать, что Челли лжет намеренно: возможно, он просто не обратил внимания на чье-либо отсутствие до отключения «сторожа».

Но ведь остальные тоже подтверждали присутствие друг друга в холле!

— А как вы установили отсутствие у Штрайха кислорода? — спросил Грег.

Челли задумался.

— Я послал Юлиуса в Ангар, потому что не мог связаться со Штрайхом. То есть я думал, что он там, а его там не оказалось. Юлиус из Ангара пошел на Пункт Связи. Мы говорили с Натали и доктором... Я, видимо, был слишком резок...

— Почему? — спросил я.

— Ну как же... Катер они разбили, ридолит не привезли... К тому же обстановка была очень нервная... И тут Натали сказала, что у них вчера оставалось воздуха

в баллонах только на полчаса. И я сразу подумал о Штрайхе и Чивилисе. Связаться с ними я не смог. Тогда запросил Сержа о количестве заряженных баллонов на складе на момент до выхода Штрайха, после его выхода и после выхода Юлиуса, то есть на 4:30, на 5:30 и на 6:30 утра. Первые две цифры были одинаковы, а последняя меньше на два. Значит, Юлиус взял баллоны, а Уве — нет.

В этот момент я почти физически почувствовал, как напрягся Грег. Он поднял ладонь, повертел ею в воздухе, сказал Лино:

— Прошу прощения...

И бросился к пульту. Быстро бегая короткими толстыми пальцами по клавиатуре, он, как мне показалось, повторил вчерашний запрос Челли. Но почему-то выветрились 4 числа:

— 118, 118, 118, 116.

Голдин оглушительно вздохнул и принялся чесать затылок. Сначала я не понял, что его смущает. И с изумлением услышал новый вопрос:

— Скажите, Лино, а как строго на Станции следят за тем, чтобы каждый пользовался только своим космокостюмом? И есть ли запасные на складе?

Челли улыбнулся: глупее вопроса профессионально-му исследователю других планет задать, по-моему, невозможно...

— Вы когда-нибудь пробовали пользоваться чужим? Не новым, а уже ношенным? Это у вас никак не выйдет. Космокостюм пригнан к индивидуальным физиологическим характеристикам хозяина, подгонка длится не меньше двух недель. Поэтому за пользованием исключительно своими костюмами никто не следит, в этом нет необходимости. А на складе есть 8 запасных космокостюмов, но они ни к кому еще не пригонялись.

И тут до меня дошло! Если после выхода Штрайха и до выхода Чивилиса со склада не было взято ни одного баллона кислорода, то тот, кто вышел за ним, не мог накануне летать на Рудник! У него просто не хватило бы воздуха сопровождать Штрайха! И взять чужой костюм он не мог, а из этого следует, что его баллоны были полны.

И теперь круг подозреваемых резко сужался: в нем оставались Лева, Жак и сам Челли!

Пока я это соображал, Голдин снова пробежался пальцами по клавиатуре. На этот раз ответ был такой:

— 15, 14, 13.

Я ничего не понял, но соображать было некогда: надо было методом исключения срочно определить, кто же из этих троих и есть убийца. Челли я все-таки отвел, иначе пришлось бы заключить, что существует общий сговор: ведь именно Лино — и все показания в этом совпадали — отключил вторую ступень поля. Тогда Лева и Жак... Кто же?.. Челли видел утром обоих. Вопрос: кого из них он видел до отключения «сторожа»?

— Спасибо, синьор Челли, — ожил вдруг Голдин. — Я очень прошу вас оставаться пока в холле: возможно, вы мне еще понадобитесь.

Челли медленно встал с кресла, повернулся к нам спиной и вдруг резко обернулся:

— Вот еще что. Когда я просил Уве подежурить, то спросил у него: есть чем заняться ночью, чтобы не уснуть... Понимаете, обязательно надо было поймать первое же нуль-прохождение... А он сказал, что будет ремонтировать БГИ.

Мне показалось, что доктор еле заметно вздрогнул. Во всяком случае, он поспешил переменить позу.

— БГИ... — машинально повторил Грегори. Он встал и прошел к Большому Гипноизлучателю. Заглянул в окошко кассетоприемника. Потом вернулся к пульте

дежурного.— Ладно. Спасибо, Лино. Натали, подойдите, пожалуйста, к нам.

Натали Гайданович растерянно посмотрела вокруг, словно искала рядом с собой еще одну Натали, нехотя поднялась, оправила комбинезон и пошла к нам. Пока она приближалась, я еще раз взглянул на Жака и Леву. Ферран сидел, немного наклонясь вперед, положив локти на расставленные колени и сцепив пальцы рук. Голова была опущена, и я не видел выражения его лица. Лева негромко говорил о чем-то с Чивилисом и был, казалось, несколько раздражен, что, впрочем, не требовало объяснений.

— Очень прошу вас сосредоточиться и вспомнить, что именно вы упустили в своем вчерашнем рассказе,— попросил Грег, когда прелестная брюнетка уселась между нами.

Натали нахмурила брови, потом посмотрела на дисплей и закрыла глаза.

— Значит, так. Я встала, сделала у себя в блоке зарядку и вышла в холл... Там были доктор и Лино... Нет, Лино вышел из «чистилища».— Она мотнула головой в сторону медотсека, и пряди ее черных волос рассыпались по щекам.— Потом Лино напал на доктора, совершенно зря, по-моему. Я попыталась его успокоить. Потом вышел из своего блока Лев, а я ушла в ионный душ. Помнится, я еще очень удивилась, когда он что-то сказал про Африку,— мне как раз снилось сафари. Доктор, кстати, выходил перед этим в Ангар и вскоре вернулся... А когда я вышла из душевой, то услышала, что Уве... уже... Что у Уве уже нет воздуха...

— Это все? — мягко спросил Грег, взяв девушку за руку.

— Больше я ничего не помню,— сказала Натали и встала с кресла, не ожидая разрешения.

Следующим Грег подозревал доктора. Видимо, в своих рассуждениях он шел тем же путем, что и я, потому что не торопился допрашивать Леву и Жака.

Рассказ доктора тоже был короток. Он видел утром всех, за исключением Чивилиса, которого Челли уже к этому времени отправил на поиски Штрайха. Сначала он разговаривал с Натали, потом к ним подошел Челли, потом он выходил в Ангар, а вернувшись, застал Леву и Лино в медотсеке. Выйдя из него, увидел Феррана. Затем Натали вышла из душа, а Ферран и Кушнир ушли в ангар. А потом, когда позвонил из ПС Чивилис, все и выяснилось...

Здесь я обратил внимание на то, что никто до того, как Натали вошла в душ, Феррана не видел. А если Кушнир и Челли какое-то время находились в «чистилище», где их застал доктор, Натали была в душе, а Чивилис — на Пункте Связи, то холл несколько минут пустовал. И Жак мог прескокойно вернуться незамеченным (если, конечно, он выходил из-под Купола), переодеться и, появившись в пустом холле, ждать, пока кто-нибудь не обратит на него внимание... Эта гипотеза требовала проверки.

Когда доктор окончил говорить и ушел на свой диванчик, я тихо сказал Голдину:

— Спроси у Левы, видел ли он Феррана до того, как зашел с Челли в медотсек.

Голдин недоуменно взглянул на меня, но согласно кивнул. Очевидно, он все же не поспевал за мной.

Лева шлепнулся в кресло и удовлетворенно вздохнул:

— Давненько не играл я в сыщиков-разбойников! Можно начинать экзекуцию, друзья! Я готов.

— Скажите, Лева, — не выдержал я, — когда вы утром увидели Феррана?

— Жака? — удивился Лева. — Когда Лино приказал нам идти в Ангар.

— То есть Челли сказал это вам, а тут из своего блока вышел Жак и... — Я нарочно сделал паузу.

— Нет, это мы с доктором и Челли вышли из медотсека и увидели Жака.

— А перед этим вы его видели?

— Разумеется. Уже больше полугода мы с ним видимся буквально каждый день. Он мне надоел до чертиков! — Лева оставил Левой.

— Да нет же, я спрашиваю вас о вчерашнем утре! Видели ли вы его до того, как вышли из медотсека?

— По-моему, вы не тем занимаетесь, — рассердился Лев. — Нет, не видел, ну и что?

Мне уже все было ясно. Никто из обитателей Купола не видел Феррана выходящим из своего блока. Только он и мог ночью выйти вслед за Штрайхом, а утром незаметно вернуться под Купол.

Я повернулся лицом к Жаку. Он сидел все в той же позе, безучастно глядя в пол.

— Скажите, Лев, — Грэг снова взял инициативу в свои руки, — что вам снилось ночью?

— Этой? — не понял Лева.

— Нет, прошлой, разумеется.

— Африка, сафари, львы, саванна... В общем, Земля, — мечтательно произнес Лева. — У вас, кажется, все?

Грэг вопросительно посмотрел на меня и кивнул. Лев вернулся на свое место.

— По-моему, все ясно, — сказал я. — Ты ведь можешь потребовать его изоляции?

— А ты считаешь, что он будет продолжать нам мешать? — задумчиво спросил Грэг. — Мне бы не хотелось злоупотреблять своими полномочиями.

— А он тут, пока ты будешь строить из себя Красную Шапочку, раскокает что-то еще, — нажал я. — Что ты

ПОЯС ИППОЛИТЫ

тогда скажешь? Мало тебе ментоскопа? А если он еще кого-нибудь прикончит?

— Ну, до этого, я думаю, не дойдет,— легкомысленно отмахнулся Грэг.— Но ты прав. Здесь слишком мало места и слишком много людей.

Он встал.

— Я хочу сделать официальное заявление. Именем Всемирного Совета, возложившего на меня обязанности Наблюдателя СГБ, я требую от начальника научно-исследовательской экспедиции «Ипполита» Лино Челли изолировать лицо, намеренно повредившее ментоскоп, на том основании, что его действия помешали и могут помешать в дальнейшем сбору материалов для следствия. Согласны ли вы, Лино Челли, удовлетворить это законное требование?

Я посмотрел на Феррана. Он, похоже, уснул в своей безразличной ко всему позе. Или ему действительно было уже на все наплевать?

— Согласен,— вздохнул Лино.— Только вы уж мне сначала скажите, кто же его разбил, этот паршивый ментоскоп?

«Это сделал Ферран!» — хотел было выкрикнуть я, но не успел.

— Это Юлиус Чивилис,— сказал Голдин.

ГЛАВА 13

*Ипполита. 17 мая. 03:00—06:00 СГВ
Дональд Моррис
(продолжение)*

Самым удивительным для меня во всем происходящем стало то, как отреагировал на заявление Голдина сам Чивилис. Он встал, высокомерно взглянул на окружающих и произнес:

- Куда мне идти?
- Ты даже не хочешь объяснить, зачем это сделал? — поразился Лева.
- Нет.
- Но это сделали вы, Юлиус? — спросил Челли.
- Да.
- Как я должен его изолировать? — повернулся к нам Челли.
- Скажем, пусть находится на складе, а дверь заблокируйте снаружи.
- Может быть, вам что-нибудь нужно с собой, Юлиус? — спросила Натали.
- Ничего,— буркнул Чивилис и в сопровождении Челли прошел на склад...

Второй раз с высоты своих умозаключений я плюхнулся носом в грязь. Второй раз за один вечер Голдин

превзошел меня в том, в чем еще вчера я считал себя чуть ли не специалистом... И все детективы бросал на половине, точно угадывая, кто преступник...

Но жизнь оказалась сложнее, чем детективы...

Вскоре Челли вернулся и с позволения Голдина отпустил всех досыпать. А я пока попытался сообразить, как же виновником всего происходящего оказался Чивилис. Да, он отсутствовал утром, вернулся, найдя тело, но ведь он вышел из-под Купола только в 6:20, это известно из объективов Сержа! Их не подделаешь!..

Нет, ничего у меня не выходило. Оставалось ждать разъяснений Голдина.

Когда все разошлись по своим блокам, мы с Челли расположились в двух наших, подняв переборку, и Голдин снова приступил к расспросам:

— Скажите, Лино, как вы поступаете с добытым ридолитом?

— Но ведь я вам уже рассказывал!

— А вы еще раз, это не повредит.

— Каждый месяц кто-нибудь отправляется на рудник за новой партией ридолита и проводит профилактику добывающим роботам. Ридолит, собранный в небольшой контейнер, хранят на спецскладе в Ангаре и, как только наступает нуль-прохождение, доставляют на Кольцо.

— Можно ли утаить часть добытого ридолита?

— Разумеется, нет. Роботы на Руднике сами собирают его в контейнер. Все контейнеры пронумерованы на Земле, вскрыть их могут только специалисты Компании. С Кольца на Землю контейнеры сразу же нуль-транспортируются автоматически, не скапливаясь на промежуточном пункте.

— Значит, утаить контейнер невозможно?

— И невозможно, и бессмысленно. Контейнеры, как я уже говорил, пронумерованы. В момент заполнения на

индикаторе появляется дата. Таким образом, они должны поступать на Землю в строгом порядке по номерам и по датам заполнения. В принципе, мы только доставляем их с Базы на Рудник и обратно, а затем отправляем на Кольцо. Все остальное делается без участия человека... Но даже если бы кто-то ухитрился утаить часть ридолита, он ничего не сможет с ним сделать.

— Но ведь килограмм ридолита стоит колоссальных денег!

— Верно, но на мировом рынке лишь один моно-польный продавец — «Россыпи». Все три месторождения в Галактике разрабатываются исключительно ими. И купить необогащенный ридолит, появившийся неизвестно откуда, думаю, не рискнет ни один производитель звездолетов.

— А если бы кто-то рискнул?

— Это значит рискнуть состоянием, доверием вкладчиков, свободой, наконец... Не знаю, мне трудно вообразить подобную ситуацию... Но объясните же, наконец, цель ваших вопросов, синьор Голдин!

— Видите ли, Лино... Я имею серьезные основания полагать, что Чивилис пытался утаить от Компании часть добытого ридолита... Но раз есть такие трудности со сбытом, а каждый контейнер пронумерован, я не могу понять...

— Этого не может быть! — прервал Голдина взбешенный Челли.— Я вам говорю, что это чепуха, бред, ваши дурацкие домыслы!

Голдин немного оторопел от такой вспышки. С полминуты он сидел неподвижно, потом встряхнул головой и весело сказал:

— Спасибо, Лино, вы мне очень помогли своим криком. Видимо, нужна была стрессовая ситуация, чтобы я кое-что понял.

ПОЯС ИППОЛИТЫ

— Бросьте эти ваши клоунские штучки! — снова за-
кричал Челли.— Я вам не верю!

Во избежание возможного инцидента я придвигнулся к нему. Вообще-то они с Голдином были в одной весовой категории, но в победе Грэга, случись ему боксировать против разъяренного Лино, я не был уверен, а ронять авторитет СГБ не желал.

— Сейчас поверите,— как ни в чем не бывало сказал Грэг.— Хотите, я угадаю, что вы видели во сне прошлой ночью? Львы, Африка, сафари, не так ли?

— Точно так,— удивился Челли.— Но откуда...

— Погодите, я вам все объясню. Ведь это вы мне сказали, что Штрайх собирался ремонтировать БГИ, верно? Идемте, взглянем на последнюю гипнограмму. Кстати, вы им пользовались за свое дежурство?

— Ни разу,— сказал, вставая, Челли.

— Очень удачно...

Мы опять вышли в холл. Голдин подошел к Большому Гипноизлучателю, осмотрел его, открыл кассетоприемник и протянул:

— Та-ак...

Я тоже подошел к нему. Вопреки инструкциям, БГИ был отключен. Кассеты внутри не было...

...Лет тридцать назад, когда появились первые самосинхронизирующиеся гипноизлучатели (ССГИ), их программы записывались в специальных центрах. Это было весьма дорогое, но поэтому и весьма популярное в определенных кругах, удовольствие. Правда, задолго до появления ССГИ возникли опасения, что гипнограммы, записанные без контроля, могут стать своего рода наркотиками. С легкой руки профессора Ильица появился даже специальный термин «гипнаркомания». И действительно, как грибы после дождя, расплодились подпольные лаборатории, по демпинговым ценам рас-

пространявшие свою гипнопродукцию с порнографическим и садистским уклоном. Этой проблемой пришлось заняться полиции.

В то же время СДКР заинтересовалась новинкой, позволявшей твердо усваивать максимум информации за очень короткое время. И после ряда усовершенствований первые БГИ, состоявшие из комплектов ССГИ, компакт-устройства записи гипнограмм и транслятора, стали поступать на все научно-исследовательские базы и экспедиции СДКР. ССГИ, которые стали называть просто «малыми гипноизлучателями» (МГИ), использовались по-прежнему в развлекательных и лечебных целях. Они воспринимали только гипнограммы, снабженные меткой официальной цензуры. Здесь контроль не был нужен. Иное дело — БГИ. Предполагалось, что они будут незаменимы при Контакте.

Но время шло, Контактов было значительно меньше, чем экспедиций, и до Земли стали доходить слухи, что и в Космосе БГИ используются не по назначению... Для контроля за их использованием и был разработан ряд простых правил, одно из которых гласило: БГИ всегда должен быть включен, а его кассетоприемник не должен пустовать. Это достигалось следующим путем. БГИ обеспечивался при изготовлении многолетним автономным питанием. Кассета с записью вставлялась в кассетоприемник новенького БГИ еще на Земле. Каждая последующая ее замена надежно фиксировалась. Содержание каждой кассеты автоматически дублировалось в неизменяемую память БГИ перед ее заменой или даже при попытке просто вытащить ее из кассетоприемника. Для этого БГИ и был постоянно включен. Таким образом, если возникала необходимость проверить использование БГИ, его память выдавала копии всех записей, кроме последней, которая и содержалась на кассете в

кассетоприемнике. Ее в ускоренном режиме можно было просмотреть буквально за считанные секунды на специальном стереоэкране...

Итак, кассеты в БГИ не было. Чтобы не дублировать ее содержание, БГИ отключили, а ее вытащили. Хотя совсем недавно Голдин проверял кассетоприемник и не поднял тревогу, то есть тогда все еще было в норме...

— А где, кстати, доктор? Лино, позовите его, пожалуйста,— растерянно попросил Голдин.

И тут у меня в мозгу словно что-то щелкнуло, и многие факты встали на свои места... Ментоскоп был разбит, чтобы Гайданович что-то не вспомнила. Значит, она что-то забыла. Что могло заставить ее что-либо забыть? Что могло заставить ее, Леву, Челли увидеть одинаковые сны? Разумеется, только Большой Гипноизлучатель! Поэтому и была похищена последняя кассета... Но мне, как и раньше, было непонятно, что именно пытались заставить забыть Гайданович и остальных.

Тем временем Лино несколько раз постучал в блок доктора, потом приоткрыл дверь, заглянул в него и обернулся:

— Его там нет.

— Быстро в Ангар,— скомандовал Голдин. Как он разительно отличался от того Грега, с которым я познакомился вчера!

Мы моментально собрались, надели космокостюмы и выбежали из-под Купола. В Ангаре Грегори сначала заблокировал изнутри входную дверь, а потом бросился к спецскладу. Там он заглянул за стеллажи, на которых ничего не было, поднял голову и громко крикнул:

— Доктор! Кончайте прятаться, выходите! И захватите с собой контейнер.

И из-за катера вышел виновато улыбающийся доктор Сайто с маленьким металлическим чемоданчиком в руке.

Когда он подошел к нам и Лино выхватил контейнер у него из рук, я разглядел на нем выгравированный номер «247» и на индикаторе дату: «15 мая».

— Я, Наблюдатель Службы Галактической Безопасности Голдин, требую от вас, Лино Челли, изоляции доктора Сайто, мешающего сбору материалов по делу о несчастном случае с Уве Штрайхом и попытке утаить от компании «Галактические россыпи» добытый ридолит,— негромко сказал Грэг, рассматривая контейнер.

— Согласен с этой мерой,— вздохнул Челли, глядя на доктора.

— Ничего-то вы не понимаете,— грустно сказал доктор и вежливо, но твердо добавил: — Имейте в виду, что до Земли я ничего объяснять вам не стану.

После того как злоумышленник был водворен в медотсек, Голдин, на все попытки Челли расспросить его, отвечавший «подождите немного», ушел к себе в блок, лег на койку и некоторое время валялся, закрыв глаза. Я решил последовать его примеру и честно попытался проанализировать события этой бесконечной ночи.

Приходилось еще раз констатировать, что Грэгори справляется с расследованием куда лучше меня. До сих пор я не мог понять, как он вышел на Чивилиса и Сайто. По-прежнему темной для меня оставалась история с «электронным сторожем». Но я не понукал Голдина, поскольку успел убедиться, что, несмотря на свою застенчивость, он отнюдь не страдает молчаливостью. И если его не торопить, расскажет обо всем сам.

А Голдина явно что-то мучило. Он ворочался, чесал затылок, наконец открыл глаза, сел на кровати и, глядя в потолок, произнес свою сакрментальную фразу:

— И все-таки, это неестественно.

— Похоже, ты опять чем-то недоволен? — удивился я.

— Именно так.

ПОЯС ИППОЛИТЫ

— Вы сомневаетесь в виновности Юлиуса и Минору? — с надеждой спросил Челли.

— О виновности будут судить на Земле. Мое дело — разобраться в происходящем и сделать правильные выводы. В необходимости изолировать Чивилиса и Сайто я не сомневаюсь. Они и не думают отрицать, что пытались помешать мне собирать материалы для следствия. А вот в остальном я все еще мало понимаю.

— А мне, — заметил я, — непонятно лишь одно: кто и как убил Штрайха.

— Что-о? — не поверил услышанному Лино.

— Это-то как раз ясно, — не обращая внимания на привставшего начальника Станции, отмахнулся Грэг. — Никто его не убивал. Самый обычный несчастный случай. А вот для чего Чивилису и доктору понадобилось утаивать ридолит...

— Как это никто не убивал?! — возмутился я. — А кто вышел за Штрайхом, кто крался за ним? Кто незаметно вернулся под Купол утром, не сказав, что со Штрайхом случилось несчастье? Кто подстроил этот обвал? Это мог сделать только Ферран!

— Да объясните вы мне, Бога ради, что происходит! — заорал Челли. — Кто подстраивал обвал? Кто куда выходил? Почему Ферран?

— Никто нигде не выходил, — терпеливо сказал Голдин. — Пожалуйста, подождите оба пару минут с вопросами. У меня такое чувство, что я вот-вот вспомню что-то важное...

ГЛАВА 14

*Ипполита. 17 мая. 03:00—06:00 СГВ
Дональд Моррис
(окончание)*

Мы замолчали. Я снова был ошарашен. Как это «никто никуда не выходил»? А записи Сержа? А, наконец, слова самого Голдина?

— Вот что, Лино,— спросил после некоторого размышления Грег.— Если Земля передает нуль-грамму на Ипполиту, а нуль-прохождения нет, что происходит?

— С Ретрансляционного Кольца постоянно посыпается непрерывный сигнал на ПС. Его прием служит сигнализацией нуль-прохождения. Если «дыра» закрыта, нуль-станция Кольца принимает сообщение с Земли, запоминает его, «сжимает» в короткий импульс и посыпает сигнал «внимание» на Ипполиту. Пункт Связи этим сигналом при наступлении прохождения включается на прием и принимает импульс с Кольца. Длительность его не больше секунды, так что достаточно мгновенного открытия «дыры» в атмосфере — и сообщение поступает на ПС. А оттуда по подземному кабелю — сюда на дешифратор.

Назад с Ипполиты порядок отправления несколько иной. Мы не имеем возможности при отсутствии нуль-

прохождения «буравить» атмосферу непрерывным сигналом «внимание». Прохождения может не быть неделю, а то и две. Такие случаи бывали. Это для нас слишком большой расход энергии. Поэтому мы вынуждены ждать, пока прохождение появится,— это мы узнаем по приему нуль-сигнала с Кольца. И только потом отправляем наш импульс. А с Кольца сообщение мгновенно ретранслируется адресату.

— А если сообщение пришло с Кольца на ПС с опозданием, как оно таймируется?

— Вверху — время отправления с Земли и, соответственно, приема на Кольце. Внизу — время приема Пунктом Связи на Ипполите.

— А если ночью приходит сообщение категории «А»?

— При получении такого сообщения я немедленно должен быть извещен о нем, вне зависимости от времени получения и моего местонахождения. Если вы имеете в виду нуль-грамму о событиях на Сеньоре, то мы получили ее утром.

— Утром? — переспросил я.— Все получили ее ночью.

— Значит, ночью у нас не было нуль-прохождения. Это, как вы уже поняли, обычный случай. Наличие и отсутствие нуль-прохождения объективками Сержа не фиксируется.

— А можно мне взглянуть на эту нуль-грамму? — попросил Голдин.

— Разумеется,— удивился Челли.— Я думал, вы с ней знакомы. Это же категория «А», «всем, всем, всем»...

Он поднялся и вышел в холл. Следом отправился Голдин. Сквозь неплотно прикрытую дверь жилого блока мне было видно, как он подошел к пульту дежурного, поколдовал у дешифратора и вернулся с голубой карточкой нуль-граммы в руках. Через минуту появился Челли

с такой же карточкой и вручил ее Голдину. Грег повертел ее, сравнил со своей, отложил себе на журнальный столик и тихо сказал:

— Теперь хоть ясно, зачем выходил Штрайх. Но остальное мы можем узнать только от доктора и Чивилиса, а они говорить не собираются...

— А Ферран? — снова не выдержал я.

— Ферран в этой истории совершенно не замешан.

— Но его никто не видел до снятия второй ступени защиты! — выложил я свой главный козырь.— Он один мог вернуться незаметно, был момент, когда холл уже после снятия регистрации входа-выхода пустовал...

— Он не мог вернуться,— парировал Голдин.— Я уже сказал, что Штрайх выходил один. Ферран всю ночь спокойно проспал в своем блоке. Я даже знаю, что ему снилось...

— Тогда объясни, как можно совместить твои утверждения с тем фактом, что за ночь «электронный сторож» дважды фиксировал выход и ни разу — вход?

Челли, переводивший непонимающий взгляд с меня на Грега и обратно, тут же вскочил:

— Это точно? Я сейчас проверю...

— Не надо, мы уже проверили,— удержал его Голдин.— Это и так, и не так... Лет двести назад ходила такая юмористическая поговорка: «Если факты противоречат логике, тем хуже для фактов». Это шутка, конечно, но в ней есть и доля здравого смысла. Применительно к нашему случаю я бы ее перефразировал так: «Если факты противоречат логике, то чаще всего это либо не факты, либо они неправильно истолковываются».

С самого начала я проверил показания регистратора и установил, что до выхода Чивилиса поле за ночь снималось дважды, примерно в 5:04 и в 5:05. Оба раза на выход. Отсюда мы с Дональдом вывели, что кроме Штрайха из-

под Купола вышел кто-то еще и не вернулся до снятия регистрации входа-выхода, то есть до 6:35. Но при дальнейшем изучении обстановки мне стало ясно, что этот вывод (заметьте, я не говорю «факт») противоречит всем остальным фактам и положениям данного дела.

Во-первых, между снятиями поля прошло менее 40 секунд. В то же время, чтобы выпустить из шлюза, уже герметически закрытого, земной воздух и заполнить его атмосферой Ипполиты, нужно не менее двух минут, я это проверял. В шлюзе спрятаться негде, кроме как на складе, вы оба это знаете. Но, зайдя на склад за космокостюмом, Штрайх обязательно обнаружил бы Второго. Значит, если в ночь на 16 мая из-под Купола вышли двое, то находиться в шлюзе они могли только вместе. А тогда Штрайх должен был сообщить об этом в бортжурнале. Но он этого не сделал.

Далее. Физическую возможность выйти из-под Купола ночью и незаметно вернуться утром имел только Ферран, это верно. Но я с самого начала установил, что все дело крутится вокруг непонятно откуда взявшегося ридолита,— Голдин кивнул на стоявший рядом с креслом контейнер,— а Ферран не является служащим «Россыпей» и никакого отношения к ридолиту иметь не может.

Он перевел дыхание и продолжал:

— С другой стороны, те, кто заведомо имеют отношение к утаенному ридолиту, о чём я буду говорить ниже,— Чивилис и Сайто,— не могли выйти из-под Купола со Штрайхом и вернуться утром после снятия регистрации хотя бы потому, что на момент двукратного снятия поля на выход со склада не было взято ни одного баллона кислорода. На их космокостюмах были баллоны с запасом воздуха не более чем на 40 минут, в то время как между последним снятием поля ночью и выходом Чивилиса прошло более часа.

Вы можете возразить: они могли взять баллоны со склада и сразу после возвращения накануне. Я предусмотрел этот вариант и запросил Сержа о количестве баллонов на складе по состоянию на 23:00 15 мая (до их возвращения, которое было зафиксировано Сержем в 23:27) и на 04:30 (до выхода Штрайха), на 05:30 (после его выхода) и на 06:30 16 мая (после выхода Чивилиса). Из ответа следовало, что начиная с 23:00 15 мая баллоны со склада первым взял Чивилис в 06:17. Таким образом, никто из группы, летавшей на Рудник 15 мая, не мог ночью сопровождать Штрайха. Оставались только вы, Лино, Ферран и Кушнир. Но ваше алиби безупречно, а алиби Кушнира подтверждаете вы и Гайданович.

— Разумеется,— согласился внимательно слушавший Челли.

— Этот факт действительно выводил на Феррана, у которого не было алиби. Но тогда я нашел последний — и самый важный — довод в пользу его абсолютной непричастности к смерти Штрайха. Я ведь не случайно спрашивал вас о порядке контроля за использованием космокостюмов... На Станции их всего 15. На половину пятого утра 16 мая все они были на складе. На половину шестого их осталось 14, на половину седьмого — 13. Следовательно, Штрайх действительно вышел один, а в 6:20 за ним, как вы и рассказывали, вышел в Ангар Чивилис...

Итак, вроде бы мы пришли к противоречию. С одной стороны, рассуждаем мы, налицо регистрация двух выходов и ни одного входа, то есть выхода двух человек. С другой стороны, выйти мог только один. Тут-то и пора вспомнить старую поговорку! Потому что это противоречие — кажущееся, мы и не заметили, как наше мышление подменило правильную формулировку «регистрация снятия защитного поля на выход» на почти

такую же по смыслу, однако в данном случае неверную — «регистрация выхода».

Как происходит снятие защитного поля второй ступени? Вы входите в шлюз, надеваете космокостюм, даете Сержу запрос на выход. Шлюз герметизируется, земной воздух отсасывается в резервуары, а снаружи всасывается атмосферный воздух. После этого поле снимается автоматически при контакте с материалом космокостюма. В этот момент и происходит регистрация снятия поля на выход. А если вы сделали шаг, поле уже снято, но вы вдруг раздумали выходить и двинулись назад? Поле восстанавливается, как только окончится контакт с материалом, обладающим определенными характеристиками... Но вы-то еще в шлюзе, хотя запрос на выход удовлетворен! Поэтому, если вы снова захотите выйти, Серж зарегистрирует повторное снятие поля на выход, но на вход поле ни разу снято не будет.

Голдин с победоносным видом оглядел нас. Возможно, он ожидал аплодисментов, и он, безусловно, их заслужил, но аплодисментов не последовало, и он вынужден был продолжать:

— Как же все известные на сегодня факты можно объяснить? Некоторое время назад кому-то из троих работников вашей вахты, Лино: Чивилису, Сайто или Штрайху — а может быть, и всем троим сразу, пришла в голову мысль завладеть частью добываемого на Ипполите ридолита...

Лино хотел что-то вставить, но Голдин его остановил:

— Я излагаю вам гипотезу, которая, на мой взгляд, расставляет по местам все известные на сегодняшний день факты. Она пока и меня не очень удовлетворяет, но другой у меня, увы, нет. Поэтому я предлагаю вам дослушать до конца, а потом уже критиковать.

Мы вынуждены были согласиться:

— Так вот... Реальной возможности сделать это им до последнего времени не представлялось. Но вот на Ипполите резко возрастает сейсмическая и вулканическая активность. Во время возвращения с Рудника, возвращения — заметьте, с ридолитом, — Чивилис, Сайто, Штрайх и Гайданович теряют катер. По возвращении Штрайх остается дежурить по Станции и узнает от вас, Лино, что планету ждет серьезнейший катаклизм не далее чем послезавтра. Вы просите его отправить на Землю запрос о разрешении на эвакуацию. И у Штрайха, а может быть, у Чивилиса или Сайто рождается очень простой план. Если использовать Большой Гипноизлучатель, можно вну什ить Натали Гайданович, участвовавшей в полете на Рудник, вам, Лино, очевидно, знаяшему, что экспедиция вернулась с ридолитом, а заодно Кушниру и Феррану, что катер погиб на пути ТУДА, а не ОБРАТНО. И естественно, ридолит остался на Руднике. Думаю, они надеялись, что ожидаемый катаклизм уничтожит все следы их аферы: и Рудник с пустыми контейнерами, и Станцию с БГИ, использованным в преступных целях.

Итак, Штрайх дежурит ночью. Нуль-прохождения нет. В 3 часа ночи с Земли отправляется сообщение о катастрофе на Сеньоре. Около половины пятого открывается нуль-прохождение, и это сообщение приходит на Ипполиту. Кассета с гипнограммой еще не запущена: из практики известно, что наилучшие результаты дает внушение перед самым пробуждением, и Штрайх рассчитывал запустить свою гипнограмму около пяти утра. Но теперь ситуация изменилась: вас нужно будить и ставить в известность о нуль-грамме категории «А». Неужели придется отказаться от плана, сулящего миллионы?

И Штрайх находит выход: надо оттянуть время получения нуль-граммы. Поверх часовой кассеты с записью

саванны, львов и сафари он пишет небольшую гипнограмму длительностью до 20 минут. И запускает свою кассету. Поэтому всем вам под утро снилась Африка. Для твердого усвоения внушенной информации теоретически требуется по меньшей мере 2 часа. Следовательно, с 6 до 8 утра необходимо обеспечить на Станции спокойную бесстессовую атмосферу. Штрайх фабрикует поддельную нуль-грамму, которую таймирует новым временем получения — 08:00 СГВ. Он блокирует кабельную связь между Пунктом Связи и дешифратором Купола, закладывает на ПС сфабрикованную нуль-грамму и монтирует там простейшее реле времени. Если теперь вернуться на Станцию и отключить сигнализацию нуль-прохождения, то очень просто объяснить вам, Лино, почему за ночь так и не был отправлен запрос: нет прохождения. А, допустим, в без двух минут восемь можно сигнализацию незаметно включить. Через две минуты на ПС сработает реле времени, и на Базу придет сфабрикованная нуль-грамма категории «А», на которой вместо времени получения 04:27 проставлено 08:00. Такое несоответствие едва ли кто-нибудь когда-нибудь заметит, для этого надо затребовать копию нуль-граммы из памяти ПС, что я и сделал... — Голдин подал нам две карточки, и мы смогли убедиться в том, что он прав.

— Утром под любым предлогом нужно будет в общей суматохе вернуться на Пункт Связи, разобрать реле времени, что, по-видимому, сделал Чивилис, и все останется в тайне. Никому и в голову не придет проверить, что за кассета находится в БГИ, которым за 7 месяцев ни разу не пользовались...

Но на обратном пути Штрайх попадает под камнепад, вызванный очередным подземным толчком, и погибает... Сигнализация нуль-связи не выключена, но линия до 8 утра заблокирована, поэтому вы, Лино, в 7:50 не

можете отправить нуль-грамму на Землю, хотя прохождение появилось...

Голдин немного помолчал.

— Итак, эта гипотеза объясняет многое, но возникает и множество вопросов. Почему Штрайх действовал один, не разбудив своих сообщников? А о том, что Чивилис и Сайто знали о БГИ и ридолите, свидетельствуют все их дальнейшие действия. И в то же время ночью они преспокойно спят, заблаговременно отключив свои малые гипноизлучатели от каналов БГИ.

— Это точно, — подтвердил я, — МГИ в блоке Чивилиса, который я занял, был отключен. А доктор сам мне сказал, что гипноизлучением не пользуется.

— Вот-вот. Идем дальше. Почему весь день до вечера ридолит открыто стоит на складе? Лишь по редкому стечению обстоятельств первым его обнаружил я, а не кто-нибудь из вас. Случись по-другому, и вся затея с внушением оказалась бы напрасной. Если действительно все затевалось ради ридолита — а 7 килограммов его стоят не один десяток миллионов — то слишком уж легкомысленно воры обращаются со своей добычей, не правда ли? Наконец, как наша троица собиралась обойти трудности, связанные с реализацией ридолита? Лично мне они представляются непреодолимыми... И что означают слова доктора о том, что он будет молчать «до Земли»? Какой в этом смысл? Не-ет, во всем этом, право, есть какая-то неестественность!

ГЛАВА 15

*Ипполита. 17 мая. 10:00—13:00 СГВ
Дональд Моррис*

Как и предполагал Челли, мы стартовали в 10 утра. До последнего момента Голдин слонялся по Станции, что-то укладывал в свой бездонный саквояж и выглядел очень недовольным. Я причин этого недовольства не понимал. По нашему общему с Челли мнению Голдин блестяще справился с расследованием. В очень короткий срок он сумел не только разгадать тайну гибели Уве Штрайха, но и предотвратить еще одно преступление, даже более того — сберечь к бурному восторгу Челли для Компании месячную добычу ридолита. Я очень надеялся (думаю, не без оснований), что такая Компания, как «Россыпи», сумеет отблагодарить за возвращенные миллионы всех участников событий. В мыслях я уже видел чек на кругленькую сумму, который без особых хлопот будет превращен в небольшой частный космогрузовик со славным именем «Грегори»...

Итак, мы с Челли были довольны, доктор с Чивилисом до самого старта находились взаперти и выразить свое отношение к итогам расследования, естественно, не могли, а остальные это сделать не спешили. Думаю,

все они были весьма озадачены драматической развязкой нашего спектакля. И только Голдин, постоянно бурчавший что-то себе под нос, выводил меня из состояния полного блаженства.

Учитывая, что необходимость в изоляции после старта отпадает, Голдин предложил преступникам разместиться на катере вместе со всеми, но доктор и Чивилис дружно и однозначно отказались. По-видимому, им тяжело было находиться среди своих бывших товарищей, и они выразили желание во время взлета и пребывания на Кольце содергаться отдельно от остальных. Голдин согласился. Чивилис, неподвижно, с закрытыми глазами лежавший на какой-то подстилке, поинтересовался еще, погружен ли в катер «Мышонок», и, получив утвердительный ответ, снова погрузился в дремоту.

На катере мы с Голдиным и двумя арестантами расположились в рубке управления. Позже к нам пришел Челли, который намеревался пилотировать катер сам, отказавшись от моих услуг. Натали, Лева, Жак, которым Челли сообщил просьбу арестантов, выдав ее за требование Голдина, остались в грузовом отсеке.

При других обстоятельствах я, возможно, настоял бы на том, чтобы самому сейчас сидеть в кресле первого пилота. Но в данном случае от Челли требовалось только взлететь, выйти за пределы этой проклятой атмосферы и состыковаться с Кольцом. Выполнение этой программы не требовало серьезной квалификации, и я с удовольствием развалился в кресле второго пилота, готовый, впрочем, в любой момент взять управление на себя.

Взлетели мы, в общем, нормально, хотя к моменту выхода из атмосферы и, соответственно, установления связи с Кольцом из-за бесконечной болтанки не знали, где находимся. Уже в космосе расчеты показали, что до Кольца около трех часов лету...

Лино настроил автопилот на нуль-привод Кольца и включил прозрачность стен, а освещение рубки выключил. Все молчали. Справа под нами медленно плыл громадный темно-лиловый шар, словно бы скатанный из комьев ваты... Эти комья ни на секунду не оставались в покое, переплетаясь в немыслимые узоры, волнуясь, разглаживаясь и снова собираясь в вихревые потоки. Ипполита была повернута к нам дневной стороной, а слева мерцал далекий Гектор.

Через некоторое время Челли, незаметно покинувший до этого рубку, ворвался в нее в сопровождении Кушнира. Он подскочил к пульту первого пилота и принялся тыкать в один из дисплеев пальцем, возбужденно твердя:

— А ты посмотри сюда, что ты на это скажешь?

— Ничего не скажу,— пробасил Лев.— Этого не может быть. Как говорят дети, так не бывает.

— Здесь многое бывает, чего нигде не бывает,— резонно заметил Лино.— Я тебе точно говорю, она поворачивается.

— Кто поворачивается? — спросил я.

Голдин, Чивилис и доктор тоже оторвались от прозрачных стен и повернулись к Челли.

— Кто-кто... Ипполита за последний час повернулась на шесть градусов! То есть наклон оси вращения планеты по отношению к плоскости эклиптики увеличился с двадцати восьми до тридцати четырех градусов.

— Не может быть,— не поверил я.

— Может,— вдруг вмешался Чивилис.— Лино, увеличьте скорость, если можно. Чем мы быстрее попадем на Кольцо, тем лучше. Там экраны помощнее наших...

Он повернулся к нам спиной и снова впился глазами в Ипполиту. Доктор, а затем и мы с Голдиным последовали его примеру.

— Но что все это значит? — растерянно спросил Челли и сел в кресло. Лев недоуменно пожал плечами и ушел опять в грузовой отсек.

Еще минут через 20 доктор, сидевший напротив меня, впервые за весь полет подал голос:

— Юлиус, взгляните, пожалуйста, во-он туда... Не правда ли, любопытно?

— Там полюс. И Пояс Ипполиты,— хрипло сказал Чивилис.

Я посмотрел туда, куда показывал маленький доктор, и замер. Огромная воронка словно проколола снизу слой лиловой ваты. Стремительно вращаясь, она все увеличивалась в диаметре. Вскоре стало возможно далеко внизу и спереди-справа, у противоположной внутренней стенки воронки, увидеть кусочек поверхности Ипполиты. Воронка приобрела форму усеченного конуса, причем меньшее его основание было почему-то вверху, а не внизу, как у обычных атмосферных явлений. Оно все расширялось.

Конус на наших глазах превращался в цилиндр, основанием которому служил Пояс Ипполиты.

Челли включил связь с грузовым отсеком:

— Все смотрят вниз?

— Все,— ответил голос Феррана.— Но никто ничего не понимает.

— Интересно, есть там какая-нибудь атмосфера,— пробормотал Челли,— или полный вакуум?

Картина внизу теперь напоминала дуло гигантского орудийного ствола, глядящего в космос с поверхности Ипполиты.

— Лино, а можно определить, куда направлена ось воронки? — спросил Чивилис.

— Можно, наверное,— сказал Челли.— А какой в этом смысл?

Чивилис не ответил.

Я прикинул расстояние от нас до ближайшего края воронки. Получилось около семисот километров. В это время автопилот начал торможение: мы приближались к Кольцу. Но никто, кроме меня, не обратил на это внимание, все смотрели на атмосферный феномен.

— Это какой же энергией надо обладать, чтобы устроить такую свистопляску,— пробормотал доктор, стоя спиной к пульту.

Я не успел подумать, кому это «надо обладать такой энергией», как увидел, что Чивилис мгновенно обернулся, посмотрел на светящееся табло внутренней связи и коротко, но больно ткнул доктора в бок. Доктор тоже оглянулся, увидел табло и испуганно зажал себе рот. Мы с Челли, бывшие невольными свидетелями данной пантомимы (Голдин стоял у другого окна), удивленно переглянулись. А доктор тем временем как бы невзначай дотянулся до клавиши внутренней связи и выключил ее со словами:

— Если никто не возражает...

Никто не возразил, всем было не до этого. Никто не заметил даже, что катер уже состыкован с Ретрансляционным Кольцом.

Размеры и форма воронки к тому времени уже стабилизировались, ее края почти не выбрировали, а только бешено вращались, как вращалась бы глиняная пустотелая заготовка для кувшина на гончарном круге... Волны от этого вращения возмущали всю атмосферу планеты, куда хватало глаз.

— Лино,— снова повернулся к нам Чивилис,— пожалуйста, отключите все приборы на катере и Кольце, но включите защитное поле на максимум мощности.

— Что-о?! — изумился Челли.

— Все, что можно отключить, должно быть отключено,— повторил Чивилис.— И я прошу вас сделать это

немедленно! Оставьте только аварийные системы регенерации воздуха и жизнеобеспечения и защитное поле на максимуме. Сейчас что-то будет!

— Я поддерживаю эту просьбу,— неожиданно включился в разговор молчавший до сих пор Голдин.— Выполняйте все, о чем попросят Чивилис и Сайто.

Подавленный авторитетом Наблюдателя СГБ, удачно раскрывшего преступление, Челли защелкал клавишами своего пульта. Яркий электрический блеск Кольца погас.

А Голдин повернулся к Чивилису и Сайто и произнес ошеломляющую фразу:

— Я хочу уже сейчас, господа, принести вам свои искренние и глубочайшие извинения за те ошибочные предположения, которые привели меня к глупой гипотезе, а вас — к изоляции.

Надо было видеть глаза Челли, готовые выскочить из орбит! Я, наверное, выглядел так же. А Чивилис всего лишь пожал плечами и негромко ответил:

— Так даже получилось лучше...

— Юлиус! — раздалось в наступившей тишине восклицание доктора, который, по-видимому, ничего не слышал.— Вы только посмотрите! Вы это предполагали?

Мы бросились к иллюминаторам правого борта, поскольку стены уже потеряли прозрачность. Описать увиденное было трудно. Из глубины воронки поднимался ослепительный белый столб. Я бы сказал, что это было похоже на луч чудовищного прожектора, но рос он медленно, словно столбик ртути в старинном градуснике. Вершина его была слегка закруглена, хотя это могло быть и оптическим обманом... За десять минут он достиг верхних слоев атмосферы и продолжал расти. Все мы изумленно взирали на это зрелище.

ПОЯС ИППОЛИТЫ

Через полчаса столб был примерно шестисоткилометровой высоты при четырехсоткилометровом диаметре. Больше он пока не рос.

— Что это может быть за материал? — прошептал я, не допуская мысли о том, что это, возможно, обман зрения.

— Это не материал, — услышал меня Голдин. — Думаю, это...

— Я понял, я все понял, Минору-сан! — закричал вдруг всегда хладнокровный Чивилис. — Это аккумулятор!

ГЛАВА 16

*Ипполита. 15 мая, 14:00—17 мая, 14:00 СГВ
Как это было*

— Боже мой, ну конечно! — всплеснул руками маленький доктор.— Но тогда у них задействованы и другие системы!

— Разумеется,— подтвердил Чивилис.— Все, которые мы видели здесь. И наверняка еще многие на других, не известных нам пока планетах. Они зарезервировали системы, на которых по их мнению не может возникнуть жизнь, для своих Вселенских проектов. И используют их как источники энергии по мере необходимости.

— Получается, что их психофизическая организация очень близка к нашей,— заметил Сайто.

— Была близка,— поправил его Чивилис.— Прошли сотни, если не тысячи веков.

Надо ли говорить, что мы ничего не понимали в этом странном диалоге. Даже Голдин удивленно переводил взгляд с одного собеседника на другого.

— Объясните же, черт возьми, о чем речь! — взорвался, наконец, Челли.

И они — такой невозмутимый, сдержанный Чивилис и обычно корректный, склонный к спокойной самоиро-

ний доктор,— перебивая друг друга, с горящими глазами рассказали следующее...

...15 мая около двух часов пополудни планетарный катер с четырьмя косморазведчиками группы Юлиуса Чивилиса на борту, возвращавшийся с Рудника с месячной добычей ридолита, подвергся мощному энергетическому удару с поверхности планеты и совершил вынужденную посадку в малоисследованном районе.

Ремонт катера в полевых условиях представлялся невозможным, поэтому было решено добираться до Станции на планетоходе «Мышонок» модели ПДК-17, не имевшем системы регенерации воздуха. Запаса воздуха в баллонах космокостюмов должно было хватить не более чем на 9 часов. Примерно в шестнадцать часов, через 20 минут после того как группа Чивилиса покинула катер, ею был обнаружен вход в гигантскую подземную пещеру.

Ее внутреннее строение, форма лабиринта, тип освещения — невидимыми источниками — и некоторые другие детали указывали на то, что строительство этого сооружения произвели Странники. Через 40 минут группа Чивилиса достигла Центрального Зала (так его называли разведчики).

Центральный Зал, овальной формы помещение (по главным осям — примерно 12 на 18 метров) венчала крыша в виде половинки эллипсоида вращения, высотой около 15 метров. Никаких источников освещения Чивилис, Сайто, Штрайх и Гайданович не обнаружили, но тем не менее в Зале было очень светло. Свет был яркий, ровный, густой. Стены — белые, чуть с желтизной — были идеально ровными, на ощупь теплыми. Выключался ли свет при уходе из Зала или горел постоянно, установить не удалось, так как в Зал выводил Лабиринт. Во всяком случае, когда человек появлялся в

последнем его отростке — семиметровом коридорчике перед Залом (Штрайх его назвал прихожей), тот уже был освещен.

Зал был пуст. В его геометрическом центре находилось полуметровой высоты возвышение — ровный овал примерно два на полтора метра. Он как бы вырастал из белого пола, никаких углов, швов и тому подобного в местах соединения не было.

Чивилис постоянно помнил, что время, отведенное на исследование этого сооружения — единственного сохранившегося до наших дней в целости сооружения Странников — ограничено запасом воздуха в баллонах и расстоянием до Базы. Поэтому после пятиминутного осмотра Центрального Зала он приказал уходить. Отступая от дальней стены, Натали Гайданович вспрыгнула на возвышение. Тут-то все и началось.

Едва нога Натали, обутая в бутс из ганелона, коснулась возвышенности, как цвет помещения стал ярко-синим. Натали замерла. Чивилис, уже дошедший до прихожей, резко обернулся. Рука Штрайха застыла на плече у доктора. Цвет стен перешел в темно-синий, затем в фиолетовый и черный. Стало совсем темно. Потом вокруг Натали, все еще стоявшей на возвышении, появился светящийся ореол.

Чивилис тут же пришел в себя:

— Что с тобой? Немедленно отвечай!

И все услышали удивленный голос Натали:

— Ничего... Абсолютно ничего!

— Стой на месте, — приказал Чивилис и подошел к ней.

Доктор и Штрайх последовали за ним. Свечение оказалось силовым полем неизвестной природы. Оно было совершенно непроницаемо для троих, стоящих внизу, но руки Натали свободно прошли сквозь эту светящую-

юся полупрозрачную границу. А затем она спрыгнула с возвышения, и все снова стало желтовато-белым. Поле исчезло...

Чивилис, Штрайх и доктор тоже по очереди взбирались на эту «ступеньку», но без особого успеха. Лишь у Штрайха был заметный результат: стены стали оранжевыми, но и только. Поле не появилось. Поэтому Натали снова взобралась на возвышение, и все повторилось.

После того как стены стали совсем черными, а Натали замерла внутри светящегося «кокона», на потолке появилось звездное небо, такое, каким его видно из Системы Гектора. Чивилис сразу узнал этот участок — часть Южного полушария здешнего неба. Потом на той стене, лицом к которой стояла Натали, постоянно транслировавшая свое состояние товарищам, появились большие ярко-вишневые знаки, быстро пробежавшие светящейся строкой. И наконец, одна из звезд, вернее, ее изображение, скатилась на середину Зала, попутно увеличиваясь в размерах. Медленно вращаясь вокруг своей оси, она выросла до одного метра в диаметре. Рядом с ней появились две крохотные точки: темно-красная и темно-коричневая. Над темно-красной возник алый треугольник вершиной вниз. Стрелка, догадался Чивилис. Точка стала растя, и скоро весь Зал превратился в изображение угрюмой безжизненной планеты. Пейзаж очень напоминал Плутон и не впечатлял разнообразием красок. Затем схема неизвестной планетной системы была восстановлена, но треугольник указывал уже на другую планету. Это оказалась небольшая песчаная планетка марсианского типа. Очень быстро ее картины пронеслись перед косморазведчиками и исчезли. Затем перед ними появилась схема новой планетной системы.

— Может быть, они спрашивают, откуда мы? — предположил доктор.

— Едва ли,— отозвался Чивилис.— Вы представляете, сколько им придется ждать утвердительного ответа?

— Да и то, что нам показывают, не слишком похоже на родину чьей-либо цивилизации,— добавил Штрайх.

При полном молчании косморазведчики просмотрели пейзажи нескольких планет из различных систем, перемежаемых непонятными знаками, и Чивилис уже собирался приказывать Натали покинуть «ступеньку», когда она неожиданно хлопнула в ладоши:

— Да это же Сеньор-3! Мы как раз там с Уве познакомились в позапрошлом году.

Стены моментально стали зелеными, пейзажи исчезли, осталась только вращающаяся звезда с четырьмя планетами, над третьей из которых появлялся и исчезал алый треугольник. Потом он переместился и, продолжая «мигать», оказался над самой звездой.

— Вообще-то, действительно похоже на Систему Сеньора,— сказал Штрайх.

— Ну, точно, я сразу ее узнала,— повторила Натали.— Я там три месяца прожила.

И тут же схема планетной системы исчезла, пропало поле вокруг Натали, а стены и потолок снова стали желтовато-белыми.

— Сеанс окончен,— сказал Штрайх,— но продолжение следует.

— У нас больше нет времени,— сказал Чивилис.— Мы сюда обязательно вернемся. «Мышонок» запомнит дорогу. А сейчас надо торопиться, мнениями обменяемся потом.

Когда они покидали Лабиринт, было около 19 часов. Воздуха в баллонах оставалось не более чем на пять...

Дальнейшие события отодвинули мысль об открытии на второй план. Четыре с половиной часа блуждания в поисках Базы по малоисследованному району, в почти

полной тьме и при усиливающейся сейсмической активности держали группу Чивилиса в постоянном напряжении. Электронный мозг «Мышонка» был для них единственной надеждой на спасение...

Около половины двенадцатого ночи они все-таки успели добраться до Купола. Этот факт доктор Сайто объяснил коротким, но емким словом «чудо». Начальник экспедиции Челли немедленно отправил Чивилиса, Сайто и Гайданович спать, так и не узнав о сделанном ими открытии. Штрайх остался дежурить по Станции, чтобы отправить на Землю нуль-грамму с просьбой разрешить эвакуацию Станции на Ретрансляционное Кольцо.

О том, что происходило под Куполом и вне его после того, как Челли, тоже сильно потрепанный Ипполитой в тот вечер, вслед за остальными отправился спать, можно только догадываться.

Примерно в половине пятого утра — с опозданием на полтора часа из-за отсутствия нуль-прохождения — на Ипполиту пришла экстренная нуль-грамма с Земли о гибели Системы Сеньора. Категория «А» требовала от Штрайха немедленно поставить в известность о сообщении Начальника экспедиции — Лино Челли. Но Штрайх, очевидно, и до этого много размышлявший о совершенном накануне открытии, делает невероятное, но очень простое допущение: катастрофа на Сеньоре каким-то образом связана с тем, что они видели и делали в Центральном Зале Лабиринта.

А если так, то возможно, что эта катастрофа явилась следствием их действий, конкретно же — действий Натали Гайданович, невесты Штрайха. Для него этот вывод явился страшным ударом, но тогда чем он станет для Натали? И Штрайх решает поступить совсем не так, как записано в инструкции. Не исключено, что его подтолкнуло к этому и то, что он несколько часов назад услышал

от Челли: это последнее дежурство на Ипполите. Предстоит Большой Катализм, эвакуация... Но если Большой Катализм все равно уничтожит планету, а вместе с ней и Лабиринт, то необходимо лишь выждать время до Земли, а там уже пусть ученые занимаются кристаллограммами, записанными в Лабиринте, и решают, как сохранить все в тайне от Натали, Чивилиса и Сайто... А пока нужно только, чтобы остальные так и не узнали, что они — возможно! — натворили... И Штрайх решает уничтожить все следы вчерашнего открытия, кроме кристаллограмм.

Сначала он записывает гипнограмму о том, что накануне экспедиция на Рудник стартовала позже, чем на самом деле,— около 18 часов, до него не добралась и сразу вынуждена была вернуться назад. Потом заряжает ею БГИ. Таким образом, он уничтожает любые воспоминания о Лабиринте. Но для ее усвоения нужно не менее двух часов после пробуждения. Штрайх фабрикует поддельную нуль-грамму, сдвигая время ее получения до 8 часов утра. Потом он отправляется на ПС и блокирует с помощью простейшего реле времени нуль-связь до 8 утра, заряжая ПС своей фальшивкой.

Теперь надо вернуться в Ангар, спрятать контейнер с ридолитом — доказательство того, что группа все-таки побывала на Руднике, а также кристаллограммы Лабиринта, находящиеся в «Мышонке». И останется только отключить под Куполом сигнализацию прохождения нуль-волн до 8 часов утра, чтобы объяснить задержку с отправлением нуль-граммы об эвакуации, а затем днем незаметно демонтировать реле времени на ПС и уничтожить следы использования БГИ.

Но всего этого сделать Штрайх не успел. На обратном пути к Куполу он попал под обвал, был зажат лавиной, не смог освободиться и погиб, так как не сменил второ-

пях баллоны на своем космокостюме. Причем, убедившись, что сам освободиться не в состоянии, он сознательно лишил себя возможности дать сигнал тревоги, сняв со своего СК и отбросив в сторону блок-идентификатор личности. Он сделал это, очевидно, чтобы не будить раньше времени персонал Станции и обеспечить хорошее усвоение гипнограммы.

(Этот факт я и не учел,— виновато сказал мне потом Голдин.— Знал же о нем, пытался найти разумное объяснение тому, что СК Штрайха не было слышно, когда Чивилис вышел на связь с Куполом от оранжереи. А потом забыл о нем...

А ведь все элементарно. СК был заведомо исправен: во-первых, его автоматически тестирует на выходе из-под Купола Серж. А во-вторых, вчера вечером, то есть уже после гибели Штрайха, я проверил работу его СК, и все было в порядке...

Почему же может не работать исправный СК при нормальном прохождении радиоволн? Да только потому, что этого не хочет его хозяин! Но ведь это заведомое самоубийство! И никакие миллионы не стоят того, чтобы молодой, полный сил, влюбленный человек жертвовал ради них своей жизнью!

Один этот вывод — и вся моя дурацкая версия развалилась бы... Но я задвинул этот факт куда-то на задний план сознания и в результате пришел к неправильным выводам. А вспомнил о нем уже на Кольце.)

Идея использовать гипноизлучатель для внушения всем обитателям Купола, что накануне экспедиция так и не добралась до Рудника и, естественно, ничего из ряда вон выходящего на Ипполите не обнаружила, должна была сработать так, как этого желал Штрайх. Но он не учел — и не мог учесть — двух обстоятельств. Во-первых, он не знал, что Чивилис, обладающий крепкой нервной си-

стемой, практически никогда не пользовался гипноизлу-
чением и держал свой МГИ отключенным, а канал — за-
блокированным от БГИ. Во-вторых, он не мог знать, что
доктор Сайто, обладающий, напротив, чрезвычайно впе-
чатлительной натурой, так и не сумел уснуть в эту ночь,
и, проворочавшись шесть часов без сна, не удосужился
включить свой МГИ, которым не пользовался уже давно.
Поэтому гипнограмму Штрайха восприняли не все, а
только четверо из шести обитателей Купола.

Утром Чивилис сразу был направлен начальником
Экспедиции Челли на поиски пропавшего Штрайха, так
и не успев доложить тому о вчерашних событиях. Придя
на Пункт Связи, он обнаружил там реле времени, смон-
тированное Штрайхом, и нуль-грамму, датированную
восемью утра. Он получает из памяти ПС (как это потом
сделал и Голдин) подлинник нуль-граммы. Ее содержа-
ние наталкивает его на тот же вывод, что и Штрайха: дей-
ствия его группы могли стать причиной гибели Сеньора.

Он принимает решение молчать о вчерашнем откры-
тии и ждать развития событий, понимая, что Штрайх
получил нуль-грамму раньше и уже предпринял какие-
то меры. В этом решении его укрепляет и блок-иденти-
фикатор СК-маяка Штрайха, который он находит в трех
метрах от тела. Чивилис понимает, что Штрайху, кото-
рый предпочел вывернуть блок и отбросить туда, куда
ему было не дотянуться, для чего-то очень нужно было
оттянуть момент, когда База узнает о катастрофе на
Сеньоре, по крайней мере до 8 утра. Даже ценой соб-
ственной жизни...

Чивилис ввернул блок-идентификатор, СК зарабо-
тал, и через пять минут к нему подъехали Лева и док-
тор...

Тем временем сам доктор неожиданно утром услы-
шал от Челли, а затем и от Натали, что накануне группа

Чивилиса так и не добралась до Рудника. Решив, что он, должно быть, сходит с ума, доктор побежал в Ангар и обнаружил там целехонький контейнер, заполненный ридолитом и датированный вчерашним числом. Тогда он стал наблюдать за окружающими и нашел, что поведение некоторых из них очень напоминает пост-гипнотическое. Все обитатели Купола были уверены, что ридолит так и остался на Руднике. Ничего не понимая в происходящем, доктор хочет переговорить с Чивилисом, но тот до 9 утра занят поисками Штрайха. А в 8, прочитав нуль-грамму, доктор приходит к выводу, что Штрайх использовал БГИ и стер у всех память о вчерашнем открытии.

Днем доктор успевает проверить содержание кассеты с БГИ и укрепляется в своих подозрениях. Но кто именно подвергся внушению? В течение дня доктор под разными предлогами посещает все жилые блоки и убеждается, что все МГИ подключены к общей сети. Только в блок к Чивилису доктор так и не смог попасть: днем он был заперт, а затем в нем расположился Моррис. Переговорить с Чивилисом доктор не решился, а кассету трогать не стал, в надежде, что в спешке о ней забудут.

В то же время Чивилис также понял из разговоров, что никто не помнит о вчерашнем открытии, и, сопоставив все известные ему факты, тоже пришел к мысли о БГИ. Но кассету трогать не стал, считая, что он один избежал внушения, и руководствуясь в остальном теми же соображениями, что и доктор. Днем он вытащил из кристаллографа и спрятал в «Мышонке» кристаллограммы, разобрал реле времени, побывав на ПС, и успокоился, совершенно забыв о ридолите. И только когда Голдин предложил Натали ментоскопироваться, Чивилис понял, чем угрожает углубленное исследование ее памяти, и разбил ментоскоп и диагностер. Доктор в этот момент

находился у Морриса, куда зашел, чтобы проверить, был ли все-таки МГИ Чивилиса подключен к общей сети. Сайто сразу понял, чьих рук это дело, и после решения об изоляции Чивилиса решил запутать Голдина, спрятав ридолит и кассету из БГИ.

Так они оба оказались «арестованными» и получили прекрасную возможность вместе поразмышлять над тем, что же было ими обнаружено на Ипполите...

ЭПИЛОГ

*Ипполита. 17 мая. 14.00—15.00 СГВ
Дональд Моррис*

Всю эту необыкновенную историю мы выслушали, глядя на гигантский ослепительный столб, выросший из Пояса Ипполиты. И трудно сказать, что было невероятней — то, что мы слышали, или то, что мы наблюдали. Но взятые вместе, одно удивительнейшим образом подтверждало другое.

Едва Чивилис и Сайто окончили рассказ, как нас прорвало. Все мы впятером стали одну за другой выдвигать гипотезы, объяснявшие происходящее... Через час появилась та, что в общем виде объясняла «все известные на сегодня факты» (выражение Голдина).

...Несколько десятков тысяч лет назад нашу Галактику посетили экспедиции могущественной сверхцивилизации (в современной науке их принято называть Странниками). Целей посещения мы не знаем, но, очевидно, Странники намеревались вернуться. Для своих Галактического масштаба проектов они запасали энергию. Ими был разработан механизм превращения целых планетных систем в неизвестный нам вид энергии для передачи ее на немыслимые расстояния в специальные планеты-

аккумуляторы. Такие планеты защищены от случайного обнаружения сложного состава атмосферами, поглощающими все виды волн. Каждая планета-аккумулятор, вероятно, связана со строго определенным потребителем энергии.

На каждой такой планете имеется пульт управления системой «источник энергии — аккумулятор — потребитель». Этот пульт, управляемый биотоками мозга, случайно был задействован Натали Гайданович, чьи психические характеристики почему-то оказались идентичными характеристикам Странников. Отсюда можно, кстати, сделать вывод о том, что психофизические характеристики Странников, в общем, очень близки к нашим. Доктор даже рискнул предположить, что человечество и есть не что иное, как потомство одичавшей колонии Странников на Земле.

Естественная реакция Гайданович, узнавшей знакомые пейзажи, была воспринята пультом как утвердительный сигнал, разрешающий начало преобразования материи в энергию. После этого участь Системы Сеньюра была предрешена.

Двое суток энергия транслировалась на Ипполиту, аккумулировалась здесь, а теперь, переведенная в новое качество (очевидно, для передачи на еще большие расстояния, возможно, в другую Галактику), передается к месту потребления.

Мы предположили, что «дыра» в атмосфере, которая время от времени пропускала нуль-волны, и зона «мозаичного прохождения» радиоволн вокруг Станции образовались в результате частичного выхода из строя одного из элементов системы, управляющей «непроницаемостью» атмосферы: тысячелетия, вероятно, действуют и на технику Странников...

Можно предположить также, что «энергетический залп», произведенный по катеру, был всего лишь сигна-

лом автоматического маяка Странников, уточняющего расположение Лабиринта и учитывающего мощную поглощающую способность атмосферы Ипполиты. Разумеется, этот маяк не был рассчитан на земную технику... Наконец, мы предположили еще, что, изменяя наклон своей оси к плоскости орбиты, Ипполита ориентировалась к потребителю энергии...

Конечно, вопросов было значительно больше, чем ответов.

Куда, например, поступает эта масса энергии? Готовы ли потребители к ее восприятию? А если нет, ведь прошли десятки тысяч лет, что должно произойти? Если канал передачи энергии разорван или приемник ее неисправен, не вернется ли она сюда, не разрушит ли Систему Гектора?

Связаны ли месторождения ридолита с присутствием на Ипполите сооружений Странников? Можно ли вообще определить принципы размещения в Галактике подобных пультов, «Выключателей Звезд» по образному выражению доктора Сайто? И есть ли еще один такой пульт в нашей Галактике?

Означает ли факт наличия у управляющего пультом выбора источников энергии, что после окончания трансляции на Ипполите все снова станет по-прежнему, то есть что это — пульт многоразового использования? Есть ли еще где-нибудь люди, чьи психофизические характеристики позволили бы управлять техникой Странников? А в том, что мы еще не раз столкнемся с их техникой, лично у меня сомнений не было...

И много-много других вопросов...

А когда мы устали задавать их друг другу и, обессиленные, сидели у иллюминаторов, глядя на столб энергии, исходящий из Пояса Ипполиты, Голдин повернулся ко мне и тихо сказал:

— Хорошо, что я не справился с этим делом, верно? Почему-то мне очень приятно чувствовать себя неправым...

А я видел перед собой полные слез глаза прелестной брюнетки и думал о том главном вопросе, который так никто и не решился задать. Как сделать, чтобы Натали никогда ни от кого не узнала об истинной причине гибели Системы Сеньора?

Я не знал ответа... Но я знал, что он обязательно должен быть найден! Иначе чего бы стоило все хваленое земное могущество?!

Повесть вторая

ШЛЕМ ЛЕГИОНЕРА

Посвящается памяти Айзека Азимова

ПРОЛОГ

Мириады звезд, разбросанных щедрой рукой Юпитера, дарили свой мерцающий свет холмам и равнинам южной Галлии. Мириады костров с трех сторон окружали небольшой клочок земли. С четвертой было море. Армия Цезаря осадила крепость Массалию.

Цезарь не собирался скрывать свои силы. Напротив, он надеялся устрашить обитателей непокорной крепости и взять ее малой кровью. Но видно, без штурма не обойтись. Ибо запасы продовольствия в армии на исходе, а впереди — далекий путь. Легионы спешат на Пиренейский полуостров, дабы еще до осени нанести решающее поражение войскам Гнея Помпея.

У одного из костров перед палаткой тихо беседовали два воина.

— Клянусь Сатурналиями, завтра мы возьмем Массалию! И славно же попирут храбрые римские солдаты на развалинах крепости! Хвала великому Цезарю, у нас будет много еды, много вина и женщин.

— Да, много побед у Цезаря позади, но главные еще перед ним. После продажных консолов не останется у

него врагов... Великое будущее ждет Рим, богатство и слава, надеюсь, найдут каждого из нас.

— Рим и теперь велик, мой Теренций. Сколько варваров разных национальностей служат теперь метрополии, посчитай-ка! Армия Цезаря непобедима с такими солдатами. Не все они хорошо знают латынь, но все храбры, сильны и выносливы.

— Ну уж и все... Взять хоть давешних греческих молокососов! Откуда они только свалились... Какие же это воины?! Наверняка сбежали из дома — поглядеть на войну. А как разряжены, расфуфырены! Я, римский солдат, за двадцать лет безупречной службы не накопил денег на такое оружие... А их щиты! А их необыкновенные шлемы! Есть ли еще хоть один такой же у кого-нибудь из легионеров?

— Ты напрасно завидуешь мальчишкам...

— Ерунда! Я не завидую им. Но кое-что я придумал. Они хотели поближе взглянуть на войну? Что же, я заставлю их посмотреть прямо в черные зрачки смерти!

...Утром когорты Цезаря, сомкнув щиты, двинулись на штурм. Тучи стрел и дротиков повисли в воздухе, камни из пращей летели в легионеров, казалось, отовсюду.

Два юных грека, братья-близнецы, выделялись среди легионеров богатой амуницией. Почти мальчишки, они заметно робели и старались держаться в задних рядах. Внезапно тот, кого звали Теренцием, схватил стоящего с ним рядом грека за руку и, преодолевая сопротивление юноши, потащил вперед. Брат его оказался отделенным от этой странной пары несколькими рядами атакующих. Так же, как и соседи, он заслонялся от стрел длинным — до колен — щитом и почти не видел происходящего вокруг. Вынужденная разлука поначалу не очень взволновала его: золотистый шлем брата был заметен и издалека...

ШЛЕМ ЛЕГИОНЕРА

Но вот что-то заставило того из братьев, что остался сзади, поднять глаза. Увиденное ошеломило его. На вершине крепостной стены осажденные приготовились столкнуть вниз исполинский валун, непонятно каким образом взгроможденный на стену. А брат уже почти подошел к ней!

Предостерегающий крик юного грека потонул в шуме битвы, ее стонах и хрипах. Валун отделился от стены... Тот из братьев, что был сзади, мгновенно перебросил щит из правой руки в левую и на какую-то секунду открылся. Этого оказалось достаточно...

Невесть откуда взявшаяся стрела пропела в воздухе смертельную песню и вонзилась ему в незащищенное горло. Юноша, как подкошенный, рухнул на траву. И одновременно с этим на головы осаждавших обрушился многотонный камень. Раздался вопль ужаса. Земля содрогнулась.

Превозмогая себя, смертельно раненный грек подтянул правую руку к шлему и судорожным движением коснулся его. Багровая пелена перед его глазами сменилась чернотой...

Он умер одновременно с братом.

Но был похоронен значительно позже...

ГЛАВА 1

26 апреля 21... года ровно в 20:35 СГВ я поверил в судьбу...

Немного предыстории. После двух сумасшедших суток на Ипполите нас крепко взяли в оборот ребята Гимараеша и К°. Систему Гектора намертво закрыли от прессы и энтузиастов, объявив зоной Контакта. Нас разделили: Чивилиса, Сайто и их кристаллограммы, записанные в Лабиринте Странников, сразу куда-то увезли. Меня мучили в исследовательском центре Калифорнийского университета. День и ночь напролет строгие дяди в белых халатах ментоскопировали, допрашивали под гипнозом и без, вытягивали мельчайшие детали... Шесть дней непрерывных страданий — день отдыха.

На втором этапе подключились космоархеологи, ксенопсихологи, астрофизики, планетологи и еще непонятно кто... И снова — беседы, ментограммы, гипноз, гипноз, ментограммы, беседы...

Это продолжалось с месяц. Потом меня отпустили, строго-настрого предупредив о необходимости держать язык за зубами. Я выслушал и уполз зализывать раны домой в Мэриленд. А через день меня разыскал предста-

витель «ТрансЮпитера». Пропустив мимо ушей много-значительные жалобы на «Галактических серых кардиналов», он вежливо сообщил, что г-н Ривера собирался-таки выполнить свое обещание и выплатить мне денежное вознаграждение за помошь СГБ¹.

Но к его величайшему сожалению сумма, планируемая на ремонт «Северина», так неосторожно разбитого мною на Ипполите, превосходит сумму, ассигнованную на пре-мирование. Узнав об этом, я про себя пожелал г-ну Ривере совершить хоть одну посадку на Ипполиту. По возможности, на казенном звездолете. И чем он будет дороже, тем лучше... Вслух же я только поблагодарил визитера за посещение и собирался закрыть за ним дверь. Но меня ожидал приятный сюрприз.

Закончив первую часть своего сообщения, гость перешел ко второй. Она состояла в процедуре вручения узкого голубого конверта и словах:

— А это вам от компании «Галактические россыпи».

Я очень удивился, поскольку похоронил мысль о подобном жесте еще над Ипполитой, после рассказа Сайто и Чивилиса. Оказалось, напрасно похоронил. Дело в том, что доктор не собирался брать с собой на Ретрансляционное Кольцо контейнер с ридолитом. Поэтому расследование Голдина, который шел по неправильному пути, но, как выяснилось, нигде, ничем и никому не навредил, сберегло «Россыпям» несколько миллионов...

Сам Голдин кроме такого же конверта (его преподнесли всем участникам событий на Ипполите и родителям Уве Штрайха) получил еще и солидное повышение в Комитете по Контактам: он стал заместителем директора Департамента. Проводив дорогого гостя и мысленно

¹ СГБ — Служба Галактической Безопасности.

пообещав помолиться за Грега в ближайшее же воскресенье, я вскрыл конверт.

Щедрость «Россыпей» превзошла мои самые смелые ожидания. Убедившись, что все это не сон, я стал строить планы на будущее.

Прежде всего, содержимое конверта позволяло провести прямую атаку на некую прелестную брюнетку (я, кажется, уже сообщал, что прелестные брюнетки — моя слабость). Звали ее Элен, и зарабатывала она свой хлеб на гиперлайнерах высшего класса, подавая разным тюфякам и их спутницам виски, кока-колу и минеральную воду. Я самонадеянно посчитал, что если разлучить Элен с ее тюфяками, то об этом пожалеют только сами тюфяки. И еще раз убедился, что ни черта не смыслю в женской психологии.

Ничуть не бывало: мне очень твердо заявили, что все эти тюфяки «поинтереснее некоторых нахалов»... Получив столь решительный отказ, я пересчитал оставшиеся после неудачного штурма наличные (а на подготовку этой битвы затрачено было немало) и пришел к выводу, что чем дальше я отныне буду от гиперлайнеров и всего, что с ними связано, тем лучше. И для меня, и для гиперлайнеров с их начинкой...

Из этого вывода плавно вытекал следующий: чтобы убраться от гиперлайнеров подальше, нужно иметь средство передвижения. Последнее положение уже вплотную подводило к дверям г-на Ривера, которому и было предложено продать мой верный «Северин». Естественно, до ремонта и с зачетом обещанного мне награждения.

Подсчитав все «за» и «против», г-н Ривера согласился, причем запросил вполне приемлемую сумму. Конечно, если бы я захотел вернуть «Северин» и то состояние, в каком он был до 15 мая, ничего бы не вышло. Легче было купить новый «грузовик». Но я заранее рассчитал,

что если избавиться от одних ненужных узлов и не тратить деньги на ремонт и восстановление других, то «Северин» станет вполне приличным разведочным звездолетом. А большего мне и не нужно...

Еще через две недели я принял на Титане своего старого «коня» и на три месяца ушел в каботаж к Дженнифер-4. Потом был марранский кризис, потом я с какой-то дрянью почти два месяца валялся в этом дурацком карантинном госпитале на Венере... Потом был еще один каботаж, уже совсем близко от Земли... Я давно потерял из виду Голдина и только изредка вспоминал наше с ним неудачное расследование.

В общем, со временем событий в системе Гектора прошел почти год... Я валялся на неразобранной постели в одном из второразрядных каирских отелей. Как говорили три века назад об офицерах, я был «до синевы выбрит и слегка пьян». До синевы выбрит, поскольку только что вылез из ионного душа, а слегка пьян после встречи со знакомыми ребятами из Свободного Поиска.

Холодный душ помог немного прийти в себя. Теперь я с удовольствием вспоминал вчерашний вечер. Все поисковики, особенно Виктор Пак и тот второй, имени которого я сейчас уже не мог вспомнить, старательно уговаривали взять патент космогеолога. Аргументов, правда, я тоже не запомнил, но их вполне заменяло сладостное видение одного узкого голубого конверта. Его содержимое выглядело весьма убедительно даже для моей начинающей проясняться головы.

Зафиксировав с некоторым трудом последнюю мысль, я запросил Информаторий о сегодняшних передачах Мирового Интравидения. Меня интересовало все, что хоть как-то касалось космогеологии. Ответ гласил: Аделаида (Австралия). 18:00 СГВ. Лекция Рене Кантоны. Канал 184 АР.

Так я попал на эту лекцию.

ГЛАВА 2

Разумеется, я о нем слышал. Кантона был сенсацией последней недели. Его наперебой приглашали выступить различные фонды, клубы и университеты. По словам Теда Симпсона из «Уорлд Ньюс», «Россыпи» и их конкуренты предлагали Кантоне невероятные суммы за участие в разработках на открытой им Тефисе. Но тот пока отмалчивался, пытаясь, очевидно, накопить деньги на собственный бизнес. Что ж, у него еще было в запасе три месяца. А пока он ковал самое горячее железо в самом большом конференц-зале Аделаиды...

Открытие Кантоны действительно было сенсационным. Уже сама по себе находка планеты земного типа с атмосферой, практически не требующей дополнительных работ по уничтожению неизвестных видов бактерий, радикальному изменению состава или хотя бы увеличению доли кислорода, то есть планеты, пригодной к немедленному заселению, сулила ему неслыханные дивиденды, а человечеству — новую перспективную колонию.

Но главное было в другом. Все-таки землеподобные планеты находят достаточно регулярно, где-то раз в де-

сять лет. Главное было в том, что на этой планете среди двух огромных океанов — водного и растительного — Кантона обнаружил... средневековое герцогство! Самое настоящее земное герцогство, населенное самыми настоящими земными людьми!

Когда у Кантоны исчезли в этом последние сомнения (а это произошло очень скоро), он понял, что прочно входит в историю, и решил назвать планету Тефисой — по имени мифической дочери Геи — Земли. Благо, аборигены планету никак не называли. Им вообще было не до того...

Когда Кантона при первой же встрече с аборигенами задал им на космолингве естественный вопрос: как они называют свою страну, тефисийцы ответили своим вопросом. И вопрос этот на языке, определенном киберпереводчиком, как смесь староанглийского, старофранцузского и староитальянского, звучал примерно так:

— Оставь эти шутки. Ответь нам, пришедший с неба, служишь ли ты врагу нашему — Демону Зла — и тогда явился вестником беды, или же ты — слуга Господа нашего Иисуса — и сумеешь вылечить наследника престола?

После такого вступления Кантона, решавший про себя, кто же сошел с ума: он или киберпереводчик, вынужден был последовать за аборигенами во дворец великого герцога Александра XXXIV (как оказалось впоследствии, вступая на престол, каждый правитель герцогства Доригиан принимал это имя).

Объяснив всем, что он уж, во всяком случае, не является слугой каких бы то ни было Демонов, Кантона, как и любой космогеолог-поисковик, обладавший элементарными медицинскими знаниями и неплохой лабораторией на корабле, принялся лечить молодого красавца прица Андрэ. Портативный диагностер определил отравление ядом растительного происхождения, синтезатор

изготовил простейшее противоядие, и через три дня парень был на ногах.

Несмотря на всю ответственность положения, которую Кантона ощущал в буквальном смысле кожей (копье стражника во избежание недоразумений при лечении постоянно упиралось в спину космогеолога), он сумел взять у принца и пронести на корабль образцы крови и тканей. Увиденный под микроскопом полный набор человеческих хромосом и заставил Кантону дать планете вышеупомянутое имя.

Счастливый венценосный отец предложил космогеологу лучшего коня из своих конюшен (от которого тот вежливо отказался, предпочтя флаер), провожатых и позволил осмотреть герцогство. Оно оказалось не слишком большим — около тридцати тысяч квадратных километров виноградников и пашни среди доисторической растительности. По оценкам Кантоны здесь проживало 200—250 тысяч доригианцев. У герцога Александра насчитывалось более ста вассалов, живших в собственных замках. Замки эти, разбросанные как вокруг герцогского, так и по всей стране, окружали две, три, а то и пять деревень. Но город на планете был только один.

Из беседы с герцогом, весьма просвещенным и образованным вельможей, Кантона выяснил, что Доригиан никогда не имел и не имеет соседей, что монархия здесь носит абсолютный характер, что герцогу помогает кабинет министров, что религия на планете весьма напоминает католическую, и что с огнестрельным оружием доригианцы пока не знакомы. Все это навело озадаченного космогеолога на единственно верное решение: здесь должны работать более серьезные специалисты, чем он, владеющий лишь навыками первичного контакта. Вот почему Кантона, кое-как объяснив герцогу, что доригианцы и его народ — братья, некогда разлученные Госпо-

ШЛЕМ ЛЕГИОНЕРА

дом или его слугами, и что знакомство с Землей сулит Доригиану прогресс и процветание, отбыл с планеты. С собой он увез массу интересных видеоматериалов.

И сейчас, лежа в задних рядах с отключенным контактером и наблюдая гогеновские пейзажи Тефисы, я невольно завидовал Кантоне. Визограммы были прекрасного качества, краски ментограмм — ярки и чисты, лица и наряды тефисийских дам впечатляли... Да, лакомый кусочек отломился Кантоне! Тем больше резонов у меня последовать его примеру...

С этими мыслями я вернулся из Австралии в свой отель и обнаружил в ящике пневмопочты карточку с четырьмя четко напечатанными словами: «Срочно позвони мне. Голдин». Внизу — номер. Код был манхэттенский.

Недоумевая, я набрал его, и на экране возникло знакомое лицо Голдина. Его глубоко посаженные карие глаза засветились радостью, и я с удивлением почувствовал, что мои чуть-чуть увлажнись. Отнеся это на счет выходящего из организма алкоголя, я поздоровался с Грегом и услышал в ответ:

— Очень рад тебя снова видеть, Дон. Ты сейчас, как мне сказали, на вольных хлебах. Не хочешь ли опять поработать вместе?

Я кивнул. Вместе с Грегом, уже принесшим мне однажды удачу, — что может быть лучше!

— Отлично, — улыбнулся Грег. — Ты слышал что-нибудь об открытии Рене Кантона?

ГЛАВА 3

На часах было 20:35. Я понял, что это судьба, и поверил в нее. К тому же открывалась отличная возможность разыграть Голдина.

— Я, между прочим, только что с его лекции в Аделаиде. Решил подготовиться к заданию.

— Откуда ты знаешь о нашем задании? — насторожился Грег. — Я сам лишь три часа назад подумал о тебе...

— Мне уже сказали.

— Кто? — как всегда удивительно легко «купился» Голдин.

Я закатил глаза.

— Странно, — медленно закипая, пробормотал Голдин. — Что же они со мной-то в прятки играют? Я тут поднял на ноги Информаторий, разыскиваю тебя по всей Галактике, а они... Молчком, молчком — и уже успели... Нет, сегодня же я все выскажу Клейнеру... Такими методами пусть работают у себя в канцелярии! А здесь — Контакт, серьезное дело, здесь нельзя интриговать в своей команде...

Таким я его никогда не видел! Красный от злости (он вообще легко краснел), взъерошенный, со сжатыми

кулаками, Голдин напоминал — да простит он мне это сравнение — индюка после доброго пинка! Я уже жалел, что ввязался в эту дурацкую шутку. Тем более что Грег упомянул о Клейнере. А это имя рождало в моем уже почти трезвом мозгу лишь одну ассоциацию. Причем достаточно серьезную, чтобы я решил закончить комедию. Шутка явно не получилась.

— Прости, дружище, и не сердись. Я и в самом деле был сегодня на лекции Кантоны, но это всего лишь совпадение. Ни о каком задании мне никто ничего не говорил.

Грег моментально остыл.

— Здорово ты меня... Надо же... Ну конечно, совпадение... Именно совпадение! Тем лучше, не надо долго вводить в курс дела.

— Какого дела?

Грег почесал заатылок.

— В общем-то, рассказывать будет мистер М'Боу... Сейчас я могу только сказать, что через два часа ты должен быть в Юниполисе, квартал Е, блок 117. В вестибюле назовешь кибершвейцару свое имя, и он объяснит, как найти меня, М'Боу и остальных.

— Значит, будут и остальные?

— Будут, — Грег посмотрел на часы. — В 23:00 я тебя жду.

— Юниполис, квартал Е, блок 117, швейцар, в 23:00. Все точно?

— Абсолютно. До вечера.

Экран погас, и я, сделав запрос в Информаторий, вскочил с кровати. Блок Е-117 в Юниполисе действительно занимала Служба Галактической Безопасности.

Услышав мою фамилию, кибершвейцар показал на лифт:

— Восьмой этаж, комната 842, вас уже ждут, сэр.

В большой светлой комнате было пять кресел, расположенных полукругом, столик с прохладительными напитками и пульт ментовизора. Четыре кресла были уже заняты, мне предназначалось крайнее справа. Рядом сидел Голдин. С центрального встал высокий подтянутый негр в белом костюме.

— Вы пунктуальны, мистер Моррис. Спасибо, что откликнулись на нашу просьбу. Давайте для начала познакомимся друг с другом. Я — Винсент М'Боу. Представляю на нашей встрече СГБ.

Следом представились мы с Грегом. Затем настал черед того, кто сидел за мистером М'Боу: живой, смуглый брюнет оказался аргентинцем. Хорхе Эррера, как выяснилось, имел немало публикаций в научных изданиях по вопросам истории, социологии, общественной психологии.

Последним, не вставая с кресла, назвался худощавый остроносый блондин:

— Олег Сергеев. Московский университет. Доктор медицины и биологии.

Мы пожали друг другу руки, выпили за знакомство по бокалу тоника и приготовились слушать нашего хозяина.

— Вы все здесь не случайно,— начал тот, расхаживая по комнате.— Не случайно здесь и не случайно вместе... Вы уже знаете, что направляетесь на Тефису, знаете — в общих чертах — что она собой представляет. Моя задача, таким образом, сводится к следующему: рассказать, почему выбраны именно вы, что вам предстоит там делать, и почему разговор об этих важных вещах ведется в этом здании.

Тефиса — феномен, ситуация там уникальна. В отличие от других известных нам планет на Тефисе живут не братья по разуму, а братья по крови. Предстоит не просто Контакт, предстоит плавное ускорение развития культуры и цивилизации наших братьев. Возвращение

их в лоно Земли... Здесь требуется особая деликатность. Мы — Всемирный Совет — посыпаем на Тефису научно-дипломатическую миссию. Вы должны будете завоевать доверие тефисийцев настолько, чтобы побудить их разорвать заколдованный круг, по которому они ходят уже несколько веков. Принять достижения Земли...

Но при этом вы не должны перешагивать грань между дипломатической игрой и вмешательством в их дела. И еще мы боимся испугать их, подавить своей силой, мощью, оттолкнуть от себя. Поэтому ваша миссия так малочисленна. Необходимо всячески щадить их гордость... Словом, у вас очень сложная задача, господа...

Нам показалось, что господа Эррера и Сергеев по складу характера, кругу интересов и другим параметрам наилучшим образом подходят для работы в столь непростой обстановке. Господин Голдин, с другой стороны, уже проявил себя в неординарной ситуации, вышел из нее с честью. По его отзывам, блестяще проявил себя тогда же и господин Моррис...

Я украдкой взглянул на безмятежного Грега и почувствовал, что краснею.

М'Боу на минуту присел в кресло, но потом опять вскочил.

— Но это еще не все. Вы никогда не задумывались о другой стороне тефисийского феномена? Планету населяют люди, неведомо как попавшие туда. Их земные корни не вызывают сомнений. Можно было бы, к примеру, говорить о возможности совпадений, если б там нашлись хоть какие-то следы развития цивилизации. Но их нет! Там же только нет никаких — слышите, совершенно никаких! — следов становления нынешнего общества, там нет даже своих, тефисийских млекопитающих! Только домашние животные да несколько видов хищников и птиц, и только на территории Доригиана.

На остальной планете по земным меркам еще девон! И вдруг — срез, скол, фрагмент человеческой культуры... Почему, откуда?

Все, чем мы сейчас располагаем, наводит на одну мысль, подсказывает лишь один ответ. Разумеется, если исключить диванные умопостроения... То, что мы наблюдаем на Тефисе, есть результат эксперимента тысячелетней давности. Герцогство Доригиан — это модель! Кто-то попытался смоделировать развитие человеческого общества в определенных условиях. Этот «кто-то», по-видимому, неплохо изучил физиологию человека, но не смог разобраться в его социологии...

М'Боу перевел дух и продолжил:

— Итак, не представляя себе, как развивается общество на Земле, неведомый экспериментатор, «отбросив» ряд не очень существенных — по его мнению — деталей и факторов, создал модель. Мы, естественно, ничего не знаем о целях подобного эксперимента, о задачах, которые он решает. Нам неизвестно, почему он проводится так, а не иначе. Но главное, мы понятия не имеем, кто его начал и, не исключено, продолжает следить за его ходом. А насколько это необходимо знать, думаю, никому дополнительно разъяснять не надо. Эксперименты над человеческим обществом — вещь опасная! И именно поэтому я беседую с вами здесь, в СГБ.

Я хочу еще раз подчеркнуть, чтобы ни у кого из вас не оставалось сомнений: создавая тефисийскую модель, кто-то изучает нас! Именно поэтому мы — с согласия Всемирного Совета — пригласили вас сюда. Кто знает, с чем вам придется столкнуться на Тефисе? Ведь до сих пор мы ни разу не встречались лицом к лицу с более развитыми, чем наша, цивилизациями. Хотя знаем, что они существовали и могут существовать и сегодня.

Вот и все, что я хотел сейчас сказать вам, господа. Остальное расскажет мистер Голдин. Однажды он уже выполнял наше задание. Мы надеемся, что в роли главы земной миссии он не только справится с дипломатическими трудностями, но и поможет нам разгадать и эту загадку... Разрешите пожелать всем вам удачи!

Мы остались одни. Недолгое молчание нарушил Эррера:

— Все-таки интересно, почему в составе научно-дипломатической миссии нет ни одного профессионального дипломата? Ведь вы, сеньор Голдин, скорее, научный работник? Я знаком с некоторыми вашими работами и высоко ценю их, но ведь вы же не дипломат?

— Спасибо,— улыбнулся Голдин.— Вы правы. Я тоже удивился этому. Я сказал им: послушайте, это очень странно. Мистер Эррера будет полезен миссии, как историк и социолог, мистер Сергеев — как врач, хотя, чем меньше будет у него работы, тем лучше. Мистер Моррис станет выполнять обязанности пилота и инженера. Но я-то всего лишь специалист по неолитическим цивилизациям. Какой из меня дипломат? Но мне объяснили, что во Всемирном Совете победила следующая точка зрения: даже лучший из дипломатов на другой планете — всегда остается, прежде всего, дипломатом. То есть в любой ситуации хочет извлечь из обстановки пользу для Земли. А в нашем случае необходимо выбросить из головы любые мысли о выгоде для землян. Ведь это наши младшие, да еще смертельно больные братья! И нужно как можно скорее решить задачу интегрирования тифисийцев в земную культуру. Как можно скорее!

— Позвольте,— осторожно возразил врач, молчавший до этого момента,— я внимательно смотрел лекцию и думаю, что с эпитетом «смертельно больные» вы несколько погорячились... И вообще... Я, конечно, не специалист,

но господин М'Боу здесь употребил слово «постепенно»... А он как раз специалист... Словом, мне кажется, что, торопясь, можно только навредить нашему делу.

Я был с ним согласен. Эррера тоже кивнул.

— Мы не будем торопиться, но будем спешить,— настаивал Голдин.— В этом деле, как мне представляется, фактор времени стоит на одном из первых мест.

— Не понимаю,— сказал аргентинец,— причем тут фактор времени? Важны постепенность и осмотрительность. Надо пройти ряд определенных стадий...

— Скажите,— повернулся к нему Голдин,— это ведь ваша социологическая группа определила, что развитие общества на Тефисе зашло в тупик? Не так ли?

— Так,— подтвердил Эррера.— Они уже лет четыреста топчутся на одном месте.

— Ну вот,— сказал Голдин.— Значит, если принять гипотезу об эксперименте, то модель явно не удалась... А теперь вы, доктор Сергеев, как ученый-экспериментатор, ответьте на простой вопрос: что обычно делает исследователь с неудачной моделью?

Москвич вздрогнул и тихо произнес:

— Он ее уничтожает!

ГЛАВА 4

Несколько минут мы потрясенно молчали. Затем Эррера, потеребив свои оперетточные усики, выразил общее желание:

— Очевидно, вы знаете больше нас, сеньор Голдин. Поделитесь же хотя бы тем, что имеете право рассказывать.

— Вы неправильно поняли меня,— удивился Голдин.— Я знаю ровно столько, сколько и вы. Видел те же материалы, что и вы, тоже сегодня побывал на лекции Кантоны и, к сожалению, тоже не успел с ним побеседовать...

— Это, вероятно, легко поправить,— сказал я.

— Увы,— развел руками Грег.— Три дня назад Кантона ушел в свободный поиск.

— А как же сегодняшняя лекция в Аделаиде?

— Запись. Это была его последняя запись перед отлетом. Впрочем, не думаю, что беседа с ним многое бы дала. Есть ментограммы, это надежнее всего... Так что мне известно ровно столько же. Разница лишь в том, что все вы узнали о своем назначении сегодня, а я — вчера. У меня было время по-новому взглянуть на все, что мы узнали о Тефисе...

— И к каким же выводам вы пришли? — спросил Эррера.

— Мы сейчас вместе сделаем выводы. Скажите, Хорхе, как вы определили, что тефисийцы зашли в своем развитии в тупик?

— Видите ли, можно с уверенностью утверждать, что исходной точкой была европейская цивилизация XII—XIII веков. Прошло около тысячи лет. И ни одного революционного открытия! Они до сих пор не знают пороха! Ни о каких попытках поднять ремесло до уровня промышленности нет и речи. И это при том, что на территории герцогства есть залежи руд почти всей таблицы Менделеева. Зато любые усовершенствования, какие только возможны, сделаны, и уже давно...

— Тогда неизбежно должна начаться деградация, — пожал я плечами.

— В том-то и дело, что должна, но не начинается! — воскликнул Эррера. — То ли не растут население и потребности, хотя в это трудно поверить, то ли есть какой-либо стабилизирующий фактор... Доригиан отнюдь не похож на больной мир!

— Еще один довод в пользу гипотезы «Эксперимент», — произнес Сергеев. — А вот и следующий: в атмосфере и в почве Кантона обнаружил только 17 видов неизвестных микроорганизмов, причем все они безвредны. Планета кем-то основательно «почищена». В Доригиане не знают, что такое «эпидемия», Кантона не обнаружил в анализах ни одного возбудителя инфекционных заболеваний. А мы на Земле сумели избавиться от них всего лишь семьдесят лет назад...

— Полагаю, нам нужно сейчас сосредоточиться на другом, — сказал Голдин. — Дискуссия о тефисийском феномене исчерпала себя, и продолжить ее имеет смысл теперь уже только на самой Тефисе. Нам явно не хватает

новых знаний, фактов. Давайте подумаем лучше о том, с чего начинать нашу миссию.

— Может, их стоит удивить,— предложил я.— Все взаимоотношения с туземцами в истории начинались с того, что европейцы их удивляли.

— Чем вы их удивите? — спросил Сергеев, вставая с кресла. Пока он сидел, я и не догадывался, что он почти на голову выше меня.— Флаер они уже видели. Свои ментограммы¹ Кантона им показывал, так что и Землю они, можно сказать, знают.

— Так то ментограммы... А мы устроим какую-нибудь демонстрацию нашего могущества здесь, на Тефисе.

— Вариант «Янки при дворе короля Артура»? — ожидался историк.— Ни в коем случае! Это только оттолкнет от нас аристократию и испугает простых тефисийцев. Следует начинать с чего-то близкого им, показать, что они, некогда разлученные с нами, могут снова обрести родину... Надо всячески подчеркивать нашу общность!

— Близкой им темой могут стать более совершенные орудия труда.

— Это не будет интересно основной массе зрителей первого представления — дворянству. Да и внедрять их нужно постепенно, начиная с самых знающих и рачительных хозяев,— ответил мне Эррера.

— Да, это не подходит,— согласился и Голдин.— Но есть другое предложение: мистер М'Боу высказал тут любопытную мысль. Поскольку начинать нам придется «сверху» — с дворянства и герцогской семьи — имеет смысл как можно быстрее познакомить их с основными вехами истории Земли. Учитывая личность герцога,

¹ Ментограммы — записи, сделанные ментоскопом (прибором для исследования памяти).

любознательность и способность воспринимать новое принца Андрэ, можно предложить им, к примеру, небольшую историческую экспозицию.

— Тогда уже не предложить, а поднести в дар от Правительства и народов Земли,— подхватил Хорхе.— Для будущего тефисийского музея истории. При большом скоплении народа. И ясно выразить наше желание заключить союз!

Идея понравилась всем.

— Это необходимо сделать на первом же приеме по поводу вручения наших верительных грамот, кажется, так это называется,— сказал Сергеев.— Предложить им нашими силами за день или два подготовить и открыть экспозицию, которую смог бы посетить любой желающий.

— Послушайте, а ведь они не знают собственной истории,— снова вступил в беседу историк.— Я имею в виду не их собственную историю на Тефисе, а историю развития Земли до XII века. Они появились на планете тысячу лет назад и давно забыли, что существовали Греция и Рим, Вавилон и Египет, Китай и Индия... Интересно, кстати, во что трансформировалась идея крестовых походов... Впрочем, я о другом. Давайте упор в экспозиции сделаем на античность. Поменьше техники и побольше искусства: Античность, древний Восток, культура индейцев. Ведь Земля для них пока еще — нечто очень далекое, а значит, и единое в своей неясности... Давайте же покажем, что у единой Земли очень разное прошлое, разные пути к прогрессу, что наша культура — суть синтез самых разных культур...

— Кстати, с этой точки зрения хорошо бы им показать представителей всех земных рас,— заметил врач.— Жаль, что господина М'Боу не будет с нами.

ШЛЕМ ЛЕГИОНЕРА

— Ничего,— сказал Голдин.— Это мы еще успеем сделать. А саму идею подобной направленности экспозиции я приветствую.

— Я, пожалуй, возьмусь за комплектование экспозиции и с благодарностью приму любую помощь,— заявил Эррера.

— Боюсь, что мы не сможем предложить ее вам в полном объеме,— улыбнулся Грэг.— У всех вас, полагаю, будет очень мало свободного времени перед отлетом.

— Ну что же, придется рассчитывать только на свои силы. А когда мы стартуем?

— Завтра,— сказал Грэг. Потом поглядел на часы и добавил: — Простите, уже сегодня. Через 18 часов.

ГЛАВА 5

Следующие несколько часов пронеслись как один миг.

Аргентинец, составив план экспозиции, мотался с полномочиями Всемирного Совета по запасникам лучших музеев Земли. Сергеев комплектовал лабораторию «Тристана», гиперлайнера первого класса, который должен был стать нашей базой на орбите вокруг Тефисы. А я приводил в порядок «Северин», на коем мне предстояло доставить миссию на планету. Идея иметь два гиперкорабля принадлежала Голдину, а сам он все оставшиеся до старта часы провел в уже знакомом нам блоке Е-117 в Юниполисе.

Наконец, накрепко пришвартовав «Северин» к «Тристану», мы стартовали на Тефису. До нее было двенадцать эволюций плюс почти сутки в системе Изабеллы на маневры вокруг планеты. Весь полет должен был, таким образом, занять примерно 50 часов среднегалактического времени.

Оказалось, что это очень хорошо, потому что прибыть мы должны были ночью. Во-первых, ночная посадка испугает значительно меньше тефисийцев, а во-вто-

рых, и это главное, именно этим утром начинались какие-то местные праздники, сути которых Грэг не знал.

Хорхе и Олег оказались неплохими ребятами, мы быстро сошлись. Почти сутки все пассажиры с помощью БГИ учили тефисийский и правила средневекового придворного этикета. За 7 часов до входа в систему Изабеллы, светила Тефисы, мы уже почти свободно говорили на этом странном языке.

На орбите мы перешли в «Северин», взяли с собой все необходимое для первых контактов и в час ночи сели на Тефису.

Сутки здесь, по наблюдениям Кантоны, продолжались 26,5 земных часов, а год — около 500 земных суток. Поэтому в тефисийском календаре произошли изменения. Секунды, минуты и часы стали несколько длиннее, а в году насчитывалось 16 месяцев. Начинала и завершала год Рождественская неделя, не входившая ни в один из них.

Как и на Земле, Рождество на Тефисе было одним из главных праздников.

Этому, чрезвычайно напоминающему земной, календарю тефисийцы следовали вот уже около тысячи своих лет. По их расчетам сейчас шел 1928 год от Рождества Христова...

Итак, в час ночи, ориентируясь на сигналы мощного миниатюрного маячка, оставленного Кантоной под камнем на поляне, которая служила ему стартовой площадкой, мы совершили посадку. По-видимому, она прошла незамеченной.

Поляна находилась на вершине холма в нескольких километрах от городской стены. «Тефисийские» часы показывали 3 часа ночи.

Мы вышли из «Северина» и с удовольствием размаялись на теплой росистой траве, стараясь, однако, не под-

нимать лишнего шума. Было душно, пели цикады, сверчки и какие-то совсем земные птицы. Вот только небо было чужое...

Размявшиесь и всласть надышавшись пряным тефисийским воздухом, мы вернулись на корабль, чтобы предрассветные часы посвятить нормальному сну. Спать не хотелось, но упрямый Сергеев все равно затолкал всех в койки. Он будто чувствовал, что в ближайшие дни поспать как следует никому не удастся.

ГЛАВА 6

Утром небо затянулось тучами. Духота усиливалась.

Мы с Голдина, как и другая пара, помогли друг другу подогнать одежду и снаряжение. В него входили: портативная радиостанция в мочке уха, индивидуальная аптечка и парализующие ультразвуковые пистолеты в рукавах костюма. Никакого другого оружия Голдин брать с собой не разрешил.

Единственным средством обороны каждому в конфликтной ситуации мог служить слабенький индивидуальный генератор силового поля. Обеспечивая полчасовую защиту, он питался от солнечных батарей на плечах костюма. Впрочем, этот своеобразный «панцирь», которым мы могли воспользоваться в любой момент, был способен выдержать и погасить энергию прямого попадания артиллерийского снаряда двухсотлетней давности. Что ни говорите, но такая надёжность вселяла в его обладателя уверенность и спокойствие.

Наши облачения отливали серовато-синим металлическим блеском и напоминали доспехи. На ногах была удобная упругая обувь планеторазведчиков.

Уже рассвело, когда мы снова вышли из «Северина» и расположились на поляне. Эррера остался на посту

наблюдения, ему оттуда было лучше видно дорогу. Первый шаг должны были сделать тефисийцы, наверняка уже заметившие корабль. Оставалось ждать.

За городской стеной начинался густой зеленый лес, за ним высались башни герцогского замка, до которого было почти вдвое дальше, чем до города. Сам замок с холма виден не был, мешал лес. Но часть дороги, соединяющей замок и город, и ответвления, ведущие к нашему холму, пока были пустынны.

Воспользовавшись случаем, я осмотрел окрестности. Судя по карте Кантоны, замок был от нас точно на севере, город — на северо-западе. С другой стороны — на юге — блестело озеро, и высился почти такой же холм, еще дальше раскинулись пашни и виноградники. А на юго-востоке, километрах в восьми я заметил какие-то строения. Там, по описанию Кантоны, находился замок одного из вассалов герцога.

Жара усиливалась, сейчас уже было не меньше 30 в тени. До боли в глазах мы всматривались в дорогу, но тщетно. Тогда Эррера предложил вытащить из грузового отсека один флаер. Голдин после недолгого размышления согласился, и еще минут пятнадцать все мы были заняты полезным делом. Потом опять наступило безделие.

По местному времени было уже 10 утра, когда через интерком донесся возбужденный голос историка:

— Вижу группу всадников! Раз, два... четырнадцать... нет, тринадцать. Впереди двое, потом три тройки, потом еще двое. В руках одного из передних какой-то штандарт. Вооружены длинными копьями и арбалетами. Сейчас они повернут, и вы их тоже увидите.

Действительно, через несколько секунд на дороге от леса к городу в бинокль стали различимы всадники. До них было еще не менее четырех километров. Они перестроились. Впереди офицер в голубом с позолотой мундире вез яркий голу-

бой штандарт с геральдическим львом, вставшим на задние лапы, и чем-то еще. За ним — всадник в чересчур пышном алом костюме с ярким желтым пером на широкополой шляпе. Следом кавалькада из солдат в изумрудных камзолах. Замыкал строй всадник в черном костюме.

Праздничные цвета играли на желтом полотне дороги. Только пение птиц нарушало девственную тишину Тифисы. Всадники добрались до развилки и повернули в нашу сторону.

— Минут через 5 будут здесь, — сказал Эррера. — Я выхожу.

— Пора, — согласился Голдин.

При въезде на поляну всадники рассыпались в дугу. В центре оказался офицер со штандартом и двое в мундирах, отличавшихся от камзолов солдат. Офицер спрыгнул с лошади, вонзил древко штандарта в траву, снял шляпу и опустился на одно колено. Следом за ним превосходную выучку — по крайней мере, по части этикета — продемонстрировали солдаты, повторившие маневр командира. На лошадях остались лишь двое.

Человек в черном костюме поравнялся с коленопреклоненным офицером, обнажил седую голову и негромко, но торжественно произнес:

— Великий герцог Александр и его супруга герцогиня Эрнестина приветствуют вас, посланцы Земли! Кто из вас избран старшим?

Голдин выступил вперед:

— Меня зовут Грегори Голдин. Я и мои товарищи счастливы приветствовать своих братьев здесь, в Доригиане.

— Меня зовут Альфредо Вилан. Я — первый министр великого герцога. От его имени я свидетельствую тебе, мессир Голдин, уважение и приглашаю тебя и твоих друзей во дворец.

— А от моего имени ты почему их не приглашаешь? — звучным голосом вдруг перебил говорящего его спут-

ник.— Я-то, по-твоему, кто? Совсем обнаглели эти придворные!

Солдаты и первый министр неожиданно расхохотались. А человек в алом костюме уже другим — пронзительным — голосом заверещал:

— Всех вас повешу, негодяи! Всех казню, как только вернемся во дворец! Всех без исключения!

Мы ничего не понимали, а Вилан и солдаты хохотали все громче. Человек в алом костюме спрыгнул с лошади, и тут я увидел, что он очень мал ростом. Это был карлик. Непропорционально большая голова, огромная шляпа с поражающим воображение пером, скорее всего искусственным,— и короткое туловище, маленькие ручки, миниатюрные ноги в высоких альых сапогах.

— Не сердитесь на него,— сказал, наконец, Альфредо Вилан, вытирая выступившие на глазах слезы.— Это лишь Трикс, наш дворцовый шут. Поверьте, в его появлении здесь нет никакого оскорблении для вас. Он увя-зался за нами, и даже принц не мог удержать его.

— Принц?! Меня?! — снова заверещал шут.— Да этот мальчишка не смеет мне приказывать! Пусть сначала подрастет немного!

Новый взрыв хохота потряс поляну. Улыбнулись и мы.

— Хватит, Трикс,— поднял левую руку Вилан.— Довольно! Прошу тебя, мессир Голдин, ответить еще на один вопрос. Есть ли среди вас барон Рене де Кантона, личный друг их высочеств?

— Его нет с нами, но, возможно, он скоро появится.

— Жаль,— сказал Вилан.— Их высочества будут огорчены... Можете ли вы сейчас проследовать во дворец? Пока что его Величество отдыхает после охоты. В полдень начнет свою проповедь отец Роберт. Возможно, вы успеете представиться великому герцогу до нее.

— Мы готовы,— кивнул Голдин.— Мы полетим на флаере, если не возражаете...

ГЛАВА 7

Наше появление у дворца произвело настоящий фурор. Когда флаер опустился на дворцовую площадь, в толпе придворных раздались приветственные крики. Едва мы вышли из кабинки, дамы стали бросать к нашим ногам цветы, сорванные любезными кавалерами тут же на многочисленных клумбах.

Я огляделся. Дворец, сложенный из желтоватого камня с белыми колоннами в средней части, представлял собою огромное здание, в плане напоминавшее подкову или букву А. Средняя часть состояла из трех высоких этажей. Большую часть обоих длинных крыльев, судя по громадным — во всю стену — окнам, занимали какие-то церемониальные помещения. По описанию Кантоны, здесь находились главные приемные залы дворца: Белый и Голубой...

Оба крыла заканчивались довольно высокими башнями. Из Голубого зала дверь вела в Башню Жизни, где находились покой семьи герцога и его личных слуг. Белый зал от Башни Смерти, напротив, отделяла глухая стена: в этой башне, куда вход вел с улицы, размещалась тюрьма его величества.

В общем, тщательное изучение ментограмм космогеолога здорово выручало нас с самого начала. Мы безошибочно узнавали главных действующих лиц этой средневековой декорации... Сразу узнали и подошедшего к нам юношу в великолепном камзоле сочного зеленого цвета и таких же штанах. Мода в Доригиане являла собой эклектическую смесь раннего и позднего Ренессанса. Правда, до париков здесь так и не додумались.

— Кажется, это Антонио, сын графа Родерика,— шепнул мне Сергеев в одно ухо.

— Это Антонио, помнишь? — шепнул Голдин в другое.

Мне шептать было некому, оставалось только кивать. Я тоже узнал этого симпатичного подростка, сопровождавшего Кантону в его путешествии по Доригиану. Антонио был сыном одного из самых знатных дворян герцогства.

Юноша вежливо обмел своей шляпой дорожку перед нами — в духе мушкетерских традиций — и церемонно представился. Мы поклонились.

— Разрешите быть вашим другом,— искренне попросил Антонио.

Мы разрешили. Я вдруг подумал, что если сейчас его примеру последуют все присутствующие, можно сообщать на Землю об успешном окончании нашей миссии. Увы, все еще было впереди... А пока нас со всех сторон рассматривали, разглядывали, оценивали и обсуждали,— разве только не пробовали на зуб,— нисколько не стесняясь нашим присутствием. Впрочем, почти никто еще не знал, что мы свободно владеем доригианским наречием.

Мы все ждали, когда же появится герцогская чета и оба принца.

— А где же ваш батюшка? — вежливо спросил юного придворного Эррера.

— Его сиятельство граф Родерик, ее сиятельство графиня Изольда и ее сиятельство виконтесса Амелия, моя единокровная сестра, будут представлены вам на аудиенции у его величества. Просто я еще не посвящён в рыцари и могу не слишком утруждать себя соблюдением этикета,— лукаво улыбнулся Антонио. Этот малый со своими приятными открытыми манерами мне положительно нравился, как и сама идея иметь подобного гида.

Мы полагали, что успели на аудиенцию, однако ошиблись. Через несколько минут по ступеням, ведущим в центральную часть дворца, в сопровождении нарядно одетых мальчиков спустился седовласый старик в черной сутане с массивным золотым крестом на груди.

— Его святейшество отец Роберт начинает службу,— тихо сказал Антонио.

— Прямо здесь? Разве мы не пойдем в какую-нибудь часовню? — удивился Хорхе.

— По большим праздникам и если нет дождя, проповедь слушают здесь,— покачал головой юноша.

Толпа раздалась, образовав в центре пустое пространство. Мы оказались прямо напротив отца Роберта, оставшегося на ступеньках дворца. Стало тихо.

— Мы собрались здесь, дети мои,— начал отец Роберт,— в тревожный час, в смутное время. Всем вам ведомо, о чем говорю. Демон, враг рода человеческого, не устает испытывать наше смирение и нашу любовь к Господу Иисусу. Так делает он это, как испытывал Святого Фредерика, память о котором жива среди нас. Поговорим же сегодня о подвиге этого святого.

Три дня будем мы с вами праздновать Подвиг Искушения Святого Фредерика. Потому что трижды подступал к скромному смотрителю герцогской библиотеки Фредерику Враг-Искуситель. В первый же день предложил он святому власть над птицами небесными и гадами

морскими, над всем, что ползает по земле и под землей, над всеми зверями, что скрываются в чащах лесных.

По воле моей, говорил Демон, будешь понимать язык птиц и рыб, и всякая тварь земная будет выходить на зов твой из рощ и чащоб, едва поклянешься ты в верности мне.

И люди станут уважать тебя превыше всех других. И будешь ты удачлив в охоте и собирании плодов земных. Морская зыбь и земная твердь не помеха в путешествиях твоих. И скажут люди: вот господин наш!

Но сказал Демону святой: однажды присягнув, ежедневно присягаю я в душе своей Господу нашему. Ибо, если будет на то воля Его, стану я удачливым охотником, познаю края неведомые и без твоей помощи... Так отвечал Демону святой Фредерик в первый день, и сколько ни подступал Искуситель, не сумел разрушить твердыню духа его. Поэтому первый день празднеств посвящаем мы охоте и состязаниям стрелков, катанию на лодках и гулянию в парках, ибо по воле Господа и молитвами святых даны нам эти умения.

Во второй день испытывал Демон гордыню человеческую. Пообещал он святому Фредерику славу воинскую, доблесть рыцарскую, силу и удачу в сражениях.

Первым из рыцарей Доригиана станешь ты, говорил Искуситель. Равных тебе не будет в турнирах и потехах. Самые красивые женщины и самые храбрые мужчины признают в тебе господина и полководца... Но не сумел и на сей раз смутить Демон святого Фредерика. Отвечал святой: по воле Божьей стану я рыцарем, по воле Его останусь тем, кто стоит перед тобою. Если будет на то знамение Господне, возьмусь за меч, а пока оружие мое — фолиант, в коем мудрость вековая... Щит мой Господь избирает, Иисус в руках держит.

Понял тогда Демон, что и на этот раз побежден. Не обуяла гордыня человека, не возомнил он лишнего о

себе... И в память о том второй день празднеств проводят кавалеры в рыцарских забавах на турнире, а прекрасные дамы затем встречаются с ними на балу.

Выдержал и второй день испытаний Фредерик. Но тяжела была ночь его, ибо послано было знамение ему. Знал он, что теперь известно Демону сокровенное о нем. И следующий день станет последним и самым трудным. Бессонную ночь провел святой, и бессонную ночь проводят ежегодно в дни празднеств старшие наследники древних дворянских родов на местах прегрешений предков своих. Стоят они — каждый на своем посту — с полуночи и до рассвета и сражаются с воинами Демона, посланными в наказание за грехи их рода...

Никто не знает, какое обличье примут посланцы врага рода человеческого! Драконы ли это будут, чудища или люди, похожие на вас с нами! — При этих словах рука его святейшества неожиданно описала плавный полуокруг и уставилась прямо в грудь Олегу!

Наступила длительная пауза. Со всех сторон на нас смотрели дворяне — кто с ужасом, кто с недоверием, кто с откровенной враждебностью. Улыбок больше не было видно, с лиц исчезло дружеское выражение.

— Продолжайте, святой отец, — прервал затянувшееся молчание голос, показавшийся мне странно знакомым. Со стороны левого крыла толпу словно разрезали два молодых, богато одетых дворянина. В говорившем я узнал наследника престола — принца Андрэ. Рядом стоял его кузен Лионель.

— Друг этих людей стал мне братом, барон де Кантон спас мне жизнь. Никто не смеет забывать об этом! — добавил принц Андрэ.

— А его святейшеству можно порекомендовать искаль врагов и искусителей не в тех, кто стоит перед ним,

а в тех, кто прячется по ночам в спальнях священнослужителей,— закончил Лионель.

Очевидно, это был намек на какие-то известные всем, кроме нас, обстоятельства. Причем обстоятельства эти отнюдь не красили святого отца. Все заулыбались: вмешательство принцев явно разрядило обстановку. Отец Роберт поперхнулся и, растерявшись, скомкал конец проповеди.

— Итак, разгадав тягу служителя библиотеки к знаниям, Демон на третий день принял искушать святого обещаниями дать ему ключ ко всем тайнам земным и небесным. Но собравшись с духом, святой Фредерик отверг демонскую мудрость. И бежал опозоренный враг рода человеческого... А люди третий день празднеств с тех пор посвящают наукам и ремеслам, ученым беседам и другим богоугодным занятиям...

Проповедь завершилась всеобщим исполнением какого-то гимна. Затем его святейшество поспешил удалился со своими мальчиками.

— Похоже, у этих празднеств тоже земные корни,— задумчиво сказал Эррера.— Правда, и местный колорит ощущается.

К нам подошел Вилан и, поклонившись, произнес:

— Через полчаса в Белом зале его величество примет вас. А пока я хотел бы представить вас их высочествам. Пойдемте! Принц Андрэ, наследник престола, и принц Лионель ждут вас.

— А ведь не все здесь, оказывается, нам рады,— негромко, как бы про себя заметил на ходу Голдин.

Но я его услышал и невольно подумал, что, кроме препятствий, ожидаемых нами, видимо, предстоит преодолевать и препятствия совершенно неожиданные!

ГЛАВА 8

О характеристах обоих принцев мы уже имели довольно четкое представление, но, доверяя ментограммам Кантоны, естественно, стремились делать собственные выводы.

Двадцатидвухлетний Андрэ — высокий и прекрасно сложенный атлет, почти такой же рыжий, как и я, держался властно, как и подобает наследнику престола. Говорил он не очень много и довольно надменно. К Кантоне он действительно относился с большой благодарностью и, восхищенный успехами земной медицины и техники, стал сторонником идеи объединения народов. В его лице мы имели могущественного союзника: герцог очень любил сына и считался с его мнением.

Лионель — кузен принца Андрэ — был сыном младшего брата герцога Александра. Его родители погибли почти 20 лет назад, и годовалый мальчик стал воспитанником в семье венценосного дяди. Ростом почти с брата, такой же широкоплечий, но с черными как смоль волосами и живыми, вечно смеющимися серыми глазами, Лионель считался дворцовым «Анфан-терриблем». Ни о чем и никогда он не говорил без иронии. Попасть к нему

«на язык» было несчастьем даже для герцога и герцогини. Впрочем, в этом случае он не выходил за рамки беззлобного подшучивания, да и это позволял себе редко. Лишь один человек при дворе пользовался его полным уважением: наследный принц, кузен и друг, который имел привилегию не становиться мишенью острот.

Зато ни один придворный или рыцарь Круглого стола не избежал его едких и остроумных розыгрышей. Как позже рассказал нам Антонио, и в самом деле оказавшийся бесценным лоцманом в бурных водах придворной жизни, несколько раз во время рыцарских турниров Лионеля вызывали на поединок обиженные им дворяне. И каждый раз принц выходил на этих поединков без единой царапины, легко одолевая соперников. Словом, парень спуску не давал никому и этим был мне по душе.

Андрэ сразу же заявил, что рад познакомиться с нами еще до аудиенции, где члены герцогской семьи будут представлены землянам официально. Он поинтересовался, скоро ли появится Кантона, и был заметно разочарован нашим уклончивым ответом.

Лионель пригласил нас на состязания лучших арбалетчиков Доригиана, в которых он сам собирался принять участие. Подкатившийся волчком Трикс выразил желание тоже принять участие в состязаниях — в качестве судьи. Андрэ махнул на него рукой, но Трикс продолжал нам досаждать. Удалился, да еще с оскорблением видом, он только после того, как Лионель пообещал допустить-таки его к соревнованиям, но не в качестве судьи, а в качестве мишени.

Беседуя, мы вошли во дворец. Два церемониальных зала на каждом из трех этажей соединялись между собой длинными галереями. Вдоль залов располагались дворцовые покой, служебные помещения, кабинеты, комна-

ты придворных и слуг. Этажи сообщались тремя лестницами: главной — на центральном входе — и двумя боковыми у каждого из залов. В общем, архитектура Доригиана не поражала сложностью замысла, хотя количество колонн, лепки и росписей на потолках впечатляло.

На главной лестнице принцы расстались с нами, чтобы войти в Белый зал вместе с их величествами. Зато к нам снова присоединился Антонио и сразу засыпал нас с Олегом, который, очевидно, делил со мной привязанность юноши, массой полезных сведений.

Например, он уже успел рассказать нам о рыцарях Круглого стола.

По-видимому, обрывки средневековых романов сохранились в доригианском фольклоре. С давних пор здесь существовал интересный обычай: каждые четыре года проводить «отборочный» рыцарский турнир. Призы были знатные: двенадцать мест за герцогским столом и право именоваться рыцарем Круглого стола. Никаких привилегий, кроме вышеназванной, звание не давало, да и эта единственная являлась, скорее, фикцией: стол герцога был прямоугольным. Но соискателей этот малозначительный факт не смущал. Любой из совершенолетних дворян герцогства на «отборочном» турнире мог бросить перчатку любому из действующих рыцарей Круглого стола и перевести его в разряд бездействующих. Так что каждые четыре года в стане рыцарей происходила своеобразная ротация... Победитель наследовал одно из двенадцати славных и постоянных имен, побежденному возвращалось свое, полученное при крещении.

Кроме этого, в Доригиане ежегодно проводилось еще несколько турниров. Чемпионом в последнее время, как рассказал тот же Антонио, бессменно являлся рыцарь-бард, сэр Галахэд Сладкоголосый.

Между прочим, еще не видя этого сэра, я почувствовал к нему инстинктивную неприязнь. Как оказалось впоследствии, это чувство было пророческим...

Тем временем Антонио продолжал выливать на нас ушат дворцовых сплетен. Выяснилось, что намек Лионеля во время проповеди действительно был не случаен: совсем недавно дворцовая стража едва не задержала некое хрупкое, завернутое в накидку существо, выходившее под утро из покоев святого отца. Его святейшество, давший в свое время обет безбрачия, уверял всех, что это был бестелесный посланец Искусителя, но офицер стражи доказывал, что, убегая, существо визжало вполне земным женским голосом. Бравый вояка клялся даже, что сумеет определить, чей именно это голос, но герцог вовремя погасил скандал. Кроме того, мы узнали, что хранитель Главной печати герцогства Жоли ужасно не любит охоту и ездил утром с герцогом только из верноподданнических соображений. Зато первый министр даже после того, как в результате встречи с кабаном его правая рука потеряла способность держать оружие, не утратил охотничьего азарта, хотя берет с собой только арбалет...

Людей в зале становилось все больше. При виде изрядного количества прекрасных дам в весьма легких — по сезону — нарядах Хорхе явно оживился. Замечание Антонио о том, что у каждой девицы благородных кровей, достигшей 16 лет, обязательно имеется верный рыцарь (исключение составляют кривые, хромые и совсем уж уродливые), темпераментного Эрреру не охладило.

Я же не слишком обращал внимание на представительниц прекрасного пола. Но до тех пор, пока не заметил одну...

Что вам сказать о ней? Это, разумеется, было коварство судьбы: подбросить мне на Тефисе очередную прелестную брюнетку. Да еще голубоглазую! Да еще с вели-

колепной фигурой! Ее талии могли позавидовать лучшие манекенщицы Кристины Тома!

Ее коралловые губы улыбнулись мне, и я понял, что погиб...

— Кто это? — как можно небрежнее спросил я нашего гида.

— Где? А, это... Это моя сестра Амелия. Если хотите, я вас представлю сейчас же.

Боже мой, как я не обратил внимание на этот маленький бриллиант еще на лекции в Аделаиде?! Где были мои глаза?! Как в тумане, я отрицательно покачал головой: нет, лучше сейчас прийти в себя и подождать с церемонией знакомства, а то еще ляпну чего-нибудь...

— Через Амелию я состою в родстве с самим герцогом! — простодушно похвастался юноша, немного уязвленный моим отказом.

Ухватившись за возможность поговорить о волнующем меня предмете, я тут же поинтересовался:

— А каким образом?

— Ее сиятельство виконтесса Амелия — дочь покойной графини Маргариты, сестры его величества герцога Александра, и моего отца. После удаления своей... первой жены его сиятельство граф женился на моей матери. Амелия старше меня на 6 лет.

— После удаления? Что ты хочешь этим сказать?

Но Антонио не успел ответить: в зале появился глашатай и произнес, трижды стукнув посохом о мраморный пол:

— Его величество герцог Александр XXXIV! Ее величество герцогиня Эрнестина! Его высочество наследник престола принц Андрэ! Его высочество принц Лионель!

Герцогская чета заняла свои места на возвышении, где стояли два одинаковых трона. Принцы сели на изящные скамеечки у ног герцога и герцогини.

Герцог оказался невысоким человеком лет пятидесяти. В жизни он выглядел старше, чем в ментограммах. Седой ежик волос, зоркие карие — как у сына — глаза, острый нос, тонкие губы. Всем своим видом он, казалось, излучал подозрительность и недоверие. Его супруга, полная женщина, напротив, доброжелательно улыбалась.

Почтительно склонившись, к герцогу Александру подошел первый министр и что-то шепнул. Выслушав негромкий ответ, Вилан вышел вперед:

— Мессир Грегори Голдин и его спутники! Вы имеете честь представиться их величествам.

Мы представились согласно придворному этикету. Герцог, кажется, был доволен:

— Вас всего четверо,— заметил он.— Разве возможно столь малыми силами справиться с возложенными на вас задачами?

— На первом этапе, думаю, мы сумеем справиться, ваше величество,— с достоинством ответил Голдин.— Впрочем, если нам нужны будут помощники, Земля пришлет их хоть завтра.

— Но ведь ваша родина очень далеко? — удивилась герцогиня.— Или я что-то неправильно поняла?

— Все правильно, ваше величество, кроме одного. Земля — наша общая родина. Зная, как его величество, ваш супруг, любит и ценит науку, мы хотели бы преподнести от имени правительства и народов единой Земли небольшой подарок.

— Вот как? — оживился герцог.— Очень интересно!

— Причем этот подарок частично подтверждает наши слова об общей родине. Это коллекция исторических экспонатов из лучших музеев Земли.

Ваши величества! Надеемся, вы сможете убедиться, что корни у нас общие. И пусть эта экспозиция, если вы

того пожелаете, станет началом первого исторического музея Доригиана!

— Она велика?

— Она содержит около сотни предметов и вполне поместится в этом зале, ваше величество.

— Прекрасно! Здесь ей и место. Слушайте все! После завтра, в день наук, искусств и богословия, мы откроем эту экспозицию в Белом зале нашего дворца!

— А сейчас мы хотели бы показать лишь небольшую часть экспозиции вашим величествам и всем, кто присутствует в зале,— добавил обрадованный Голдин.

— Разве вы принесли их с собой? — удивился герцог.— Я полагал, что они должны занимать много места.

— Разумеется, они остались на корабле. Мы можем показать вам их изображения — голограммы. Они выглядят совершенно так же, как и сами экспонаты, но их, к сожалению, невозможно потрогать...

— Ах, голограммы... — разочарованно протянул Андрэ.

— Ваше высочество, если только вы пожелаете, завтра же все экспонаты будут в этом зале,— заверил принца Эррера.

— Завтра зал должен быть пуст,— сказал герцог.

— Ах да, ведь послезавтра — ночь Демона Мщения,— спохватился наследник престола.— Вы принесите их послезавтра утром. А вечером мы придем сюда на открытие экспозиции.

— Да будет так! — подтвердил герцог.

Я не очень понял насчет Демона и его ночи, но выяснить было некогда, и этот вопрос я «задвинул». Решил при удобном случае разузнать подробности у Антонио. А пока надо было заняться голограммами.

Показ имел бурный успех. Особенно мужчин заинтересовали оружие и амуниция: индейские томагавки, австралийские бumerанги, шлем и щит древнеримского

легионера, рыцарские латы флорентийской работы, са-
мурайский меч.

Женщины, как и следовало ожидать, пришли в вос-
торг от нарядов времен Маргариты Наваррской и Людо-
вика XIV. Всех восхитила карета английской работы
XVI века.

После показа церемония знакомства возобновилась.
Но теперь представляли уже не нас, а нам.

Мы познакомились с отцом леди Амелии и Антонио
графом Родериком — министром двора и этикета, баро-
ном Жоли — хранителем Главной печати, графом Пау-
ли — интендантом герцога. Вместе с графом Виланом
они составляли кабинет его величества.

Мы удостоились также высокой чести лицезреть всех
двенадцать рыцарей Круглого стола: и сэра Гарета, и сэ-
ра Персиавля, и, конечно же, могучего сэра Галахэда.
Его внешний вид никак не указывал на наличие хотя бы
минимальных вокальных способностей. Этакая пивная
бочка, на голову выше меня, почти квадратная. И еще
одно не могло внушить мне симпатий к рыцарю-барду:
он слишком часто глядел на одну брюнетку в белом
платье. Просто непозволительно часто!

Пока перед нами чередой проходили лица и наряды,
я решил уточнить ситуацию:

— А у твоей сестры тоже есть рыцарь?

— О да, ведь она заслуженно слывет красивейшей де-
вушкой Доригиана!

— И ее рыцарь, конечно, сэр Галахэд?

— Как вы догадались? — поразился юноша. — Это дей-
ствительно он!

— Как тут не догадаться, когда он, того и гляди, про-
жжет ей взглядом лиф платья, — проворчал я и поспешил
перевести разговор на другую тему. — А что ты там гово-
рил насчет первой жены графа? Что с ней случилось?

ШЛЕМ ЛЕГИОНЕРА

— То же, что и с родителями его высочества принца Лионеля — принцем Анри и принцессой Жозефиной. И еще четырнадцатью дворянами и их многочисленными слугами. Все они были удалены.

— То есть как? Кем?

— Ну, это так говорится, что они были удалены. На самом деле все знают, — юноша понизил голос и огляделся. — Все знают, что они просто растворились в розовом тумане!

ГЛАВА 9

Краем глаза я увидел, как окаменел Грет, слушавший наш разговор. Насторожился и Сергеев. Только Хорхе продолжал коллекционировать дамские улыбки.

— Что значит «растворились в тумане»? — спросил Голдин.

— А то и значит, что растворились. Как соль в воде.

— Ты сам-то это видел? — нарочито сухо поинтересовался я.

— Меня тогда еще на свете не было, — обиделся Антонио. — Я ведь говорил, что это было почти двадцать лет назад. Амелии не исполнилось еще года. Она оставалась с кормилицей в замке, потому и жива. А его сиятельство вообще гостили у барона де Веа. И в пикнике поэтому не участвовали.

— Следовательно, был пикник?

— Ну да. Гости катались на лодках по озеру. Там же была и графиня, и слуги... Потом спустился туман. А утром нашли лишь пустые лодки.

— Почему же говорят: «они были удалены»?

— Не знаю. Должно быть, так повелось издавна.

— Ты хочешь сказать, что это был не первый случай удаления?

— Конечно, нет. В анналах описывается много удалений.

— А кто тебе...

Я хотел спросить, кто рассказал об этом парню, но почувствовал на плече руку Голдина и мгновенно сориентировался:

— А кто тебе, кстати, на этом балу больше всех нравится из дам?

Грег одобрительно наступил на мою ногу. В следующий раз, когда ему понадобится выразить мне свое восхищение, он, должно быть, применит что-нибудь из карате...

— Больше всех, конечно, сестра! Разве тут есть девушки лучше ее?

— Нет,— чистосердечно признал я.— Она прекрасней всех.

Развить тему мне помешал Олег:

— Расскажи-ка лучше про ночь Демона.

— В стародавние времена...— охотно начал Антонио, закатив глаза, но не выдержал тон и засмеялся.— Это только бабушкины сказки! Обычай такой. Совсем не интересный!

— А ты все же расскажи, хотя бы в общих чертах,— попросил я.

— Ну так вот... Много веков назад правил великий герцог Александр XII. У него было два сына. И младший брат как-то привел старшего в Белый зал ночью, уж не знаю, как только заманил. А там и убил его... Да только это открылось. И герцог казнил сына.

Душу его, понятное дело, взял Демон... А герцог был слишком стар, чтобы иметь еще наследников. Но он был очень набожен. И было ему знамение. Взял он на воспи-

тание сироту-найденыша. Когда подрос третий сын, явился Демон и сказал, что хочет забрать и его, так как нет греха большего, чем братоубийство, и, стало быть, проклятие лежит на всем герцогском роду по девяносто девятое колено. Но герцог опять-таки вымолил у небес пощаду. Но при одном условии. Ежегодно в третью ночь святого Фредерика старший наследник согрешившего рода, достигший 18 лет, является в полночь на бой с посланцем Демона Мести. Место и время поединка выбрал сам Демон. Время — с полуночи до шести утра. Место — там, где было совершено преступление. По преданию, в руках жертвы была одна свеча — и одна свеча с тех пор освещает поединок. Оружие выбирает противник Демона, и обычно это арбалет и копье.

С тех пор в разных дворянских родах произошли подобные злодеяния. И теперь у принца есть 15 товарищей, которые проводят эту ночь в поединках с посланцами Демона на местах прегрешений предков. Так что его высочеству теперь не так скучно, как его далеким пращуром: он знает, что у него есть товарищи по несчастью...

И Антонио снова заразительно засмеялся.

— Ну а каковы результаты поединков в последнее время?

— Да что-то убитых пока не видно... Мне кажется, — юноша снова понизил голос, — что этот обычай давно уже всем надоел! И если бы не упрямство отца Роберта, в этом году его высочество наследник престола не пошел бы в Белый зал... А уж на будущий год — точно не пойдет! И тогда его святейшество останется с носом!

Пока мы выясняли подробности предстоящего принца испытания, аудиенция окончилась. Герцог и герцогиня, в последний раз милостиво улыбнувшись нам, покинули зал. К нам снова подошли оба высочества, и юный шутник мгновенно ретировался.

— Мы отправляемся на состязания арбалетчиков,— сообщил Андрэ.— Не хотите ли последовать за нами?

Мы с удовольствием согласились.

Рядом с дворцом оказалась огромная поляна, за которой начинался лес. Точнее, это был старый запущенный парк, где, по словам Антонио, водились медведи, кабаны, олени и лисицы. Именно здесь утром герцог с придворными охотился на кабана, правда, не слишком успешно. Как говорил один петух в подобных обстоятельствах: не догоню, так хоть согреюсь. При этом он глядел на одну даму из курятника... Полагаю, его величество неплохо согрелся несколько часов назад!

Первым на поляне нас встретил Трикс, пытавшийся оторвать от земли небольшой чугунный столбик с мишенью. Нас он не видел, а к слугам, расставлявшим на краю поляны такие же столбики, обращаться за помощью, очевидно, не желал. Вот и пытался, и злобно щерился, но задача явно была ему не под силу.

— Что, дурак, не получается? — усмехнулся Лионель, подходя к шуту.

— Чугунный лоб не может поднять чугунный столб,— нашелся Трикс.— Может, у вашего высочества выйдет?

Вместо ответа Лионель легко подхватил столб и перенес его к другим мишеням.

Пока они с Андрэ устанавливали его, мы с Олегом кратко рассказали Хорхе то, что узнали от Антонио.

— Похоже, мы вышли на след! — резюмировал Эррера, выслушав историю с розовым туманом.

— Не будем пока проявлять излишний интерес к этой истории,— сказал Грег.— Мы совершенно не владеем ситуацией. Кантона ничего об этом не знал. Можно напороть глупостей, а потом не исправишь...

Все мы согласились с этим.

Вскоре соревнования начались. Было жарко. Пот, заливавший глаза, одинаково мешал всем двадцати четырем стрелкам, выстроившимся в линию напротив двадцати четырех мишеней. По команде главного судьи — наследника престола — стрелки производили залп.

К моему удивлению Лионель, обещавший принять участие в турнире, сидел в принесенном слугами кресле рядом с нами. Соревнования шли на выбывание. После каждого выстрела судья с помощниками проверял мишень и называл слабейший результат. Стрелок, показавший его, автоматически переходил в помощники принца.

Через час, когда на линии выстрела остались пятеро сильнейших и среди них сэр Галахэд, я решился спросить у его высочества, почему он не стреляет.

— Берегу стрелы, — загадочно объяснил Лионель. Потом улыбнулся и добавил: — Я выигрываю эти состязания три года подряд. Победитель сможет вызвать меня после того, как все остальные соперники выйдут из борьбы. Тогда и наступит моя очередь.

— Вы сделаете всего один выстрел?

— Вообще полагается дюжина, но сегодня, надеюсь, хватит и одного. Я придумал забавный фокус!

Один за другим стрелки покидали места на линии огня. Наконец, там остался только сэр Персиваль, бурно приветствуемый зрителями.

— Ваше высочество, я имею честь вызвать на соревнование вас! — крикнул он не сходя со своего места. — Выбирайте мишень!

— Выбираю первый номер, — ответил Лионель и, не вставая с кресла, положил арбалет со взвешенным пусковым устройством себе на колени. — Только, мессир Гастон Ле Руа, замените ее, пожалуйста, на мою личную мишень.

— Слушаюсь, ваше высочество! — сказал невысокий, очень толстый человек в гигантской шляпе с пером. Когда он, смешно ковыляя, убежал во дворец за мишенью, Лионель повернулся к нам:

— Это весьма услужливый дворянин. Очень стремится стать бароном. Если будет так бегать дальше, то добежит или до баронской короны, или до сердечного приступа.

Мы засмеялись. Этот веселый циник мне положительно нравился.

Скоро с маленькой красной мишенью в руках появился мессир Гастон Ле Руа. Мелкой рысцой, задевая шляпой ветки деревьев, стоящих на краю поляны, он ринулся менять мишень. Ему оставалось еще метров тридцать, а до нас было не меньше 120, когда Лионель неожиданно сказал:

— Вот теперь можно начинать!

С этими словами, которых сначала никто из нас не понял, он поднял арбалет и, не целясь, навскидку выстрелил.

Эррера ахнул. Стрела просвистела в воздухе и пригвоздила роскошное перо из не менее роскошной шляпы мессира Ле Руа к суку толстого дерева, мимо которого он как раз пробегал. Сам мессир даже не почувствовал потери. Шляпа осталась висеть на дереве, а будущий барон все еще несся к мишеням.

Зрители взорвались хохотом и аплодисментами. Сэр Персиваль поднял обе руки:

— Сдаюсь, ваше высочество! Вы опять победили.

Лионель встал и шутливо поклонился толпе.

Только тут мессир Ле Руа обнаружил отсутствие шляпы. Он схватился за голову, оглянулся и выронил мишень. Дрожащими руками он освободил шляпу.

— В вашем будущем гербе наверняка будет эта стрела, — сказал ему Лионель. — Оставьте ее себе на память.

— О, вы так любезны, ваше высочество! — расцвел придворный. — Покорно благодарю вас.

Инцидент был исчерпан. Дамы вручили победителю огромный букет, перевязанный лентами всех цветов. Только белого среди них не было: леди Амелия хранила свои ленты для кого-то другого. Я пообещал себе, что, во всяком случае, поборюсь за них.

Солнце клонилось к закату. Министр двора и этикета вежливо предупредил нас, что лучшие покои во дворце отведены для нашего отдыха. Мы приглашены на обед к их величествам, потом сможем отдохнуть и поразвлечься на вечернем состязании поэтов.

Обед прошел весело. Трикс в лицах изображал его величеству, не видевшему блистательной победы Лионеля, мессиера Ле Руа, сэра Персиваля и других. Делал он это мастерски, прямо на глазах преображаясь из одного персонажа в другого. Наверное, в нем погибал большой актер.

Потом мы отдыхали в своих покоях. Это были богато обставленные квартиры, каждая из трех комнат. Все, кроме Эрреры, нашли их вполне приемлемыми. Аргентинец же, сделав большие глаза, трагическим голосом произнес:

— Здесь наверняка полчища этих ужасных... насекомых!

— Вполне возможно, — спокойно согласился Олег. — А ведь нам еще предстоит ночевать во дворце.

— Здесь?! — возмутился Хорхе. — И это говорите вы, врачи... Боже мой, да я ни за что не соглашусь!

— Но другого выхода нет, — сказал Грэг. — Мы послы, а посол не имеет права обижать хозяина. Надеюсь, Хорхе, мне не нужно объяснять вам это.

— Не нужно, — поник Эррера. — Но... я не могу так сразу. Давайте хотя бы начнем с завтрашнего дня.

— Давайте,— поддержал Олег.— Возьмем на корабле свое постельное белье.

— Ладно, идет,— сказали и мы с Голдиным.

После отдыха мы снова собирались в Белом зале. Пожалуй, на утренней аудиенции народу было меньше. Нам то и дело представлялись незнакомые аристократы. Подоспевший Антонио объяснил, что это провинциальные дворяне съезжаются на завтрашний турнир.

Состязание поэтов открыл сэр Кей. Он прочитал что-то вроде мадrigала, довольно слезливого. Впрочем, его приветствовали так, как, должно быть, не снилось и Шекспиру.

Следом выступил сэр Гарет. За ним в борьбу вступил какой-то провинциальный рыцарь. Все их опусы, на мой взгляд, были единого достоинства — пятицентового. Зато спеси имелось на целый доллар. Каждый выступающий удостаивался благосклонной улыбки своей дамы, а порой и нескольких.

Под конец настал черед сэра Галахэда. Должен признать, что его произведение стоило чуть-чуть больше. Цента на два. Но как он его читал!

Встав на одно колено перед прелестной брюнеткой, он в неизбывной тоске тянул к ней длинные руки, его борода, напоминавшая бороду козла Джерри с фермы моего детства, тряслась от чувств, переполнявших ее владельца... На этого рыцаря-барда просто противно было смотреть. Да и что такое «рыцарь-бард»?! Я тоже иногда пою. Но для разговора с противниками предпочитаю хук справа. Это и благородней, и действенней. Или ты певец, или ты боец. А донимая врага нотами, ты подвергаешь его куда более мучительной пытке. Что там стать или клинок по сравнению с иным колоратурным сопрано...

В общем, к концу соло сэра Галахэда я был готов. Спекся. И, как только он окончил свою ужасно длинную

балладу, я, опасаясь за судьбу вожделенной белой ленты в волосах леди Амелии, вскочил с места. И вовремя. Ошарашенные любовным пылом сэра Галахэда дамы уже собирались надеть на его богатырскую шею лавровый венок победителя. Но я успел.

— Ваше величество,— обратился я к герцогине, исполнявшей роль председателя женского жюри.— Может ли гость просить о чести быть допущенным к соревнованиям поэтов?

— Конечно, господин Моррис! — кивнула герцогиня.

У меня в кармане был только один козырь — но какой! Пока все отдыхали, я перевел на доригианский один из сонетов Петрарки, единственный известный мне средневековый сонет. Пусть теперь рыцарь-бард, избалованный легкими победами над своими собратьями, посостязается с великим итальянцем!

Сонет я прочитал при гробовом молчании, глядя в синие глаза одной юной особы. Зато что творилось, когда я окончил читать! Как только выдержали дамские ручки такую бурю аплодисментов! Мысленно я адресовал их возлюбленному Лауры, а себе оставил венок, который едва не оказался на недостойных плечах, и одну белую ленту.

Увидев ее в моих руках, сэр Галахэд побелел, частично компенсировав тем самым недостаток вышеозначенного цвета в своем костюме. У этих средневековых джентльменов, оказывается, были такие слабые нервы! Со своей стороны, увидев, что он вот-вот упадет в обморок или кинется на меня, я нарочито медленно поцеловал краешек ленты и, связав бант, прикрепил его себе на грудь.

Сердце бедного барда не вынесло такой муки... И он бросился... Но не на меня, а из зала!..

Через час мы рас прощались с герцогиней. На недоуменные вопросы Голдин сообразил ответить, что нам

ШЛЕМ ЛЕГИОНЕРА

нужно сегодня ночью доложить своему правительству о том прекрасном приеме, который нам здесь оказали. Объяснение удовлетворило герцога, и он выразил желание непременно видеть нас завтра на рыцарском турнире. Мы обещали быть.

Всю обратную дорогу Грег дулся. Молчали и остальные. Я чувствовал, что на корабле меня ждет основательная нахлобучка. И к сожалению, на этот раз не ошибся...

ГЛАВА 10

После нахлобучки я обычно сплю особенно хорошо. Так и на этот раз. Спал отлично, а проснулся от того, что кто-то осторожно тронул меня за локоть. Я открыл глаза и увидел Олега. С заговорщицким видом он тянул меня с койки, прижимая палец к губам.

Пришлось вставать.

Пока я умывался, в салоне возле иллюминатора Сергеев ожесточенно спорил о чем-то с Эррерой. Когда я подошел к ним, оказалось, что Грэг тоже сидел там. Меня, очевидно, разбудили последним. Жалеют после вчерашнего. А я не очень люблю, когда меня жалеют.

Ладно. Хамить — так хамить. Пусть сполна ощутят утрызения совести. Как ни в чем не бывало, я поинтересовался, зачем нужно было так рано подниматься. Мол, еще не рассвело, а жизнь во дворце начинается лишь около восьми утра.

Вместо ответа Грэг показал на иллюминатор. Я посмотрел и не поверил собственным глазам. На соседнем холме, примерно в трех километрах от нас, неподвижно стоял... еще один «Северин»! Разумеется, это был просто

звездолет того же класса, но потрясение было столь велико, что я не сразу об этом догадался. Окутанный дымкой тумана, он представлял собой здесь, на средневековой планете, весьма впечатительное зрелище.

— Кто-нибудь видел или слышал, как он садился? — спросил я.

— В том-то и дело, что нет. Минут за пять до этого я смотрел в иллюминатор — ни на холме, ни в небе ничего не было, — ответил Эррера. — Потом я отвлекся, а когда снова взглянул — он уже стоял. Но ведь невозможно сесть за две-три минуты и совершенно неслышно! Я запросил позывные, он не отвечает.

— Я все-таки думаю, что прошло больше времени, — возразил Сергеев. По-видимому, об этом они и спорили. — Да и тучи сегодня очень низко.

— Пускай. Но интерком включен на рубку. И клянусь, что я не слышал ни звука. Так не бывает, — не сдавался Хорхе. — Что-то здесь не то!

— Надо пойти туда, — предложил я.

— Не надо, — сказал Голдин. — Кто-то уже вышел из него и идет к нам. Через несколько минут должен появиться у трапа. Интересно, кто это вопреки решению Всемирного Совета сюда пожаловал?

— Я, кажется, догадываюсь, — пожал плечами Олег. — Решение не касалось лишь одного человека, имеющего право работать в Зоне Контакта.

Тут дошло и до меня. Это действительно мог быть только Кантона, получивший исключительное право на разработки здесь, на Тефисе.

Спустя десять минут мы смогли убедиться в правоте Сергеева. Космогеолог карабкался на наш холм, помогая себе суковатой палкой, видимо, только что подобранный. Шел он довольно медленно и тяжело, но вот-вот должен был подойти к «Северину».

— Хорхе, откройте, пожалуйста, люк и опустите трап. Будем принимать гостя,— сказал Голдин.

Вблизи Кантона выглядел не столь презентабельно, как несколько дней назад в Аделаиде. Возможно, виной тому было плохое самочувствие. Если на лекции он держался очень прямо, будто проглотил палку, говорил сухо и отрывисто и смотрелся этаким английским лордом образца XIX века, то сегодня лорд явно поблек.

Правой рукой Кантона поддерживал левую, весь сгорбился и левое плечо наклонил вперед. При этом за спиной у него болтался нелепого вида рюкзачок.

Пройдя в рубку и поздоровавшись со всеми кивком головы и коротким бурчанием, он сел в кресло. Рюкзак, явно мешавший сидеть, он снять не пожелал.

— Насколько я понимаю, вы и есть та самая группа, которая должна развернуть здесь музейную экспозицию?

Такая трактовка наших задач меня несколько удивила. Однако Голдин никак не прореагировал на этот выпад. Он привстал со своего кресла и вежливо произнес:

— Разрешите представить вам сотрудников земной миссии на Тефисе.

Последовала церемония знакомства, не слишком, по-видимому, заинтересовавшая космогеолога. Неожиданно Голдин прибавил:

— А ведь мы с вами встречались, мистер Кантона.

— Вот как?

— Арикс-1, год назад... Вы брали там на ферме свежую рыбу.

— Не помню... Очень жаль, но не припоминаю.

— Вы пробыли на Ариксе сутки и даже выиграли у меня в шахматы.

— Ах да,— ненатурально оживился Кантона.— Теперь, кажется, вспомнил.

Но было очевидно, что это он из вежливости. Поэтому Голдин перевел разговор на другую тему.

— У вас болит рука?

— Это следствие,— поморщился Кантона.— У меня был сердечный приступ. Три дня лежал в кубрике, не мог пошевельнуться. Вчера только оклемался. А теперь вот ноет старая рана. Следы одной неудачной посадки лет двенадцать назад...

— И вы не связывались с Землей за эти три дня? — удивился Голдин.— Даже не консультировались с врачами?

— Говорю же, лежал как мертвый.

— Тогда вас посмотрит Олег. Ты ведь посмотришь нашего гостя? — повернулся Грэг к Сергееву.

— Разумеется, посмотрю.

— Только чуть позже,— запротестовал Кантона.— С сердцем уже все в порядке, а старые раны для того и существуют, чтобы болеть... Тут уже ничем не поможешь... Какие у вас на сегодня планы?

— Сначала разрешите предложить вам чаю,— улыбнулся Голдин.

Хорхе тут же выскользнул в камбуз, а Грэг продолжил:

— Сегодня — турнир. Часам к десяти явимся во дворец, а затем будем действовать по распорядку герцога. Вечером — бал. Кстати,— Голдин обернулся к нам,— сегодня мы уже не сможем отказаться от апартаментов во дворце герцога Александра.

Олег молча улыбнулся и посмотрел на вернувшегося из камбуза Эрреру.

Мне тоже было интересно, как брезгливый Хорхе смирится с необходимостью провести несколько ночей в средневековой постели.

— А вы, господин Кантона, чем намерены сегодня заниматься, если не секрет?

— Для начала, дорогой доктор,— принимая от Хорхе чай и благодаря его, улыбнулся Кантона,— я все-таки воспользуюсь вашими медицинскими познаниями. А вообще я здесь, чтобы проверить результаты орбитального зондирования. Но, естественно, сегодня я с вами. И завтра, быть может, тоже. А потом — в Южное полушарие.

— Ну что же, будем экономить время,— поднялся Сергеев.— Прошу вас, господин Кантона.

Они направились в лабораторию.

Голдин посмотрел на меня:

— Я еще раз прошу тебя, Дон, не обострять ситуацию. Нам совсем не нужны здесь внеплановые приключения. Боюсь, что хватит «запланированных».

Хорхе, тем временем, тоже ушел в лабораторию, но вскоре вернулся оттуда очень удивленный:

— Я предложил Кантоне подогнать по размерам один из наших костюмов, но он отказался. Говорит, что привык к своему.

— Скоро они? — спросил я. У меня уже чесались руки.

— Наверное, скоро. У него, между прочим, действительно большой шрам почти под левым соском.

— Положим, поисковики прекрасно знают, на что идут,— заметил я.

— Еще бы,— ухмыльнулся Эррера.— Я бы с удовольствием поменялся с Кантоной местами!

Несколько минут мы молчали, занимаясь каждый своими делами. Мне показалось, что Грэг порывается что-то сказать, но, видимо, лишь показалось. А может быть, он с трудом удерживался от одной из своих вечных сентенций...

В конце концов, Голдин встал и сказал мне:

— Пойдем, поторопим их. Сколько можно возиться...

Сергеев уже перешел к исследованию нервной системы Кантоны. Рене, голый по пояс, лежал, опутанный таким количеством проводов, что за ними не было видно головы.

— Сердце — еще не самое страшное. У него в отвратительном состоянии нервы, психика, — негромко сказал Олег. — Лямбда-характеристики просто кошмарные. Я дал ему немного поспать. Сон с разрядкой по Блюменталю сейчас полезнее всего... Он не говорит, что его так угнетает, но жить в постоянном сильном нервном напряжении нельзя. А на гипноз или ментоскопирование он тоже не соглашается.

— Значит, на то есть причины, — произнес Голдин. — Долго он будет спать?

— Еще полчаса, не меньше.

— Хорошо. Потом собери свои вещи. Надо еще завтракать, а в 9:30 мы должны быть готовы.

Когда вещи были собраны, я вспомнил, что еще не оттестировал наши защитные костюмы.

Предупредив всех (в том числе и Кантону с Сергеевым, вернувшихся из лаборатории), я прошел к тест-станции. На «Северине» она из соображений безопасности располагалась в рубке управления, от которой при работе отделялась защитным экраном.

За мной в рубку увязался Грэг. И я не возражал, хотя при тестировании ничто не должно отвлекать от работы. Хорошо помню, что запер дверь, ведущую в рубку из лаборатории. Затем разложил в приемных лотках станции комбинезоны, прошел к пульту управления и отделил себя и Грэга от станции экраном. Включил минус-режим...

Минус-тестирование создает особый вид силовой дуги, выявляющий любые ослабления защитного поля комбинезона. Работа может проводиться только при

снятом костюме, так как защитное поле инверсируется. Это весьма опасная и кропотливая операция.

Итак, я включил минус-режим, довел его до максимума и погасил свет в рубке, чтобы видеть характер свечения минус-дуги.

Грег дышал мне в ухо. Если не считать этого, все шло нормально. Я уже закончил с его костюмом и перешел к сергеевскому, когда дверь в рубку, только что изнутри заперта мной, отворилась и в проеме показалася Кантона!

Спасибо Грегу: он мгновенно вырубил аварийной кнопкой питание тест-станции. Минус-дуга погасла. Дрожащей рукой я нашупал включатель и зажег свет.

Кантона, живой и невредимый, невозмутимо глядел на нас.

— Что вы тут делаете?! — заорал я.— Я же всех предупредил, что иду в рубку тестировать костюмы на минус-режиме!

— Ну и что? — спросил, сохранив олимпийское спокойствие, космогеолог.

— Как что?! Вас могло в буквальном смысле вывернуть наизнанку!

Кантона оглядел пульт, тест-станцию и вышел из рубки. До меня донеслись его слова:

— Я же не знал, что это так опасно...

Ничего себе заявленьице! В таком случае, он единственный из трех миллионов космогеологов, кто этого не знает! Таких не только к гиперкораблям, к дерымовозам на пушечный выстрел нельзя допускать!

К девяти часам я немного успокоился. Все уже были готовы отправляться во дворец, но Голдин желал выдержать этикет и явиться к десяти.

Мы потягивали коктейль, когда Хорхе случайно взглянул в иллюминатор:

— Эге, да у нас сегодня просто день визитов! Ваш друг,— он кивнул мне и Олегу,— скачет сюда во весь дух.

— Спустите, пожалуйста, трап,— попросил Эрреру в своей обычной манере Грег.— Боюсь, случилось нечто чрезвычайное.

Через пять минут запыхавшийся Антонио, ведомый за руку историком, появился в кубрике, озираясь по сторонам.

— Этот юноша,— сказал аргентинец,— хочет поведать нам нечто ужасное. Не так ли? — обернулся он к юному дворянину.

— Напрасно вы улыбаетесь! — вспыхнул Антонио.— Я действительно приехал к вам с ужасной вестью, но я могу и не рассказывать ничего.

— Здравствуйте, Антонио. Конечно же, вы поступили, как настоящий друг,— поспешил разрядить обстановку Голдин.— Мы благодарим вас и обещаем очень серьезно отнестись к вашему сообщению.

Мы поздоровались.

— Оно будет коротким,— сказал юноша.— Вам известно, что ближайшей ночью его высочеству наследнику престола и другим дворянам предстоят поединки с посланцами Демона... Его высочество будет биться с темными силами в Белом зале дворца.

— Мы знаем это,— кивнул Голдин.

— Но вы не знаете, что час назад, войдя в Белый зал, его светлость герцог обнаружил на мраморном полу пятна. Это очень взволновало их величества и весь двор.

— Почему? — не понял я.

— Это очень дурное знамение! Вчера вечером пол Белого зала был чист. А стража клянется, что ночью никто в зал не входил и из него не выходил. Его величество был первым, кто вошел в зал со вчерашнего вечера.

— Значит, их вчера просто не заметили,— сказал Хорхе.

— Эти пятна нельзя было не заметить. Вдобавок они довольно свежие. Можно сказать, не пятна, а две небольшие лужицы.

— Так что же это за пятна, что особенного в этих лужицах? — не утерпел я.

— Это кровь,— ответил Антонио.— Человеческая кровь.

ГЛАВА 11

Признаюсь, при этих словах у меня мороз прошел по коже. Однако Голдин был спокоен.

— Откуда известно, что это человеческая кровь?

— Как откуда? — не понял Антонио. — Конечно, человеческая, чья же еще?

— Ну, разумеется, — шепнул мне Олег, — они ведь еще не умеют отличать кровь человека от крови животных.

— А может быть, кошка ночью затащила в зал пойманного голубя и съела его? — спросил он. — Может ли стража поклясться, что не только человек, но и ни одно живое существо не входило в Белый зал и не выходило из него за ночь?

— Может, — ответил Антонио. — Зал заперли после вчерашнего приема и отперли при его величестве. Ключи были только у отца.

— Зал всегда запирают на ночь? — спросил Голдин.

— Нет, это в первый раз. Но теперь, когда его отдают под музей, он будет запираться. Потому его величество и распорядился вчера начать запирать. Пусть-де и стража, и двор, и слуги привыкают... Нет, это точно дурное знаме-

ние! Отец Роберт так прямо и заявил: «Пускай земляне убираются восвояси! Демон недоволен их прилетом, он требует крови!»

— Так я и думал,— буркнул Голдин себе под нос.— А что говорят во дворце о втором корабле?

— Ничего особенного не говорят. Все решили, что Земля прислала вам помощников. А разве не так?

— Не так,— вдруг улыбнулся Голдин.— И на дурное знамение отца Роберта у нас есть свое, доброе знамение.

— О каком знамении ты говоришь? — толкнул я его локтем в бок.

— О том, которое душ принимает,— тихо ответил Грэг. И, повысив голос, обратился к Антонио: — Не правда ли, желанный гость всегда к добру?

— Да, так у нас издавна считают. Но кто же тогда прилетел?

— Сейчас увидишь.

И тут из душа появилось «доброе знамение», обмотанное махровым полотенцем. Антонио широко распахнул и без того огромные голубые глаза и обрадованно завопил:

— Мессир Кантона! Господин барон! Исцелитель его высочества! Господи Иисусе, как же рады вам будут во дворце!!!

Мне показалось, что Кантона сначала не узнал парня. Он слегка отшатнулся, взглянул на стоявшего рядом с ним Эрреру, потом снова повернулся к нашему гостю и догадался улыбнуться:

— Антонио, мальчик мой! Как я рад тебя снова видеть! Какие новости ты нам привез?

— Боюсь, что плохие, мессир барон. Впрочем, поспешиште во дворец. Спорю, что, увидев вас, его святейшество перестанет говорить об изгнании землян.

— Как вы теперь себя чувствуете? — спросил Кантона Олег.

— Благодарю, уже лучше. Значительно лучше... Я готов лететь с вами.

Мы немного опередили Антонио и вскоре приземлились на придворцовой площади, где уже ожидала большая толпа придворных. Были здесь и отец Роберт, и виконтесса Амелия, и, конечно же, рыцари Круглого стола.

Грег попросил Кантону не выходить из флаера до условного знака по рации, накрыл кабину полупрозрачным колпаком и первым спрыгнул на булыжники площади. Мы последовали за ним. И сразу оказались в центре возбужденной толпы.

Вперед выступил отец Роберт:

— Вновь спрашиваю я: зачем посланы вы к нам? И вновь один лишь ответ предо мною: на погибель нашу! Кто послал вас? И отвечаю: Демон Мести, враг рода человеческого! По мысли его посланы вы смутить умы людские сказками о небесных могущественных братьях. Но просчитался Гений Зла, послав нам знамение! Не сумятицу, но свет пролило оно в души наши. Ясно увидели мы ложь за пеленою ласковых речей, кровь за показанную щедростью подарков!

И мы говорим Демону: не верим тебе! Не верим, Искуситель! Мы говорим вам: уходите к хозяину своему! Уходите!

Худые руки, воздетые над длинной тощей фигурой, делали святого отца похожим на изваяние из черного мрамора. Его глаза горели ненавистью.

С ним было бесполезно спорить. И Голдин, почувствовав это, решил убеждатъ не того, кого убедить невозможно, а всех остальных.

— Я хотел бы узнать, что именно вы, ваше святейшество, считаете недобрым знамением.

— Ты прекрасно знаешь что, — возразил отец Роберт, разгадав намерения Грега. — Здесь не о чем спорить. Мы требуем: убирайтесь восвояси!

— Но, ваше святейшество, так ли уж будет достойно чести герцога выгонять тех, кого еще вчера принимали с почестями, не объяснив хотя бы причины таких разительных перемен?

— Мессир Голдин прав,— раздался вдруг звучный голос молодого наследника.— Приведите свои доводы, отец Роберт, и выслушайте противную сторону.

Мы и не заметили, как неразлучная пара принцев подошла со стороны сада. Вдали показалась и герцогская чета, окруженная почти таким же количеством придворных, какое стояло вокруг нас.

— Здравствуйте, ваши высочества,— вежливо поклонился Голдин наследнику престола и его кузену.— Благодарим вас за справедливое решение.

— Сегодня утром его величество обнаружил в Белом зале, на том месте, где грядущей ночью посланец Демона будет ждать его высочество для боя, пятна крови. Никто не мог оставить эти пятна ночью. Вечером их не было. Это ль не знамение? Это ли не свидетельство того, что Демон недоволен вашим прибытием и возжаждал крови?!

Человеческой крови!

— Ответьте, мессир Голдин,— приказал принц Андрэ.

— С удовольствием, ваше высочество,— улыбнулся Грег.— Я мог бы сказать вам, ваше святейшество, что кровь эта, к примеру, не что иное, как останки голубя, съеденного кошкой...

— Там слишком много крови для голубя,— прервал его отец Роберт.— Это несомненно человеческая кровь!

— ...но я не собираюсь спорить с тем, что это может быть знамением. Пусть будет так, но почему вы считаете этот знак непременно дурным предзнаменованием?

— Да ведь Демон требует крови его высочества! — закричал святой отец.

— А если Демон, напротив, заранее признает таким образом свое поражение? Разве не проще предположить, что это кровь противника его высочества?

— Разве может Демон чего-либо испугаться, как простой смертный? Нет, воистину бесполезны ваши увертки перед волею неба!

— Кроме того, ваше святейшество грешит перед логикой. Если мы действительно являемся посланцами темных сил, как вы утверждаете, то почему Демон недоволен нашим визитом? Если же, согласно вашим словам, он послал землян смущать лживыми речами умы доригианцев, то не лучше ли ему не торопиться и подождать, пока эти речи не возымеют действие? Так поступил бы любой умный человек, а уж тем более Демон Зла. Но нет — он торопится и посыпает дурное знамение, снижая тем самым эффект наших речей. Зачем же Демону действовать во вред самому себе?

— Коварство его безгранично! Он предчувствует победу и заранее торжествует,— упорствовал отец Роберт.— Это дурной знак, что бы вы ни говорили.

— И все-таки это — доброе знамение,— не уступал и Голдин.— И сейчас я докажу это.

Он повернулся к принцам и сделал паузу. Дождавшись полной тишины, он продолжал:

— Вы, ваше высочество, говорили вчера, что хотели бы видеть своим гостем еще одного человека, не так ли? Кого именно, ваше высочество?

— Мессира барона Рене де Кантона,— пожал плечами Андрэ.

— И, волею случая или Провидения, ваше желание исполнилось! Это ли не добрый знак перед боем с посланцем Демона?! Мессир барон Рене де Кантона, его высочество ждет вас! — незаметно включив рацию, выкрикнул Голдин.

Да, появление Кантоны было преподнесено весьма эффектно! Отец Роберт разом оказался повержен. Космогеолог, откинув полупрозрачный колпак кабины флаера, вылез на крыло и спрыгнул прямо к нам. Он глядел по сторонам, словно не видел устремившегося к нему принца.

— Исцелитель принца, спаситель его высочества,— пронесся шепот придворных.

Через секунду Кантона исчез в объятиях наследника.

— Мессир Рене! Какая приятная неожиданность,— растроганно вопил принц.

Полузадохнувшийся космогеолог в перерывах между знаками столь сильной признательности только успевал повторять:

— Но ведь я говорил вам, ваше высочество, что обязательно вернусь сюда!

Затем Кантона перекочевал в объятия Лионеля, который пообещал завтра же устроить в его честь состязания арбалетчиков и охоту на уток.

Наконец Кантона, тепло поздравленный с прибытием на Тефису их величествами, возвратился в наши ряды.

— Теперь мне не страшен никакой противник! — шумно ликовал Андрэ.— Я уверен в победе над посланцами сил Зла!

А я вспомнил о главном событии сегодняшнего дня. Через час или два всем нам предстояло удивительное зрелище — рыцарский турнир!

ГЛАВА 12

И вот мы на турнире. Все это время, пока на огромной поляне за дворцом герцога Александра, где вчера состязались стрелки из арбалета, устанавливались палатки желающих принять участие в турнире, я вспоминал прочитанные в детстве увлекательные книги.

Мог ли я еще неделю назад представить себе, что увижу настоящий средневековый рыцарский турнир, да еще в тысячах световых лет от Земли!

Вскоре все палатки были расставлены. Вежливо имея на них «шатрами», герольды нацепили над входом в каждую гербы. Пожалуй, все пока напоминало скорее игру в турнир, чем настоящее рыцарское состязание.

Одна из длинных сторон прямоугольной части поляны, огражденная веревкой с флагами, натянутой на колышках в метр высотой, была превращена в трибуну. Здесь разместились зрители попроще и победнее. На другой стороне стояли кресла для самых знатных гостей. Тут был герцог Александр, герцогиня Эрнестина, леди Амелия и ее отец — граф Родерик, а также Вилан, Жоли, Паули — весь кабинет министров. Тут же были поставлены кресла и для нас.

Наконец, все было готово к началу праздника. Его святейшество, выйдя на середину поляны, благословил участников поединков и зрителей. Затем по знаку герцога вперед выступили два пажа с рожками. Потрубив в них, юноши уступили место первому рыцарю.

Из своей па... простите, из своего шатра вышел сэр Галахэд с мечом в руках, вскочил на вороного коня и молодецки прогарцевал перед их величествами, а потом и перед трибуной. После сеанса верховой езды грозный рыцарь подъехал к одному из шатров и громогласно объявил:

— Сэр Гарет! Вызываю вас на бой для усадьбы смелых сердец, развлечения высоких особ, наблюдающих за нами, и во славу прекрасных дам, ободряющих нас своими взглядами!

Услышав этот своеобразный вызов, я наклонился к своему соседу:

— Скажите, ваше высочество, что означает такая форма вызова?

— Только что победителем станет тот, кто усидит в седле, сбросив при этом противника при сражении копьями, либо тот, кто заставит противника сдаться, выбив из его рук меч, как в данном случае. Это — рыцарская потеха.

— А есть ли другие формы поединков?

— Возможна рыцарская дуэль — до первой раны, но это бывает очень редко, лишь в случае тяжкой обиды или оскорбления.

— А еще? — настаивал я, чувствуя, что это не все.

— Может быть и поединок не на жизнь, а на смерть. На моей памяти таких не было. Не правда ли, нынешнее рыцарство оскудело умом, сердцем и руками? — неожиданно повысив голос, закончил вопросом Лионель.

Именно в этот момент рыцарь-бард проезжал мимо наших кресел. Он вздрогнул в седле, но сдержался и лишь надменно посмотрел на меня.

— Так вы согласны со мной, мессир Моррис? — повторил Лионель, совсем отвернувшись от арены.

Я покал плечами, хотя, глядя на сэра Галахэда, готов был согласиться.

А на поляне уже появился сэр Гарет. Его серебристые латы, сверкающая кольчуга и белая лошадь составляли полный контраст облачению противника.

Рыцари разъехались по разным концам поляны и по сигналу рожка бросились навстречу друг другу. Почти в центре зеленой арены они схватились, и начался бой.

Выглянувшее солнце словно вдохновляло бойцов, а приветственные крики публики уделяяли их силы. После короткой схватки рыцари разъехались на два десятка метров и снова кинулись друг на друга. Постепенно наш певец стал теснить соперника и после особенно сильного удара щит сэра Гарета раскололся пополам.

Мгновенно его величество поднял руку. Противники тут же опустили оружие и поклонились герцогу и публике. Победитель получил букет от герцогини, меч от побежденного, бросил пламенный взгляд на брюнетку в голубом платье и отъехал в центр поляны. Побежденный занял место среди зрителей.

— Остальные еще хуже, — меланхолично прокомментировал Лионель.

После короткого отдыха сэр Галахэд вызвал сэра Ланселота и одолел его. Третий его поединок — с сэром Персивалем — был еще короче.

Прошло не менее двух часов. Стало по-настоящему жарко. Утирая пот с лица, я чаще смотрел на леди Амелию, чем на арену. Возможно, поэтому я не сразу обратил внимание на то, что Трикс неожиданно исчез. Зато

появление его было эффектным. В женской шляпе, с букетом ромашек в руках шут прошествовал вдоль кресел и, потупив глаза, обратился к наследнику престола:

— Ваше высочество, позвольте скромной леди выразить движение пылкой души!

Все захохотали. Андрэ, вытирая слезы, кивнул шуту:

— Пожалуйста, леди Триксина, действуйте, как подсказывает вам сердце.

Шут сделал вежливый реверанс, достал откуда-то голубую ленту, нацепил ее на шляпу, подпоясался голубым передником и побежал к сэру Галахэду.

Все это продолжалось всего пару мгновений, и я успел лишь подумать, что шутка становится чересчур злой, а Трикс со своим букетом был уже возле рыцаря-барда. Лицо Галахэда искривилось, копьем он отшвырнул Трикса и поскакал к нам. Сердце мое забилось чаще: люблю, когда на меня набрасываются громилы, совершенно не знакомые с боксом!

Но вопреки ожиданиям сэр Галахэд сумел сдержаться. Он приостановил коня, а затем, изменив первоначальное намерение, поскакал прямо ко мне. Остановившись около меня, он заставил свою лошадь упасть на передние ноги, церемонно поклонился и произнес формулу вызова на рыцарскую потеху:

— Сэр Моррис! Вызываю вас на бой ради услады смелых сердец, развлечения высоких особ и во славу прекрасных дам!

Несмотря на волнение, я не мог не почувствовать уважения к благородству своего противника. Будучи уверенным в победе, он тем не менее не хотел проливать кровь гостя.

Я повернулся к Голдину. Тот кивнул на мой рукав. Такой вариант меня вполне устраивал. И сотне галахэдов

было бы не под силу пробить самое слабое поле моего костюма.

— Мне нужны копье и конь! — вставая, произнес я.

— А кольчуга, а латы? — наперебой заговорили окружающие нас доригианцы. — Как вы сможете противостоять ударам копья без доспехов?

— Мой костюм заменит их, — сказал я. — Кто даст мне копье?

— Возьми, — протянул мне свое оружие принц Андрэ. — Это копье победителя.

Теперь уже было не до придворного политеса, и я, достав вчерашнюю ленту, привязал ее к древку копья. Лента была белая, но все присутствовавшие поняли мой жест. Леди Амелия улыбнулась нам с моим противником, я вскочил на подведенного скакуна и поскакал в дальний конец поляны.

Опустив копье, мы стояли, глядя друг на друга. Руки мои предательски дрожали.

Герцог хлопнул в ладоши. Мы поприветствовали друг друга поднятием копий, и поединок начался.

Я решил все-таки не пользоваться пистолетом, опасаясь за здоровье соперника. На самом слабом режиме поле пружинило, как хорошая резина. Поэтому я скакал навстречу Галахэду, не опуская копья, и в последний момент закрылся от удара щитом.

Самого удара, я, естественно, не почувствовал, зато сэра Галахэда реакцией поля выбросило из седла.

Раздались рукоплескания. Мой противник, отряхнувшись, взобрался в седло, поклонился мне и, отдав копье, поехал в свой шатер. Я поклонился публике и собирался уже вернуться на свое место, считая представление оконченным. Но я ошибался.

Сэр Галахэд вышел из своего шатра уже с красной мантией за плечами, демонстративно сменил султан

лошади на желтый и поехал ко мне. Я остался сидеть верхом, видя его приготовления.

— Сэр Моррис, победивший в честной схватке! — торжественно произнес сэр Галахэд. — Никто не смеет отныне оспаривать ваше мужество и доблесть. Вы доказали их. Теперь побежденный — ваш пленник. Однако, будучи освобожден вами, я вновь вызову вас на поединок. Желаете ли вы получить выкуп — деньгами или оружием — теперь же или завтра утром?

— Мне не нужно выкупа. Я дарую вам свободу теперь же, — ответил я.

— Тогда, благородный сэр Моррис, я вызываю вас на поединок, ибо оскорблен вами! Пусть кровь побежденного рассудит нас, как подобает это благородным рыцарям.

— Я запрещаю рыцарскую дуэль! — неожиданно раздался голос его величества. — Сегодня праздник! Сэр Моррис мой гость!

— Простите, ваше величество, но рыцарский кодекс чести не позволяет даже вам сделать это, если сэр Моррис согласен драться, — возразил мой соперник.

Герцог в досаде махнул рукой и снова сел.

Я повернулся к сэру Галахэду.

— Ваш вызов принят, благородный сэр. Мы прекратим бой лишь тогда, когда один из нас не сможет продолжать его.

Сэр Галахэд, не говоря ни слова, повернулся к коню и поехал в свой угол поляны. Я последовал его примеру, чуть усилив действие пистолета. Его должно было хватить на то, чтобы сэр Галахэд минут на десять позабыл обо всем суетном...

Все окончилось очень быстро. Когда сэр Галахэд оказался в трех или четырех метрах от меня, я на полном скаку наклонил копье и одновременно выстрелил.

ШЛЕМ ЛЕГИОНЕРА

Лошадь моего противника проскакала мимо, а сам он вылетел из седла и остался лежать на траве. Его слуги, видя, что хозяин лежит без движения, бросились к нему. Я остался в седле.

— Он жив, сердце его бьется! — воскликнул один из слуг.

Слуги унесли сэра Галахэда, так и не пришедшего в сознание, в шатер, а я объехал всех зрителей, раздавая воздушные поцелуи.

Наконец, я вернулся к своему месту. Герцог, а за ним Андрэ пожали мне руку, поздравив с успехом. Лионель дружески похлопал меня по спине, леди Амелия, опустив глаза, тоже поздравила, божественно при этом покраснев.

И только чуть-чуть отойдя от радостного возбуждения, вспомнил я слова, что шепнул мне на ухо Лионель:

— Хотел бы я знать, как вы умудрились дважды выуть из седла одного из сильнейших рыцарей герцогства, так ни разу и не дотронувшись до него!

ГЛАВА 13

Должен сказать, что хотя у Грэга и имелся повод для очередной нотации, он этого делать не стал. Когда все мы собрались после турнира в его апартаментах, Голдин сказал только:

- Давайте теперь думать, что делать дальше.
- Не вижу причин для беспокойства,— сказал Эррера.— Дональду был брошен вызов, он принял его и победил. По-моему, все в порядке.
- А по-моему, мы с самого начала восстановили против себя служителей религии....— начал Голдин.
- Служителя,— поправил его я.— Одного.
- Хорошо, служителя, хотя хорошего мало,— согласился Грэг.— Мы знаем всего одного священника, и этот единственный,— кстати, главный из доригианских служителей церкви — уже настроен враждебно... А теперь, боюсь, у нас появилась целая группа недругов из числа дворянства.
- Не согласен. Дональд держался достойно и в глазах непредубежденных дворян выглядел так, как нужно. А предубежденных так быстро все равно не переубедишь,— снова заступился за меня Хорхе.— Здесь иная

шкала ценностей. Не думаю, что сэру Галахэду кто-нибудь сочувствует как побежденному. Кроме того, он сам вызвал Морриса. И не забывайте, что Галахэд многие годы никому не проигрывал. Уже только поэтому победа Дональда вызовет ликовение в стане многочисленных завистников рыцаря-барда и среди тех, кто был побежден им.

— Хорошенькую же ты мне сулишь компанию,— поморщился я.

— Причем здесь компания... Я только объясняю, что твоя победа отнюдь не уменьшила число наших сторонников.

— И что же делать дальше? — спросил Голдин.

— Ничего особенного. Все шло и идет нормально. Пусть Дон учится куртуазному искусству. Надо делать вид, что ничего особенного не произошло. Потому что если мы вдруг начнем придавать излишнее значение итогам турнира, то есть поступать не так, как предписывает местный кодекс правил поведения, то лишь подчеркнем разницу между собой и доригианцами. Будем же вести себя как ни в чем не бывало!

— А вы, Рене, как считаете? — спросил Грег.

— Я считаю, что перед балом нам всем необходимо отдохнуть,— напомнил Кантона.

— Верно,— спохватился Голдин.— Соберемся здесь в шесть.

Все разошлись по апартаментам. Я остался с Грегом и рассказал ему о глазастом герцогском племяннике.

— Ничего страшного,— отмахнулся Грег.— Лионель меня сейчас мало беспокоит...

— Но он заметил, что я воспользовался силовым полем...

— Ну и что? Он и раньше знал, что мы многое умеем... Меня беспокоит совсем другой человек... Иди лучше отдохни.

Надо же, «другой» его больше беспокоит... Ладно, «другой» пойдет отдыхать...

...Главный — Голубой — зал дворца, такой же по размерам, как и Белый, выглядел куда наряднее. Голубые колонны венчала позолоченная лепка. Роспись на сводах была значительно ярче и богаче.

Пожалуй, здесь было сотни полторы, а то и две дворян. Вдоль стен были расставлены и накрыты два огромных стола. На возвышении стоял стол поменьше, персон на тридцать. Очевидно, здесь было наше место.

Пока я принимал очередную порцию поздравлений, а Эррера и Сергеевсыпали нескользких придворных дам комплиментами, в зале появилось двенадцать рыцарей Круглого стола. Все они были в полном боевом облачении, с мечами.

— Готов поспорить,— шепнул мне Хорхе,— что твоя сегодняшняя победа будет отмечена.

Глазами я отыскал сэра Галахэда. Он держался спокойно, но казался бледнее обычного. Я вопросительно посмотрел на Голдина. Грег понял мои намерения и кивнул. Я подошел к своему сопернику:

— Надеюсь, благородный сэр Галахэд, вы простили мне обиду, которую я невольно нанес вам вчера. Мне хочется, чтобы между нами не было никаких неясностей и недоразумений. Как вы себя чувствуете?

— Благодарю вас, мессир Morris, прекрасно. Я был неловок сегодня и получил хороший урок. Надеюсь, его величество сегодня же назначит сумму выкупа... Что же до обид, то после дуэли их может помнить лишь неотесанная деревенщина. Надеюсь, таковым меня не считает никто!

— Разумеется, никто,— поспешил я уверить сэра Галахэда.— Ваша куртуазность, как я слышал, вошла в поговорку.

В это время дверь, ведущая во внутренние покои Башни Жизни, отворилась. Появился глашатай.

— Его величество великий герцог Доригиана Александр XXXIV! Ее величество герцогиня Эрнестина! Его высочество наследник престола принц Андрэ! Его высочество принц Лионель!

Музыканты грянули торжественную мелодию. В зал вошел герцог под руку с герцогиней. За ними — Андрэ и немного сзади — Лионель. Придворные склонились в низком поклоне. Мы тоже поклонились. За семьей герцога следовали министры.

Выходя на середину зала, герцог остановился. Вилан подал ему свиток, перевязанный лентой с красной сургучной печатью. Мгновенно в зале воцарилась тишина.

— Мессир Дональд Моррис! — произнес герцог, строго глядя на меня.

Я сделал два шага вперед и поклонился герцогу, а потом — придворным.

— В сегодняшнем состязании ты показал себя сильным и отважным рыцарем. Ты вел бой благородно и по праву победил. В ознаменование этого жалую тебе титул рыцаря и грамоту на дворянство. Отныне всякий должен именовать тебя не иначе как «сэр Моррис».

Среди придворных раздались рукоплескания.

— Подойди же сюда и опустись на одно колено, дабы я мог посвятить тебя в рыцарство и вручить тебе грамоту и еще один наш подарок: этот меч!

Несколько ошеломленный водопадом милостей, я подошел к его величеству и опустился на одно колено. Герцогу подали меч. Он держал его на ладонях над моей головой. Не зная церемонии, я ждал, что кто-нибудь подскажет мне, что делать дальше.

Но не дождался. Тогда я поднял голову.

Герцог, приоткрыв рот, глядел куда-то за мою спину. Меч со звоном выпал из его рук. Если бы я не уклонился, он, падая, отрубил бы мне ухо. Но герцог даже не заметил этого. Его лицо выражало страх и изумление.

Внезапно яркий свет в зале ослабел. Стало сумрачно. Послышалось странное шипенье.

В толпе раздались крики ужаса. Я наконец догадался обернуться и тоже невольно закричал. И было от чего!

Словно какой-то гигант-невидимка водил огромным пером по дальней от нас стене! На ней сами собой возникали слова — светящиеся, непонятные, таинственные слова: М Е Н Э, Т Э К Е Л, Ф А Р Е С.

Придворные дамы группами падали в обморок. Их кавалеры крестились и визжали.

Началась давка. Людское море отхлынуло от дальней стены. Слова, пылающие, словно узоры фейерверка, отделились от мрамора. Разрастаясь, они поплыли на самую середину Голубого зала...

Единый стон разнесся по огромной комнате. Слова вспыхнули настоящим огнем и загорелись. Стало жарко. Буква за буквой сгорали они в этом адском пламени, пока не исчезли...

Все продолжалось, видимо, не больше минуты. Но какие ужасные последствия имело это событие!

Когда свет снова стал ярким, я огляделся. Герцог безостановочно осенял себя крестным знамением. Герцогиня упала на руки сыну. Принц Лионель дрожащей рукой вытирал внезапно вспотевший лоб. Потрясены были все, и мы — земляне — не меньше остальных.

Постепенно все немного пришли в себя и успокоились. Страшное знамение исчезло без следа.

Я поспешил к леди Амелии, полулежавшей на руках у Антонио. Она была в глубоком обмороке. С помощью

ШЛЕМ ЛЕГИОНЕРА

Олега я привел прекрасную даму в себя. Смачивая виски Амелии водой, Олег шепнул:

— Бедный отец Роберт! Ох и пожалеет же он, что предпочел молитвы присутствию на балу. Теперь-то ему не пришлось бы доказывать герцогу нашу связь с Демоном!

— Боюсь, что и без отца Роберта нам сейчас придется тут,— ответил я.

Мой меч — знак рыцарского достоинства — все еще лежал в центре зала. Я подошел к семье герцога, поднял меч, а затем осведомился у его величества о самочувствии герцогини. Герцог кивнул на придворного врача Мало:

— По его словам, ничего страшного... — Тут он пытливо посмотрел на меня.— Сэр Моррис, можете ли вы объяснить мне то, что мы с вами только что видели?

Я решил, что раз уж совсем избежать ответа не удается, лучше не уклоняться от него:

— Ваше величество, самые ученые из нас уже говорили, что и наши знания не беспредельны. Но если такое объяснение существует — а иначе быть не может! — и если оно доступно нашему сегодняшнему пониманию природы, ручаюсь вам: оно будет найдено!

Его величество вздохнул:

— Возможно, вы правы. Но мне все же не очень хочется, чтобы его высочество отправлялся в Белый зал. К тому же, эти кровавые пятна...

— О, ваше величество! — улыбнулся я.— Если герцогству что-либо и угрожает, то едва ли угроза таится в Белом зале... Вы спокойно можете отпустить принца!

Как же я пожалел потом об этих словах!

ГЛАВА 14

После некоторого замешательства торжества продолжились. Мы заняли места за столом на возвышении. Герцогская чета сидела во главе стола, рядом с его величеством — принц Андрэ, рядом с ее величеством — принц Лионель.

За нашим столом кроме землян сидели министры, рыцари Круглого стола и конечно же — прекрасные дамы.

Придворные в зале уже освоились и выпили по несколько бокалов доригианского вина. Языки развязались, начались громкие споры, кто-то подпевал музикантам. Десятка два пар танцевали.

А у нас общий разговор не клеился. Будто сговорившись между собой, присутствующие старались не вспоминать об ужасном знамении, но забыть о нем хотя бы на время, по-видимому, никто не мог.

Впрочем, лишь однажды, когда часы на Башне Смерти пробили полночь, это внутреннее напряжение прорвалось наружу. С двенадцатым ударом принц Андрэ встал, и за ним встали девять из двенадцати рыцарей Круглого стола и шесть рыцарей из числа придворных. И тут же поднялась герцогиня.

— Сын мой! Вы не можете сегодня покинуть свою мать, столь потрясенную огненным знамением Демона! Оно сулит вам несчастье! Останьтесь здесь, подле меня!

Но Андрэ остался глух к ее мольбе.

— Нет, ваше величество, именно теперь я не могу остаться рядом с вами. Кроме сыновнего долга, у меня есть долг защитника дворянской чести и долг верующего. Если меня рядом с вами могут заменить мой отец и мой брат, то кто заменит меня в Белом зале?!

— Он прав,— вмешался герцог.— Его титул накладывает определенные обязанности... И я на его месте поступил бы так же.

— И я,— сказал побледневший Лионель. Потом тихо добавил:

— Что бы ни случилось, а задуманное надо выполнить!

Дворяне ушли к местам своих дежурств, к местам прегрешений далеких предков.

Общее веселье продолжалось. Впрочем, «веселье» это было весьма относительным...

Около половины первого все мы, за исключением герцога и герцогини, а также нескольких пожилых придворных, вышли из-за стола. По программе за обедом следовали танцы. На наше счастье БГИ выдал нам кое-какие сведения по основным фигурам.

После первых трех фигур кавалеры поменялись партнёрами, и юная виконтесса оказалась напротив меня. Каюсь, я предусмотрительно позаботился об этом заранее. Сэр Галахэд наблюдал за нами с расстояния в несколько шагов. Он танцевал с какой-то дамой бальзаковского возраста.

Разумеется, доригианский танец, где — как максимум — рука кавалера касается ручки дамы, никак не мог оскорбить чувства рыцаря-барда, но сам факт, само

сознание, что леди Амелия танцует с более удачливым соперником, были для него непереносимы.

Посреди танца сэр Галахэд вдруг поклонился своей dame и, коротко взглянув на нас, вышел из ряда кавалеров. Обойдя нас, он под ропот придворных присоединился к сидящим за главным столом. Столь явное пренебрежение приличиями не могло не лишить — и лишило — сэра Галахэда остатков сочувствия двора.

Прошло еще два часа. После того как часы на Башне Смерти пробили три раза, гости начали разъезжаться. Перед рассветом в огромном зале осталось не больше двух десятков человек. Все они сидели за нашим столом.

Наступило самое удачное время для разговоров о том, что нас, землян, интересовало больше всего: об «удалениях» и той таинственной силе, что столь неожиданно проявила себя несколько часов назад. Но я не знал, как к такому разговору подступиться.

Для начала я решил объединить всех сидящих за столом, для чего предложил тост за присутствующих дам. Меня поддержал Эррера, с энтузиазмом принявшийся развивать тему. Затем встал Лионель.

— К сожалению, мы становимся свидетелями того, как мельчают рыцари, как оскудевает рыцарство. Нет уже и воспоминаний о славных подвигах прежних времен! Я хочу поднять тост за возрождение рыцарской традиции!

После того как чаши были выпиты, со своего места поднялся сэр Галахэд.

— Ваше величество! Его высочество лишний, — он специально подчеркнул последнее слово, — раз напомнил о моем долге сэру Моррису. Я постараюсь отдать этот долг. Я умоляю ваше величество теперь же назначить сумму моего выкупа!

— Вы так спешите? — удивился герцог. — Я полагал сделать это завтра.

— Это — долг чести. Ведь я до сих пор пленник сэра Морриса. И до выплаты своего долга не могу чувствовать себя свободным.

— Что же... Пусть будет по-вашему. Сумма вашего выкупа — десять тысяч золотых.

— Такая сумма несколько затруднительна, не так ли, сэр Галахэд? Не нужна ли моя помощь? — любезно осведомился Трикс, стащив с головы Лионеля корону.

— Спасибо, ваше высочество, в этом нет необходимости, — не смутившись, ответил ему рыцарь-бард. Все засмеялись. Он продолжал:

— Хотя сумма достаточно велика, я прошу у ваших величеств разрешения немедленно удалиться за выкупом в свои покой.

Герцог кивнул. Сэр Галахэд схватил со стены один из факелов и почти бегом кинулся из зала за деньгами.

Лионель тем временем стал рассказывать довольно забавную историю о своем первом рыцарском турнире. История была весьма запутанная, и закончить ее принц не успел. В дверях показался рыцарь-бард. В полном боевом облачении, с двумя маленькими позякивающими мешочками. Подойдя ко мне, он опустился на одно колено и протянул эти мешочки.

— Здесь ровно десять тысяч, сэр Моррис. Примите их как знак мира между нами.

Я встал со стула и с поклоном принял эти деньги. Тут же возле меня оказался Трикс:

— Сэр Моррис, следующий ваш бой со мной. Надеюсь, мой кум Александр установит вам ту же сумму выкупа!

— У тебя же нет коня, дурак! — захохотал Лионель.

— Но разве вам не известно, что шуты ездят на свиньях? — надменно ответил Трикс и состроил уморительную рожу.

— А панцирь, латы, оружие? Погляди, во что облачен сэр Галахэд. Наконец, ты не умеешь петь! А хорошая песня — самое главное для рыцаря. Не так ли, сэр Галахэд? — повернулся Лионель к моему сопернику.

Вместо ответа сэр Галахэд запел.

Я в первый раз слушал его пение. Оно было прекрасно. Он пел какую-то древнюю балладу о любви — протяжную и очень мелодичную.

Все мы внимали ему с наслаждением, а музыканты, начиная со второго куплета, негромко аккомпанировали. Баллада была длинная, но это мы осознали уже после того, как сэр Галахэд закончил петь.

За окном посветлело. Кто-то предложил всей компании выйти на улицу. Герцог и герцогиня отказались. Мы с Лионелем, Грег, Вилан и Кантона также остались на месте.

— Скоро шесть, — глядя в окно, сказал герцог. — Вот-вот придет Андрэ, и окончится эта долгая ночь...

— А где, кстати, слуги? — вспомнил Лионель. — У меня появилась отличная идея!.. Впрочем, лучше мы это сделаем сами... Вы поможете мне, сэр Моррис?

— Разумеется, ваше высочество, — поклонился я. — Что я должен делать?

— Мы с вами пойдем в самый лучший подвал его величества за самым лучшим доригианским вином. Когда вернется мой брат, ему будет приятно выпить бутылку... Вы позволите принести пару десятков бутылок, ваше величество?

— Идите, Лионель, — согласился герцог. — Андрэ действительно будет приятно выпить этого вина после бессонной ночи.

Мы поклонились, взяли по факелу и вышли из зала. Следом за нами вышел и первый министр.

Из коридора мы с Лионелем попали на винтовую лестницу, а по ней спустились в подземную галерею, где факелы пришлись весьма кстати. По этой галерее, несколько раз повернув, мы прошли до двери в подвал.

Здесь принц остановился.

— Сам подвал невелик, но бочки и бутылки расставлены так, что между ними очень узкие и извилистые проходы. Просто какой-то винный лабиринт... Постойте здесь с факелом, и я по его отсветам на потолке увижу, где выход. Это займет всего три-четыре минуты. Поскучайте, мой друг, без меня! — С этими словами принц неторопливо спустился по ступенькам в сам подвал.

— Каких здесь только вин нет,— раздался через несколько секунд громкий голос Лионеля, подхваченный эхом.— Исторические бочки! Вот из этой, кажется... нет, скорее из этой... да-да, именно из этой бочки мой предок — Александр XXX — угощал еретиков-патрисианцев... А бутылкой из этого ряда был отправлен великому ченик — святой отец Игнасио... Разумеется, перед этим в бутылку кое-что добавляли...

— Вы хорошо знаете историю герцогства? — так же громко спросил я.

— Неплохо. Нам с братом ее преподавал придворный наставник... А вот, кажется, и искомые бутылки... Это замечательное вино! Оно достойно быть поданным победителю в жестоком бою с посланцем Демона,— саркастически заметил принц.

— Вы, похоже, ваше высочество, не слишком верите в существование Демона? — осторожно поинтересовался я.

Послышался звон разбитой бутылки.

— Ах, Демон меня побери, расколошматил-таки! — воскликнул Лионель со странной интонацией. Я не

решился задать свой вопрос еще раз. Но Лионель все же ответил:

— Мой брат, используя ваше выражение, тоже не слишком верит в него... Дань условностям, всего лишь. Старший из наследников рода, если он достиг восемнадцати и посвящен в рыцари, должен участвовать в ежегодном спектакле... Ну вот и все... Я иду к вам.

Отблеск факела его высочества на потолке действительно двинулся ко мне.

— Оставлю-ка я свой факел на стене,— сказал совсем рядом Лионель.— Вот так. Пусть горит. Погаснет сам...

— Он не сожжет вам подвал?

— Это исключено.

Через секунду принц появился, держа в обеих руках и прижимая локтями к бокам огромное количество небольших темных бутылок.

Притворив ногой дверь, он кивнул мне.

— Пойдемте. Это вино мы разопьем ровно в шесть, когда придет Андрэ.

Я предложил свою помощь, и он передал мне половину бутылок.

К нашему приходу все общество уже расселось за столом. Вино и нас встретили аплодисментами.

— Этому благородному напитку уже 14 лет,— сказал герцог, едва пробило шесть.— Выпьем же за здоровье моего сына!

— Пусть и он выпьет с нами,— предложил Лионель. И, не дожидаясь ответа, хлопнул в ладоши.

— Вот бутылка,— сказал он подскочившему слуге.— Ступай навстречу его высочеству, отдай ему эту бутылку и скажи, что мы пьем за его здоровье. Да смотри, беги быстрее, уже шесть. Может, он не слышал боя часов?

Слуга выбежал. Мы подняли свои чаши.

ШЛЕМ ЛЕГИОНЕРА

— За моего сына! — повторил герцог. Мы стоя выпили.

— Я хотел бы предложить еще один тост, — сказал Вильян, когда мы уселись. — Я хочу выпить за дружбу Дориана и Земли, за нашу дружбу!

— За наше общее будущее, — добавил Голдин.

Дальше мы пили за здоровье герцогини, Лионеля, барона де Кантона...

— Пора бы уже появиться брату, — негромко сказал Лионель.

И в этот момент в коридоре раздался топот множества ног, а затем в дверях зала появился слуга. Злополучная бутылка все еще была в его руках. Из-за его спины выглядывали взволнованные стражники.

Все посмотрели на них.

— Его высочество... кажется, мертв, — запинаясь, произнес слуга.

ГЛАВА 15

— Невероятно,— с усилием произнес герцог.— Неважели это...

— Рассказывай! — приказал слуге Лионель.

— Я, как ваше высочество приказали, поспешил на встречу его высочеству... Дошел до двери в Белый зал...

— Встретили кого-нибудь по дороге? — вмешался Грег.

— Да, сэр. Вот их.— Слуга кивнул за спину, где толпились стражники.

— Что дальше? — напомнил о себе герцог.

— Поскольку уже давно пробило шесть, я подумал, что его высочество за размышлениями не слышал боя часов... И хотел предупредить его высочество... Посоветовался с господином капитаном. Господин капитан... одобрил мое намерение... Мы вместе постучали в дверь... Громко постучали, ваше величество... Потом еще раз... Потом господин капитан отворили двери... И мы увидели его высочество... Он лежал... лежит... ничком, а в спине у него — черная стрела с черным оперением, ваше величество!

— Цвета Демона Мщения! — вскрикнула леди Амелия. Все дамы завизжали.

— Тогда мы побежали сюда,— закончил рассказ слуга,— и вот мы здесь.

— А там кто-нибудь остался? — спросил Голдин капитана.

— Один из стражников стоит на повороте. Дверь ему видно, но ближе подходить он боится.— И Демон меня побери, если я решусь упрекнуть его!

— Значит, никто не входил в зал,— сказал Голдин.— Но может быть, принц еще жив... Надо бежать туда!

И мы побежали — герцог, Лионель, Вилан и все земляне.

Оставшийся на повороте стражник все-таки пересилил ужас и стоял уже у самой двери, не решаясь, впрочем, заглянуть в нее. Оттолкнув его, герцог первым вбежал в Белый зал.

Андрэ лежал метрах в десяти от двери и в двух от левой стены, почти перпендикулярно ей.

Олег подбежал к нему и, взяв руку, послушал пульс.

— Есть! — улыбнулся он.— Слабый, но есть! Он жив, ваше величество!

Герцог молитвенно сложил ладони и благодарно обратил свой взор к небесам. То же самое, но не складывая ладони, зачем-то сделал Грэг. С минуту он внимательно изучал потолок. Затем хмыкнул, посмотрел на меня, на тефисийцев и пожал плечами.

— Демон ваш или очень небрежен, или...

— Или это не Демон,— закончил мысль Грэга Вилан.— Ваше величество, это дело требует расследования! Я прошу вашего соизволения.

— Расследуйте,— медленно сказал герцог.— И если это сделали руки человека, найдите мне эти руки. Вам нужна будет помошь...

— Ваше величество, у меня есть небольшой опыт в подобных делах,— заметил Грэг.— Если ваше величество не против...

— Разумеется,— впервые улыбнулся какой-то нерешительной улыбкой герцог.— Я буду вам очень благодарен, сэр Голдин. Граф,— обратился он к Вилану,— вы и сэр Голдин получаете чрезвычайные полномочия...

Олег, тем временем, уже вытащил стрелу из тела принца, отбросил ее, остановил кровь, хлынувшую из раны, и принялся колдовать над ней. Эррера, герцог и Лионель тоже склонились над раненным принцем. Мы с Кантоной подошли к новоиспеченной следовательской бригаде.

Вилан поднял арбалет принца и с удивлением произнес:

— А ведь его высочество стрелял в кого-то!

— Где же тогда стрела? — спросил я.

Мы принялись искать стрелу.

— Нашел! — закричал через минуту от самого дальнего правого окна Рене, держа в руках какой-то обломок.

— Но у нее нет острия! — удивился Грег.

В самом деле, древко у самого начала острия было разрублено, точно масло ножом.

Причем секущая плоскость располагалась не перпендикулярно, а под небольшим углом к древку.

— Какой ровный срез,— заметил Вилан.

— А где же острие? — снова спросил Грег. И сам себе ответил: — Только в теле убийцы. Но тогда почему нет пятен крови?

— А ведь они были! — сказал Вилан.— На этом самом месте. Но их стерли. Вчера утром.

— Вы имеете в виду вчерашние пятна, которые сочли предзнаменованием? — уточнил Грег.

— Именно, сэр Голдин.

— Странно, конечно. Но это, безусловно, совпадение... А вот почему сегодня стерли пятна, но оставили на месте обрубок стрелы... Зачем вообще ее рубили?.. Чепуха получается... Давайте продолжим осмотр зала.

Но больше ничего ни мне, ни всем остальным найти не удалось. Зал был пуст.

Вилан подошел к свече, стоявшей на выступе из стены высотой в человеческий рост, и задул ее. Голдин тоже подошел к стене. Несколько секунд он смотрел на нее, а затем обернулся:

— Если не ошибаюсь, господин Вилан, мы говорили, что по традиции место боя его высочества должно освещаться только одной свечой?

— Говорил, сэр. Но здесь, как видите, и стоит только одна свеча.

— Почему же за шесть с лишним часов она так мало обгорела?

— Значит, это вторая свеча. Здесь есть запас...

— Тогда где огарок?

Вилан, кряхтя, нагнулся, просунул левую руку между выступом и стеной и, пошарив там, вытащил еще одну свечу, обгоревшую несколько больше.

— Вот и разгадка, сэр Голдин.

— А где лежат запасные свечи? — не унимался Грег.

— Вот, посмотрите. — Вилан прошел через зал, подошел к одной из колонн, вынул из углубления в ней кольцо, прикованное к чему-то на дне углубления цепью, что-то повернул, потянул — и в колонне с музыкальным звуком отворилась небольшая дверца.

— Тайник, — сказал Вилан и отошел от дверцы.

Внутри небольшого тайничка, на бархатном ложе цвета бордо в углублениях лежало несколько свечей — таких же, какую недавно погасил первый министр. Одно углубление для свечи пустовало.

Голдин внимательно осмотрел систему запора тайника. Потом он захлопнул его дверцу. Кольцо само втянулось в углубление.

— Очень интересно,— сказал Грэг.— А теперь давайте проделаем небольшой опыт. Господин граф, вы смогли бы открыть этот тайник с закрытыми глазами — на ощупь?

— Ну конечно нет,— ответил Виллан.— Кольцо необходимо вытягивать под определенным углом и на определенную высоту. Так что можно и не производить ваш опыт, мессир Голдин. Тем более что я не вижу в нем никакого смысла.

— И все-таки смысл есть... Для того чтобы достать из-за выступа случайно упавшую свечу, зрение не нужно. Для того чтобы достать новую свечу из тайника и зажечь ее, без зрения не обойтись... Однако принц идет к тайнику. Что это может означать?

— Что ему лень нагибаться,— предположил Кантона.

— Или что ему не хочется пачкать рукав пылью,— добавил я.

— Согласен. А что еще?

— А то, что в этот момент было достаточно светло,— сообразил Виллан.

— Именно.— Грэг с одобрением посмотрел на первого министра.— Именно это. А значит, круг возможных преступников весьма узок.

Затем он подошел к Сергееву, который уже вводил принцу вакцину.

— Вы полагаете, стрела могла быть отравлена? — спросил герцог.

Сергеев молча пожал плечами. Он был занят.

Я понял подтекст вопроса: если бы стрела действительно оказалась отравленной, Демон — увы — явно выбывал из списка подозреваемых.

Голдин поднял стрелу и машинально колупнул ее пальцем. Неожиданно краска осталась на его ногте. Он продолжил это увлекательное занятие... Под черной краской оказалась красная и желтая.

ШЛЕМ ЛЕГИОНЕРА

— А у нашего Демона еще и не хватает стрел,— удивился Лионель.— Приходится одалживать и перекрашивать!

Он взял у Голдина стрелу и стал настойчиво сдирать черную краску.

— Красно-желтые стрелы, насколько я понимаю, только у одного рыцаря...

— Это сэр Галахэд! — грозно произнес герцог.— Стража! Немедленно арестовать его!

Капитан стражи, щелкнув каблуками, бросился к двери.

— Но...— начал было Голдин.

— Я могу бороться за жизнь принца только в одном случае — если мы немедленно перенесем его на корабль,— вдруг сказал Сергеев.— Если мы через пятнадцать минут не будем в моей лаборатории, через двадцать он умрет.

— Но как переносить его в таком состоянии, как везти во флаере? — попытался возразить я.

— Повторяю: если через пятнадцать минут он не будет у меня в лаборатории, через двадцать он умрет! Я ручаюсь только за это. Ваше величество, я обращаюсь с этим к вам!

— Я согласен. Едемте к вам. Поднимите принца инесите как можно осторожнее,— приказал герцог слугам.

ГЛАВА 16

Под руководством Сергеева мы бережно уложили раздетого принца в «саркофаг» — гигантскую лабораторную кровать. После того как Олег произвел все необходимые подключения, ее накрыли высоким прозрачным колпаком.

— Между прочим, было бы очень неплохо ментоскопировать его высочество — узнать, что он помнит о случившемся. Разумеется, с позволения его величества. Пока это возможно, — сказал Эррера.

— А это не вредно при его состоянии? — спросил Лионель.

— Мы сейчас выясним у врача. Как скажет Сергеев, так и сделаем, — решил Голдин.

Но когда Олегу рассказали о предложении Хорхе, он начал изображать ветряную мельницу:

— Да вы с ума сошли! Парень в критическом состоянии! Ни под каким предлогом не позволю!

— Впрочем, мы и так знаем имя убийцы, — сказал несколько разочарованный герцог. — Убийца уже арестован и понесет заслуженную кару.

— Боюсь, ваше величество, вы поспешили с арестом,— неожиданно произнес Голдин.

Все повернулись к нему. Но он не торопился раскрывать карты.

— А стрела? — спросил Вилан.

— Ее легко выкрасть.

— Подождите... Давайте начнем сначала.— Вилан был растерян. Признаюсь, я тоже.— Вы ведь сами обратили наше внимание на то, что покушение произошло в светлое время суток. И это, как вы же сказали, позволило исключить всех, кто уехал из дворца до рассвета.

— Это так,— кивнул Голдин.

— Но тогда остаются лишь те, кто сидел за главным столом...

— Строго говоря, нет,— возразил Голдин.

— Вот как? Кого же мы забыли?

— Слуг и стражников. И еще одного человека.

Воцарилось молчание. Потом Сергеев предложил всем нам отойти подальше от больного, сам сел за пульт управления «саркофагом» и принялся за работу.

Из угла, где мы стояли, я пытался разглядеть, что происходит под колпаком. Но не удавалось. Сергеев погасил лишний свет, и над «саркофагом» царил полумрак. Мы всемером толпились у двери, напряженно всматриваясь в темноту. Первым заговорил герцог:

— Вы, мессир Голдин, не учитываете психологии доригианцев. Я могу опросить всех слуг и стражников, но уверен: никто из них просто не осмелился бы поднять руку на своего принца. Все его так любят... Хотите, сейчас позовем капитана?

— Я тоже уверен в том, что слуги и стражники в этом деле не замешаны... Правда, по другой причине. Тем не менее, ваше величество, прикажите, пожалуйста, капитану прийти сюда.

Герцог кивнул, и Вилан выглянул в коридор:

— Капитан, подойдите к нам.

В дверях появился бравый капитан стражи.

— Скажите, капитан,— начал Голдин.— Вы всю ночь были со стражей и никуда не отлучались?

— Это так, сэр Голдин,— поклонился капитан.

— И ваши солдаты, безусловно, могут это подтвердить?

— Разумеется.

— А сами они... Как распределены они по постам?
Есть ли пост, где стоял бы один солдат?

— Нет, сэр. Все они стоят на часах по троем.

— Где расположены были этой ночью ваши посты?

— Два из них были у двух входов во дворец — центрального и бокового. Один на первом этаже, один — на втором.

— И это все?

— Да, сэр.

— А на третьем?

— Но там ничего не происходило, сэр. Поэтому поста там не было.

— И у покоев дворян вы не дежурили?

— Мы поставили бы пост после окончания бала, сняв его со второго этажа. Но из-за всех этих... событий не успели.

— Значит, вы не видели сэра Галахэда ни когда он шел к себе в покой за деньгами, ни когда он возвращался назад? — спросил Вилан.

— Нет, ваше сиятельство. Не видели.

— А ваши солдаты?

— Нет, и они не видели. Я уже спросил, видели ли они кого-нибудь ночью. Они ответили: только гуляющих на площади дворян с дамами.

— Все, этого достаточно,— сказал Голдин.

Вилан отпустил капитана. Снова наступила тишина.

— Я уверен, что тот же результат вы получите, спросив слуг,— наконец, сказал герцог.— Но вы говорили еще об одном человеке...

— Говорил... Конечно, слуги тоже ответят, что видели друг друга. Да и потом, руки у них все время заняты, тут не до арбалетов...

— Это и есть ваша «другая причина»? — усмехнулся Лионель.

— Разумеется, нет,— смутился Голдин.— Это я так неудачно пошутил... Извините... Но слуги действительно не виноваты в происшедшем.

— Вы говорили еще об одном человеке,— еще раз сказал герцог.

— Да-да, я помню. Кроме сидящих за столом дворян, а также слуг, стражников и, кстати, музыкантов, о которых мы с вами забыли...

— Музыканты были в зале, все вместе,— сказал Лионель.

— Верно. Так вот, кроме них, в зале был еще один человек — Трикс. И вот за ним-то никто не следил...

— Вот это подозреваемый! — недоверчиво ухмыльнулся Лионель.

— Да нет, я его не подозреваю,— ответил Голдин.— Я просто хочу сказать, что не следует делать поспешных выводов.

— Но ведь вы согласны с тем, что сэр Галахэд, не считая Трикса, единственный, кто мог покушаться на убийство? Только он, якобы выходя за деньгими, мог по пустому третьему этажу пробежать в другое крыло замка, спуститься на первый этаж перед самой дверью Белого зала, так, что его никто из стражников не увидел бы, и выстрелить в принца. А затем вернуться в Голубой зал по тому же третьему этажу,— сказал Вилан.

— Вы, ваше сиятельство, не берете в расчет фактор времени.

— Вы хотите сказать, сэр, что у него в этом случае не хватило бы времени сходить в свои покой за деньгами? Но кто может поручиться, что он туда действительно ходил? Его покой находятся на третьем этаже у самой боковой лестницы... В нагрудных пластинах панциря можно спрятать не два, а все четыре мешочка. И если преступник готовился к покушению, то он вполне мог заготовить и принести деньги в мешочках по пять тысяч.

— Это на юридическом языке называется «попыткой сфабриковать себе алиби», — подсказал я.

— «Попытка сфабриковать алиби», — повторил Вилан. — Спасибо, я запомню.

После паузы он продолжил:

— Итак, только он мог это сделать. Если исключаются все другие возможности, то остается единственno верная. Не так ли рассуждают и у вас на Земле?

— Так, разумеется. Но уверены ли вы, что сэр Галахэд — и есть та единственная, а значит, верная возможность?

— Уверен, сэр Голдин. Сэр Галахэд мог это сделать.

— То есть он мог заранее в панцире спрятать деньги, вместо того, чтобы пойти за ними в свои покой, побежать к Белому залу, выстрелить в принца, а потом прибежать назад, это вы хотите сказать?

— Да, у него хватило бы на это времени.

— Но ведь он не знал, какую сумму выкупа назначит его величество.

— Не знал. Сумма, однако же, должна была быть круглой, и сэр Галахэд мог захватить с собой несколько мешочков по две с половиной тысячи золотых в каждом. Он ничем не рисковал, поскольку, принеси он больше, просто отсчитал бы золотые при вас...

— Это действительно возможно. Но меня интересует другое,— тихо произнес Голдин.— Скажите, а смог бы он сразу после такой пробежки в панцире, латах, с оружием — петь? Да так, как он пел в эту ночь? Не вы ли сами сказали мне, что такого пения никогда еще не слышали?

Мы оторопели.

— Но тогда... Тогда действительно остается один только Трикс,— после некоторого замешательства сказал герцог.— Это поразительно, сэр Голдин, я бы никогда в это не поверил! Но логика подсказывает, что больше сделать это было некому.

— Увы, ваше величество, здесь я должен констатировать, что вы опять ошибаетесь. Трикс тоже не мог этого сделать.

— Ошибаюсь? Но почему? — воскликнул герцог.

Ответить на этот вопрос Грег не успел.

Внезапно Олег зажег свет над «саркофагом», одновременно что-то бубня себе под нос и по-прежнему склонившись над своим пультом. Потом мы увидели, как внутри «саркофага» принц Андрэ приподнялся и сел, опираясь на руку. Вернее, он полусидел, глаза его были открыты, губы шевелились.

Сергеев, не поднимая головы и судорожно щелкая какими-то тумблерами, пробормотал:

— Он в полном сознании.

Тут же был включен микрофон, и мы услышали:

— Убийца, подлый трус... Я видел тебя... Я... ты был мне как брат, отец уважал тебя... Ты мог иметь все мое герцогство... и вот — расплата за нашу наивность...

Рука принца тянулась к нам, пот стекал по лицу. Он не бредил, он все понимал — и указывал в нашу группу!

— Убийца, убийца... Ты пронзил мое сердце, а я твое... Но я... умираю, а ты... жив... подлый зем... землянин!

Андрэ, обессилен, упал на ложе. На панели «саркофага» горела хищным алым пламенем лампа критического состояния. Затем она погасла...

Из своего закутка Сергеев рванулся к «саркофагу», отбросил колпак и принял отчаянно массировать сердце принца. Потом он опустился на пол прямо у «саркофага» и заплакал злыми слезами.

Мы с Голдином подбежали к принцу. И тут услышали дрожащий от возбуждения голос Лионеля:

— Так вот кто истинный убийца!

Я обернулся. Неожиданно племянник герцога обхватил сзади левой рукой горло стоящего перед ним в оцепенении Эрреры, запрокинул его голову и поднес к горлу нож:

— Вы обмолвились, сэр Моррис, что ваш костюм заменяет защитный рыцарский панцирь. У меня ведь очень хорошая память... Поэтому я обращаюсь ко всем вам — снимите свои костюмы! И не поднимайте рук, иначе лишитесь товарища. Ну, живо, снимайте! Посидите в Башне Смерти, пока мы разберемся, о ком из вас говорил брат.

Мы медленно, стараясь не делать резких движений, сняли свои куртки, лишаясь и генератора защитного поля, и ультразвуковых пистолетов...

Голые по пояс, стояли мы перед Лионелем, все еще державшим нож у горла Хорхе.

— Сэр Моррис, будьте так любезны подойти ко мне, — сказал принц-насмешник. — Вот так. Встаньте рядом с вашим товарищем... повернитесь ко мне спиной... Отлично! — И он, оттолкнув Хорхе, мгновенно прижал нож теперь уже к моей шее.

— А теперь, господин Эррера, разденьтесь и вы... И тоже — очень спокойно, без лишних движений, — сказал мой мучитель.

ШЛЕМ ЛЕГИОНЕРА

Хорхе стянул с себя куртку и бросил на пол. Лионель чуть ослабил хватку.

— Отец,— так он теперь по праву обращался к герцогу, молча наблюдавшему за этой сценой,— прикажите страже арестовать этих негодяев!

В лабораторию ворвались стражники. Тут-то и произошло то, чего никто не ожидал. Голдин в невообразимом кенгурином прыжке выскочил из лаборатории в рубку управления и захлопнул за собой дверь. Стражники безуспешно колотились в нее.

— Сэр Голдин,— громко сказал Лионель.— Сейчас ваш друг Моррис жив. Но если через пять секунд вы не выйдете оттуда и не сдадитесь, через шесть он будет мертв. Раз... два... три...

На счет «четыре» из рубки вышел Голдин. Один из стражников сильно ударил его древком копья в живот, и Грег осел на пол.

Стражники связали всем нам руки. Четверо из них осторожно вынули тело принца Андрэ из «саркофага», один взял его одежду. Двое схватили под руки все еще лежавшего Грега и потащили за нами к выходу. Люк корабля захлопнулся за ними.

Отойдя от «Северина» метров на тридцать, Лионель остановился.

— Сюда мы еще вернемся. Слава Иисусу, как открывать эту дверь, они показали... А вот до Башни Смерти придется идти пешком,— он повернулся к нам.— На ваших флаерах мы летать пока не умеем. Но придет время — научимся и этому. Научимся!

И мы двинулись по дороге ко дворцу герцога Александра.

ГЛАВА 17

Невеселой была эта дорога. Голдин, которого выволокли из корабля под руки, на воздухе пришел в себя и шагал рядом со мной. Его животик колыхался в такт шагам, как маятник...

Все молчали и были подавлены. Никто не сказал и слова и после, когда нас бросили в большую грязную камеру с одним окошечком.

Итак, среди нас был убийца... Себя я, разумеется, исключал. Грега тоже. Оставались трое. Я отлучался из Голубого зала лишь один раз за всю ночь: когда вместе с Лионелем ходил за вином в подвал. Полагаю, его хитроумное высочество — новый наследник престола — не откажется подтвердить мое алиби на это время. Насколько я помню, Голдин и Кантона тоже не выходили на площадь... Внимание — оговорка: в то время, пока я сидел в зале. Но, во всяком случае, Голдин должен был увидеть, уходил Кантона из зала во время моего отсутствия или нет...

Но неужели же кто-то из этих парней стрелял в принца?!

И зачем? Зачем было кому-то из нас убивать принца, да еще таким странным способом? Сколько я ни думал над этим, ответа не находил.

Тогда я решил рассуждать от противного. Предположим, что все-таки никто из землян не убивал Андрэ. Как это может быть? Принц бредил? — Нет, Олег сказал, что он в полном сознании. Принц ошибался? — Может быть...

А если он действительно ошибался?! Спутал кого-нибудь из тефисийцев с землянином? Как он там говорил? «Ты был мне почти братом, отец уважал тебя...» О ком же он говорил? Кто из землян мог быть почти братом Андрэ? Только Кантона!

Я наклонился к Грэгу.

— Как ты себя чувствуешь?

— Отлично.

— Живот не болит?

— Да он и не болел. Я перед ударом напряг мышцы и почти ничего не почувствовал.

— Ты ничего не почувствовал, потому что тебя «вырубили» стражники. Они волокли тебя, как мешок с картошкой...

— Да никто меня не «вырубал»... Так надо было... Я притворился.

Я насторожился. К тому времени мне уже было известно, что врать Грэг попросту не умеет. Говорит, что притворился, значит, так и было. Но для чего?

Об этом я тихо спросил Голдина.

— Понимаешь, мне совсем не хотелось, чтобы кто-нибудь хозяйничал на «Северине», пока мы здесь будем сидеть.

— И ты...

— И я прорвался в рубку управления и настроил защитный экран на контакт с материалом последнего движущегося предмета. Поэтому мне и нужно было, чтобы меня выволокли из корабля последним и головой вперед. В этом случае тефисийцы уж никак не преодолеют защитное поле. Разве только догадаются отобрать у нас обувь.

— То есть экран настроен на материал наших ботинок?

— Естественно. Ведь меня тащили за руки. Значит, поле включилось, как только последний движущийся предмет покинул десятисантиметровую зону вокруг выходного люка. Этим последним предметом и были мои ботинки из этого... как его... термопластрона, что ли...

— Молодец! — От избытка чувств я попытался обнять умницу Грэга, но совсем забыл, что руки у нас были связаны.

Подождав немного, я задал новый вопрос, с которого, собственно, и собирался начать:

— Ты не заметил, выходил ли Кантона из зала в течение ночи?

— Нет, не выходил. Он все время был рядом со мной. То есть подчеркнуто держался рядом.

— Спасибо...

Помолчав, я снова обратился к Голдину:

— Надо бы выяснить у Эрреры и Сергеева, подтверждают ли они алиби друг друга.

Грег сочувственно посмотрел на меня:

— Ты не тем занимаешься...

— Я думаю над тем, кто убил принца. Можно подумать, что тебя это не волнует! — разозлился я.

— Пожалуй, нет. Процентов на 99.

— А что же тебя волнует на эти проценты?

— Меня волнует, как он это сделал.

— А кто и зачем, ты, конечно, уже знаешь, — издевательски улыбнулся я.

Грег помолчал, почесал затылок и ответил:

— Пожалуй, могу сказать: да. Я знаю, кто это сделал и зачем. Но не могу понять, каким образом. Да еще тут привнесенные обстоятельства... Я совсем запутался, Дон, признаюсь тебе как на духу!

Ах так! Следовательно, этот красавчик уже вычислил, кто убийца! Ну а я еще нет, поэтому и пойду своим путем...

Ничего не ответив на последнюю реплику, я подполз к Эррере.

— Хорхе, у меня к тебе только один вопрос: разлучались вы с Олегом на дворцовой площади или были рядом все время?

Эррера внимательно посмотрел на меня:

— Мне кажется, сеньор Моррис, нам следует держаться сейчас как можно более сплоченно и не искать кошку в темной комнате. Впрочем, на ваш вопрос я могу ответить. Да, все время на площади мы гуляли вместе с сеньором Сергеевым. И вместе с несколькими другими рыцарями и дамами. И вернулись мы в Голубой зал тоже все вместе.

Я поблагодарил историка и вернулся в свой угол. Надо же, и этот обижается... Ну и пусть. Зато я исключил почти все возможности и оставил последнюю.

А теперь рассмотрим ее, эту последнюю возможность. Заключается она в том, что принц Андрэ все-таки ошибся и принял кого-то за Кантону. Но кого именно? Голос Рене с чужим не перепутаешь... И потом ведь принц видел космогеолога. Кого же он мог видеть и принять за Кантону при условии плохого освещения, да еще не слыша голоса?

И тут я понял кого! Таким же сухощавым, длинным и прямо держащимся был только один человек — сам первый министр двора, его сиятельство граф Вилан!

Правда, его серый бархатный камзол трудно принять за черный потрепанный комбинезон Кантоны... Но стрела принца была найдена у окна! У окна, вы понимаете, что это означает?! Это означает, что Вилан стоял именно там! И от тела Андрэ до стрелы было метров

сорок. А уже рассвело, и, значит, пламя свечи на таком расстоянии не могло хорошо освещать первого ministra. А на фоне бледного неба его камзол вполне мог показаться принцу черным!

Теперь я уже не сердился на Грега, поскольку своим умом дошел до разгадки. Правда, в отличие от Голдина я не понимал, зачем Вилану понадобилось убивать... Но в этом деле вообще было столько непонятного: знамения, обрубленная стрела... Кровь вчера утром, огненные письмена вечером...

А что об этом думает наш маэстро сыска?

Но выяснить этот вопрос я не успел. Заскрипела дверь, и в камеру в сопровождении стражников вошел Жоли. Следом появился слуга с подносом, накрытым черной тряпкой. Как у фокусника.

— Проведенным мною лично в присутствии его величества обыском ваших вещей злоумышленники против его высочества изобличены,— сообщил хранитель Главной печати.— Получены неопровергимые доказательства как преступных замыслов, так и их злодейского претворения в жизнь.

— Мессир Сергеев! — вызвал Жоли.

Олег встал.

— Вы обвиняетесь в убийстве его высочества наследника престола принца Андрэ! Не желая, чтобы принц назвал имя убийцы — ваше имя,— вы с помощью Демона и земной хитроумной техники ускорили его гибель! Вы сделали это, дабы овладеть магическим амулетом его высочества и, таким образом, усовершенствовать свое умение исцелять больных... Окровавленный амулет его высочества, отсутствовавший на теле, найден среди ваших вещей!

Тут Жоли жестом провинциального чародея запустил руку под черное покрывало и вытащил оттуда что-то блестящее.

Я взгляделся. Да, это, несомненно, был тот самый амулет, который нам позавчера показывал Андрэ.

Но как он попал к Сергееву? Я готов был поклясться, что видел его на груди у принца, когда тот лежал в «саркофаге»... Видимо, Вилан просто подбросил его Олегу!

— Мессир барон де Кантона! — продолжал выкрикать Жоли.

Рене тяжело поднялся и встал рядом с Олегом. А у него-то что разыскали?

— Вы обвиняетесь в краже принадлежащего теперь его величеству подарка ваших собратьев-землян! А именно — редкого шлема земного воина, называемого легионером!

С этими словами Жоли сдернул наконец свое покрывало. На подносе и в самом деле лежал шлем древнеримского легионера из нашей коллекции!

— Этот шлем полностью изобличает вас. Наказание вам обоим и меру виновности других землян решит его величество герцог.

Жоли поклонился и, сжимая в руке амулет принца, вышел вместе со слугой и подносом.

Шлем остался лежать в камере.

Я посмотрел на Грега. Происшедшее стало неожиданностью и для него: Голдин глядел на захлопнувшуюся за тефисийцами дверь, приоткрыв рот. Потом он потряс головой, словно желая избавиться от наваждения, и глубоко задумался.

Если с амулетом все было более или менее ясно, то случай со шлемом меня озадачил. Наш шлем, несомненно, может быть только на «Северине». Никто не мог бы вытащить его с корабля, пока тот окружен силовым полем. Что из этого следует? А следует из этого дилемма. Либо Кантона выкрал наш шлем, либо имел свой собственный. И то и другое достаточно абсурдно...

Голдин пододвинулся ко мне и тихо сказал:

— Мне нужно с тобой посоветоваться. Эта история очень запутана. У меня есть одна гипотеза. Дурацкая. Или невероятная. Или верная... Но я могу случайно обидеть человека... Человека невиновного...

— Только обидеть? А если ты окажешься прав?

— Мне трудно представить себе даже сотую долю последствий... но выйти отсюда, думаю, мы сумеем.

— Тогда решай сам, что важнее. Спасти людей или никого не обижать и сидеть здесь до окончания веков.

— Но... Дон... Ты не понимаешь, о чем идет речь... Если я прав, мы, скорее всего, выйдем, но можно вызвать к жизни такие силы...

Я развел руками:

— Могу только повторить: решай сам.

Голдин немного помялся, потом тяжко вздохнул и заявил:

— Честно говоря, я уже решил... Но мне нужна поддержка... Ты бы не мог...

— Конечно, Грэг. Что я должен делать?

— Идем со мной.

Он поднялся и подошел к Кантоне. Присел рядом. Я уселся напротив.

— Извините, — сказал Голдин. — Если можно, я бы хотел задать вам несколько вопросов.

Кантона пожал плечами и ничего не ответил.

— Я не собираюсь спрашивать вас о шлеме...

— Разумеется, это обычная провокация.

— Ну-у... не совсем уж и обычная, на мой взгляд. Но я сейчас не об этом. Я хотел спросить, как ваша рана?

Рене удивленно поднял брови:

— Вы об этой старой ране? — Он показал на свой шрам.

— Да, именно.

— Спасибо, пока не беспокоит. Назначения Олега помогли.

— А вы не могли бы подробнее рассказать, как ее получили?

Кантона остро взглянул на меня. И только теперь я впервые почувствовал то, о чем потом говорили и Олег, и Хорхе. В верхней части моего затылка мгновенно возникла острые боль, сопровождаемая чувством опустошения... Впрочем, через несколько секунд она утихла.

— Я не понимаю цели ваших расспросов... Эта рана была получена двенадцать лет назад при неудачной посадке... Простите, но мне не хочется вспоминать этот эпизод.

— Видите ли... Я говорил, что мы с вами почти год назад встречались... На Ариксе-1...

— Увы, я не могу этого вспомнить.

— Очень жаль. Потому что вы выиграли у меня в шахматы.

Кантона снова пожал плечами. Я нашел последнее замечание Грэга по меньшей мере странным. Но уже через минуту все разъяснилось.

Или еще больше запуталось...

— Мы с вами играли на Ариксе-1 в шахматы. Вы этого не помните, — продолжал Голдин. — Вы, видимо, не помните также, какая была погода. А между тем, было очень жарко.

— Ну и что? — поднял голову Кантона.

— А то, что играли мы с вами на пляже. Загорая. И готов держать пари, что год назад этого шрама у вас не было!

— Ну, хорошо. Предположим, я не хочу говорить об этом шраме.

— Почему?

— По личным причинам. К шлему это не имеет отношения.

— Ладно... Вы говорили, что три дня лежали с сердечным приступом на своем корабле перед тем, как прибыли сюда.

— Говорил. Это правда. Доктор Сергеев подтвердит вам, что мое сердце было в очень плохом состоянии.

— И вы продолжаете утверждать, что эти три дня ни с кем на Земле не связывались, ни с кем не общались?

— Это тоже имеет значение?

— Да.

Кантона подумал.

— Нет, насколько я помню, ни с кем. Мне было очень плохо.

— Тогда ответьте, пожалуйста, как вы узнали о том, что в наши планы входит развернуть на Тефисе музейную экспозицию? Нам эта мысль пришла в голову меньше чем за сутки до отлета. Вы никак не могли бы узнать о ней, не связываясь за эти три дня с Землей. А между тем, первая же ваша фраза была именно об этой экспозиции, помните?

Кантона молчал.

— Олег сказал, что у вас в очень плохом состоянии нервная система. Вы живете на грани срыва. Что угнетает вас? Что заставило появиться здесь? Вы должны рассказать нам все.

Кантона по-прежнему молчал, опустив голову.

— Хорошо,— наконец сказал Голдин.— Я помогу вам. Я задам вам еще только один вопрос. Возможно, он покажется вам странным. Тогда забудьте о нем. Но если я угадал, сдайтесь. Поделитесь с нами своей тревогой. Я не сомневаюсь, что вы можете помочь нам. А мы постараемся помочь вам. Так вот...

Грег сделал длинную паузу, словно собираясь с духом.

— Так вот,— повторил Голдин.— Мой вопрос звучит так: как вы считаете, будут ли когда-нибудь возможны путешествия во времени?

ГЛАВА 18

Вот это да! От меня не укрылось, как вздрогнул Кантона, хотя глаз он так и не открыл.

— Значит, я угадал,— утвердительно сказал Грег.— Значит...

— Вы понимаете,— перебил его Кантона, все еще не открывая глаз,— вы понимаете: ни при каких обстоятельствах, ни под какими пытками я не могу — не имею права — отвечать на ваш вопрос?! Но мы действительно... действительно попали в ужасную ситуацию... Опасность грозит миллионам, а может — десяткам миллионов людей!

— И мы можем помочь предотвратить эту опасность? — спросил я.

— Вы можете помочь... Иначе бы я не начал этот разговор... Вопреки всем инструкциям... Я пытался обойтись своими силами, но... У меня так мало времени... Я должен рассказать вам все, ибо нельзя исключить, что мои действия станут причиной и ваших несчастий... А может быть, и изменят историю всей Земли...

Он замолчал. До сих пор мы разговаривали тихо, но тут Кантона (или не Кантона, не знаю, как теперь его называть) повысил голос:

— Друзья! Я обращаюсь ко всем! Подойдите, пожалуйста, к нам. Я должен рассказать вам одну удивительную историю.

Когда все расселись вокруг, он продолжил:

— Я не Рене Кантона. На самом деле меня зовут Рик Парсонс. Мне 38 лет. Я родился в Лос-Анджелесе... Вернее, я должен родиться там почти через сто восемьдесят лет...

Никто не шелохнулся. Рик вздохнул и заговорил снова:

— Я профессиональный хронавт-испытатель. Путешественник во времени. Это моя работа, ею я занимаюсь вот уже 14 лет... Но сначала я должен рассказать о главных принципах своей работы. Прежде всего, путешествие в будущее невозможно. Пока. Мы «ходим» только в прошлое. Двадцать лет назад мы впервые получили стабильное темпоральное поле 1-го вида. И, будучи защищены им, перемещались в очень близкое прошлое — на 2—4 дня. При переброске тратилось огромное количество энергии. Мы наблюдали прошлое, не входя с ним в физический контакт.

— Вы говорите, что, находясь в прошлом, не выходите из темпорального поля. Вы не умеете этого делать или не хотите? — спросил Грег.

— Не хотим. Слишком велика опасность, а порою — и соблазн — что-либо изменить.

— А если действительно попытаться это сделать?

— В теории время представляет собой нечто вроде ствола дерева. Этот ствол мы называем главной мировой линией. Если попытаться сделать что-либо подобное, то мировая линия разделится — даст боковую ветвь. Если

изменение не окажет серьезного влияния на ход времени, то боковая ветвь скоро вернется, прирастет к «стволу». Если окажет — то нескоро. Но все равно вернется. Время обладает невероятной инертностью...

— Такие попытки уже были?

— Одна. Человек отправился на 3 дня в прошлое и там, нарушив инструкции, снял темпоральное поле и произвел некоторое изменение хода истории. Неважно какое.

— И вы его почувствовали?

— Разумеется. Только на нашей — главной — линии оно выразилось в том, что теперь этого человека с нами нет. Произведя изменение, он в наше будущее так и не вернулся. А где-то на созданной его же поступком новой мировой линии, вернувшись в «свое» время, столкнулся со своим двойником!

Так вот... Путешествия на короткие расстояния стали уже обычным делом, хотя, разумеется, «ходить» по времени можно только с особого разрешения и в паре со специалистом...

— Почему? — подал голос Сергеев.

— Потому что, во-первых, все-таки есть риск, что человек — по небрежности, недоразумению или намеренно — снимет темпоральное поле. А во-вторых, даже не снимая его, можно получить информацию, которую использовать потом во вред обществу или одному из его членов. Но вот около двух лет назад удалось получить стабильное темпоральное поле 2-го вида, и мы смогли начать путешествия в далекое прошлое. Раньше это было невозможно. Видите ли... Вы представили, что время похоже на ствол дерева? Теперь завейте его в пространственную спираль. Это и будет верная модель.

Ну вот. Около года мы испытывали аппараты для путешествий в далекое прошлое — хронотроны темпо-

рального поля 2-го вида. А вот уже полгода испытывается комбинированная конструкция, использующая оба вида поля. Именно такая у меня...

Но я забежал вперед.

При работе в далеком прошлом появилась возможность снимать поле, ведь все наши изменения, при условии, что они невелики, «гасятся» временем.

Итак, год назад испытания завершились. У нас появилась возможность посыпать людей на сотни и тысячи лет в прошлое, причем разрешать им вступать с прошлым в физический контакт.

Происходило это так. В прошлое хронавты «ходили» только парами, тщательно подготовившись. Подготовка включала в себя: изучение соответствующего периода истории, языка, манер, обычаев.

Каждый из пары хронотронов был автономен, но по аварийному сигналу с любого из них срабатывали оба. То есть, в случае опасности, грозящей одному из хронавтов, другой мог в любую секунду аварийно вернуть себя и товарища в настоящее.

Теперь, когда вы знаете присказку, можно рассказывать и все остальное... Три дня назад два хронавта отправились из моего настоящего в сорок девятый год до нашей эры. Они были загrimированы под братьев-близнецов. Их задачей было — провести четыре дня в армии Цезаря, штурмующей Массалию. Их хронотроны были изготовлены в виде боевых легионерских шлемов. В память каждого аппарата введены четыре даты (я вам, конечно, даю произвольные): дата старта: 19 сентября 2391 года, дата промежуточного финиша: 16 мая 49 г. до н. э., дата промежуточного старта из прошлого: 20 мая 49 г. до н. э. и дата окончательного финиша в настоящем: 23 сентября 2391 г. Именно в таком порядке

управление должно было передаваться соответствующим ячейкам памяти.

Они отправились утром, около восьми... А через сутки один вернулся. Со стрелой из лука в горле. Один. Этого не могло быть, но это произошло.

Медицина не помогла, и мы похоронили нашего товарища, так и не узнав, что случилось с этой парой. И стали думать.

В принципе хронотрон рассчитан на большие нагрузки. У первого хронотрона сработала система аварийного возвращения, у второго — почему-то нет. Ужас ситуации заключался в том, что хронотрон имеет источник энергии, необходимой для возвращения. Источник этот невозможно разрушить или даже повредить. Энергия обязательно должна выделиться, и она выделится. Но ее спонтанное выделение равносильно ядерному взрыву мощностью в несколько мегатонн тротила!

Наши аналитики выдали три главных варианта про-исходящего. Первый — самый простой. Во втором хронотроне почему-то вышла из строя аварийная система. В этом случае хронотрон вернется в заданное время — 23 сентября. Для моих современников — завтра. И этот вариант, конечно, нас больше всего устроил бы. Но к великому нашему сожалению, есть еще два.

Вариант второй. При попытке задействовать аварийную систему произошел разрыв временного канала. Энергия будет высвобождена. В армии Цезаря произойдет взрыв, мощностью с ядерный. То, что НАША история такого взрыва не зафиксировала, ничего не означает. Если б он действительно произошел, время и история изменились бы очень сильно.

Итак, сегодня мы не можем знать, воплотился в жизнь второй вариант или нет. Только завтра, если не вернется наш второй товарищ, как предусматривает первый

вариант, и если не произойдут события, составляющие третий, мы будем знать: второй вариант верен.

А самый страшный для нас вариант развития событий — это третий. Если поврежден генератор темпоральных полей, который наши специалисты до сих пор тоже считали неповреждаемым.

Что же тогда должно произойти? После прибытия наших хронавтов в прошлое управление передалось ячейке «20 мая 49 г. до н. э.». По аварийному сигналу генератор не возбудился. Затем наступил срок возврата, но генератор снова не возбудился. Управление передалось ячейке «23 сентября 2391 г.». Генератор поля неисправен, а значит, хронотрон превратился в ядерную мину с часовым механизмом. 23 сентября в 16 часов — срок возврата — память будет заблокирована, а энергия — высвобождена.

Что могло произойти со шлемом за это время? Был ли он найден археологами? Если нет, то он лежит глубоко в земле где-то в районе Марселя (бывшей Массалии). Искать его бесполезно... Поэтому сейчас идет эвакуация людей из всей Южной Франции...

Если же археологи его нашли, дело обстоит еще хуже... Беда в том, что около ста лет назад была изобретена машина-дубликатор. Она способна создавать копии неродительских объектов с точностью до молекулы.

Многие музейные реликвии с ее помощью были размножены в тысячах экземпляров для музеев расселившегося в наши дни по всей Галактике Человечества... Дублировались и шлемы древнеримских легионеров. А шлем-хронотрон от настоящего отличить сто лет назад было невозможно. Индикаторов темпорального поля просто не существовало.

Учитывая серьезность ситуации, нам — хронавтам — предоставили чрезвычайные полномочия и огромные

ШЛЕМ ЛЕГИОНЕРА

возможности. Мы пришли к выводу, что найти и проверить все шлемы во всех музеях просто не успеваем. И решили отправиться в прошлое до изобретения дубликатора, чтобы там, в прошлом, подменить каждый из шлемов на его безопасную копию.

Мы запросили Информаторий обо всех археологических находках. Выяснилось, что к XXIII веку нашли 11 отлично сохранившихся боевых шлемов древнеримских легионеров интересующих нас размеров и формы...

Один из шлемов обнаружился в коллекции великого герцога доригианского. И я, вооружившись его безвредной копией, стал готовиться к визиту в XXII век — сюда.

ГЛАВА 19

— Я запросил Информаторий об истории этой коллекции. Оказалось, что есть возможность попасть в день открытия экспозиции.

Я получил все имеющиеся у нас материалы об открытии Тефисы. Выяснилось, что с этой планетой связаны некие особые обстоятельства, о которых по понятным причинам я не могу вам рассказать, и что в этот период она была закрыта для посещения землянами.

Единственным, кто не попадал под это запрещение, был первооткрыватель планеты — некий Рене Кантона.

Я затребовал все сведения о нем, которыми располагала Земля. Их оказалось мало. Но нашлись ментограммы одного из знавших этого человека. Там были его привычки, характер, внешность...

Выбора все равно не было, и я стал Кантоной. Перевоплощаться хронавту не в новинку. Но мешал сильный недостаток времени. Я имел лишь один день на подготовку. Отсюда все «ляпы» и промахи...

План был таким: я прибываю на Тефису вечером сегодня — после открытия экспозиции. Не входя в физический контакт с временем, убеждаюсь, что шлем на

месте. Меняю конфигурацию темпорального поля и ухожу по витку на 14 часов назад. То есть оказываюсь ночью в пустом Белом зале, где спокойно меняю шлем.

Предполагалось, что вся операция займет полтора—два часа. Стартовав в 12 часов дня, я собирался вернуться не позднее двух...

Тут-то и сказался недостаток сведений в Информатии. Во-первых, я считал, что раз экспозиция открывается в этот день, значит, она должна быть развернута заранее, хотя бы накануне вечером... Во-вторых, мне и в голову не могло прийти, что Белый зал ночью может служить местом отправления каких-то обрядов...

Я не собирался ни с кем встречаться, а если и принял внешность Кантоны и запасся необходимыми в ваше время для геологических работ на Тефисе документами, то только по привычке многократно страховать каждое свое действие... И эта привычка очень помогла мне здесь... Но я все равно проиграл...

Я прибыл на Тефису в назначенное время, не снимая поля, убедился, что шлем на месте...

— Значит, экспозиция все-таки будет сегодня открыта! — не удержался Эррера.

— Отнюдь не значит. Возможно, я своими действиями уже создал новую линию времени, на которой мы и находимся... Не знаю... Так вот. Изменив конфигурацию поля, я ушел на 14 часов назад в местное прошлое, как и было запланировано... Лучше бы я этого не делал!

Снимая поле в зале, который мне сначала показался пустым, я вдруг увидел человека с арбалетом в руках. Он повернулся искаженным от боли лицом ко мне — все это заняло не более трех секунд — и, внезапно заметив меня, спустил тетиву арбалета! Напряжённость темпорального поля стремительно падала. Инстинктивно ощущив в его движении угрозу, я снова включил генератор поля, чтобы

уйти еще на сутки назад. Но поле уже было слишком слабым. Стрела пробила его и, хотя поле смягчило удар, вонзилась мне в грудь... И тут же усилившееся до нормальной напряженности поле обрушило древко стрелы у самого острия... Последнее, что я увидел, уходя в прошлое,— это такую же стрелу в спине упавшего человека... Так я очутился во вчерашней ночи.

Я снял поле — и кровь из раны хлынула на пол. Но мне было не до того. Я убедился в полном несоответствии местных условий моим представлениям о них. Хотя зал был пуст, необходимо было срочно уходить из дворца, чтобы продолжать поиски в новых условиях.

Я телепортировался к вашему кораблю, вытащил острие стрелы и кое-как затянул рану. Она оказалась не слишком серьезной, но очень болезненной. Я выстирал и высушил одежду, а затем на соседнем холме создал голографическое подобие вашего корабля, чтобы как-то объяснить свое появление на планете. После этого я отправился к вам.

Дабы не быть уличенным в незнании чего-либо существенного, произшедшего за последние дни, я сказал, что вот уже три дня не выходил на связь с Землей из-за сердечного приступа. И попался на вопросе об экспозиции... Потом это тестирование ваших костюмов... У нас такие методы лет двести не применяются.

Поймите, не имея никакой информации, я вынужден был все время балансировать на лезвии ножа, чтобы не выдать себя. С каждым из вас я разговаривал только в присутствии третьего лица. Зачем? Но ведь я ничего не знаю об окружающей меня обстановке, о людях, о настоящем Кантоне. Мне приходилось «влазить» в чужие мозги и делать это довольно нелюбезно. При этом я не мог проделывать это с собеседником, ибо каждая процедура сопровождалась головной болью у

индуктора,— к счастью, вполне безвредной и кратковременной.

Так, мне пришлось выяснить у мистера Эрреры, кто этот юноша, что так радовался моему появлению на корабле. Это был Антонио...

— Да, я помню, меня словно пронзила боль,— подтвердил Хорхе.

— Я прошу у вас прощения,— виновато сказал Рик.— Но у меня не было иного выхода... Я прошу прощения и у господина Сергеева — он помог мне в нужный момент «узнать» принца Андрэ, и у мистера Морриса...

Можете представить себе, что я почувствовал, узнав в принце человека, который будет стрелять в меня следующей ночью! И который будет убит — я ведь не знал, что он еще проживет какое-то время.

— Я хотел бы уточнить,— вставил Голдин.— Значит, вы так и не видели ни убийцу, ни момента покушения?

— Нет, я появился чуть позже, наверное, через пару секунд.

— И в Белом зале вы не заметили никого, кроме вас двоих?

— Увы. Правда, у меня и не было на это времени. Может быть, он прятался.

— Полагаю, что нет. Он уже ушел. Какая жалость, что я не мог закончить осмотр зала... Сейчас бы я знал, где и что искать... Впрочем, продолжайте пожалуйста, мистер Парсонс.

— Я уже подхожу к концу. Весь день я так или иначе пытался выяснить, где хранятся экспонаты будущего музея — на корабле или уже во дворце. Но ничего не выходило.

— А почему вы не задали прямой вопрос: где сейчас коллекция,— спросил Олег.— Вы узнали бы, что вам нужно, и могли отправляться к себе...

— Дело в том, что на первую мою фразу об экспозиции вы так странно среагировали, что я больше не решался вообще затрагивать эту тему. Я решил, что сумею выяснить это исподволь, без прямых вопросов. Кроме того, мне не давала покоя мысль о том, что сегодня ночью должно было произойти убийство. Я очень боялся как-либо изменять будущее, но и умыть руки тоже не мог. Тогда мне пришла в голову мысль напугать принца, или его родителей, или убийцу — если бы он видел это — каким-нибудь таинственным знамением. Применив массовый гипноз, я показал вам огненные письмена. Но инерционные свойства времени оказались и тут — принц, как и его убийца, все-таки отправился в Белый зал. В общем, единственное, что я смог сделать, — это держаться поближе к мистеру Голдину и герцогу, чтобы иметь алиби. Увы, и это не помогло...

Короче говоря, положение сейчас ужасное. Из четырех суток, которые были отпущены на экспедицию в легионы Цезаря, прошло более трех. Сутки потратили хронавты, сутки ушли на анализ ситуации и подготовку к моему путешествию, более суток здесь. Мне осталось около восьми часов. За это время я должен найти шлем и вернуться на свой виток. Там шлем должен быть проверен индикатором темпорального поля. Если мне повезло, то шлем успеют «разрядить»...

— Если вы умеете телепортироваться, то все в порядке, — сказал Голдин. — Шлем на «Северине».

— Где же искать шлем на корабле?

— Сейчас я расскажу. Еще один вопрос. Сколько времени у вас займет «прыжок» в свое настоящее со шлемом?

— Очень мало. Минут десять абсолютного времени.

— Прекрасно. Тогда вы ведь не откажетесь помочь нам?

ШЛЕМ ЛЕГИОНЕРА

— Разумеется, нет,— сказал Рик.— Я очень опасаюсь, что все, что произошло отчасти по моей вине, может все-таки перевесить инерционные свойства времени... Тогда и отношения между Тифисой и Землей испортятся. Но я не знаю, что делать. В конце концов, я могу снести эту башню, но ведь и это — не выход!

— Да, это не выход,— согласился Голдин.— Я, кажется, придумал кое-что получше. Если мне удастся доказать герцогу — именно доказать — кто убийца, все будет «о'кей».

— Но ведь ты только на 99% уверен в этом,— съехидничал я.

— Теперь даже — на 99,999%... Но пока есть эта оставшаяся тысячная доля, я не могу ставить под удар все дело. Мне нужны ясные и четкие свидетельские показания, поэтому я ничего не скажу до тех пор, пока не вытяну из вас того, что мне нужно.

— Может быть, мы просто не знаем того, что тебе нужно? — спросил Олег.

— Один знает точно. Но это знание, должно быть, лежит очень глубоко. Не сердитесь, пожалуйста, если один и тот же вопрос я задам каждому из вас несколько раз.

Он помолчал, потом повернулся ко мне:

— Ты мне поможешь?

— Как всегда, конечно. Что мне делать?

— Слушай. Запоминай. Вспоминай. Задавай вопросы. А главное — думай!

ГЛАВА 20

Первое, о чем я подумал: рушится моя прекрасная версия... Принц действительно видел в Белом зале Кантону. То есть Рика, которого он принял за Кантону...

Ладно, Рик высказался. Послушаем, что скажут остальные.

— Начнем, если не возражаешь, с тебя,— сказал Грэг Эррере.— Меня интересует все, что ты помнишь с момента, когда начало светать, и до шести часов утра.

— Честно говоря, я не помню, когда начало светать,— признался Хорхе,— голова, как в тумане...

— Естественно. Ночь-то не спали,— сердито сказал Олег.— Я предлагаю каждому принять по таблетке спорамина. Вернее, четверым. У меня всего четыре таблетки.

Голдин наклонился ко мне:

— Ты очень хочешь спать?

— Да не так чтобы очень...

— Тогда давай разделим таблетку, а Олег пусть выпьет целую. У него очень усталый вид...

Я согласился, и нам с Грэгом удалось уговорить Олега. Через пять минут, когда действие таблеток начало сказываться, все почувствовали прилив сил.

— Пожалуй, в голове прояснилось,— улыбнулся Хорхе.— Спасибо, доктор. Итак, по-моему, когда мы вышли на площадь, было уже светло. Следовательно, надо начинать с того, как пел сэр Галахэд. Я сидел рядом с сэром Гаретом. Кто-то предложил пойти на двор.

— Кто именно?

— Не помню...

— Юная леди Кларинда,— вступил Олег.— Такая яркая девушка-блондинка в бирюзовом платье. Она сидела через два человека от меня.

— И сэр Гарет сразу поддержал ее,— продолжил Эррера.

— А как реагировал Вилан? — это снова Голдин.

— Вилан сидел рядом со мной,— сказал Сергеев.— Он отказался и сказал их величествам, что на улице слишком сыро и прохладно.

— Уверен, что в этот момент ты взглянул в окно,— тут же среагировал Голдин.

— Пожалуй...— задумался Олег.— Пожалуй, да... взглянул.

— Было ли уже светло?

— Я не... Точно! Начинало светать! Еле-еле. Я еще подумал: кто это из поэтов сказал — «неуловимо светало».

— Неуловимо...— словно пробуя слово на зуб, повторил Грег.— Отлично! Дальше!

— Сэр Гарет схватил меня за руку и стал доказывать, что на дворе куда лучше, чем в зале. Он был довольно сильно под хмельком. В общем, мы вышли на улицу,— закончил Олег.

— Вспомните, сколько вас было?

— Мы с Хорхе, пять или шесть дам... Троє рыцарей: сэр Гарет, сэр Тристан и этот, как то бишь его... сэр Эгмонт.

— Пожалуйста, вспомните теперь, глядел ли кто-нибудь на окна Белого зала?

— Разумеется. Я несколько раз смотрел туда,— сказал Олег.

— И я смотрел. Всем было интересно, что там происходит,— добавил Хорхе.

— Видели ли вы свет в окнах?

— Нет. Ни проблеска.

— Верно. Единственная свеча стояла у дальних от вас окон, с противоположной стороны... Выходил ли из дворца кто-нибудь еще?

— Нет,— в один голос ответили оба.

— А Трикс?

Эррера схватился за голову:

— Ну конечно! Он вертелся между нами с самого начала!

— И ушел он тоже вместе с вами?

— Ты имеешь в виду, вернулся ли он с нами во дворец?

— Да.

— Я открывал дверь, когда слуга позвал нас во дворец,— сказал Олег.— Если только он не прошмыгнул за спиной слуги, то передо мной он не проходил.

— А кто уходил со двора последним?

— Пожалуй, сэр Гарет. Я пропустил вперед дам, взглянул на площадь — она была пуста. А сэр Гарет дышал мне в затылок.

— Конечно, лучше бы иметь ментоскоп... Ну да ладно. Значит, Трикс ушел со двора раньше... Я не видел его до конца ночи. А вы?

— Во всяком случае, до прихода Хорхе и остальных его не было,— ответил Рик.

— Но Трикс убить тем не менее не мог...— сказал Грег.

Немного подумав, он снова разразился градом вопросов. Но новых среди них не было.

— Ну, получил ты, что хотел? — спросил я.

— Пожалуй. Но для верности я еще кое-что спрошу у тебя.

— Давай.

— Ты все время шел рядом с Лионелем?

— Да. Мы несли факелы. Он показывал дорогу.

— Где расположен этот подвал?

— Да я на первом же повороте потерял ориентировку. Мы спускались, потом шли прямо, потом сворачивали...

— Понятно... — После небольшой паузы Грэг продолжил: — А как выглядит сам подвал?

— А внутрь я не входил. Стоял снаружи с факелом в качестве ориентира. Чтобы принц знал, как найти дорогу обратно.

— Странно... У него ведь тоже был факел.

— Да, но там что-то вроде лабиринта из бочек и штабелей бутылок. Ему необходимо было знать, в какую сторону идти к выходу.

— Следовательно, вы не видели друг друга?

— Нет, только слышали. Мы все время разговаривали. Он видел мой факел, а я — отблески его факела. Потом он разбил бутылку и выругался. А потом оставил факел на стене и пришел ко мне. Вернее, пошел, оставил факел по дороге и пришел.

— То есть как это?

— Ну, он разбил бутылку и сказал, что идет ко мне...

Я рассказывал Голдину то, что происходило со мной, максимально подробно. Но его, видно, и это не устраивало. Он заявил, что весь мой рассказ не имеет никакого значения, и тут же устроил настоящий допрос. Я думал, он никогда не выдохнется...

Потом Грэг опять заставил меня рассказать все с самого начала.

В общем, я порядком устал повторять одно и то же, но сам Грэг, похоже, видел в этом какой-то смысл. Он повеселел и даже умудрился со связанными руками похлопать меня по плечу. Словом, настроение у него явно не соответствовало обстановке. В конце концов я разозлился:

— Чего ты улыбаешься? Скажи Рику, как открыть контейнер с экспонатами, и пусть он забирает шлем. А мы будем гнить здесь.

— Я не могу вас бросить,— ответил Рик.— Вы здесь сидите и из-за меня... Скажите, мистер Голдин, вам что-либо удалось узнать из этих рассказов?

— Удалось,— откликнулся Голдин.— Я узнал главное: как произошло преступление. И у меня есть надежный свидетель.

— Отлично,— сказал я.— Выкладывай нам, что ты узнал.

— Не могу. Я задумал маленький спектакль. Вы поможете мне, Рик?

— О конечно, с радостью! Вы, в самом деле, вытащите всех отсюда?

— Надеюсь. Придвиньтесь, пожалуйста, поближе. Нам надо пошептаться.

Грэг встал со своего места и подсел к Рику.

— Эй, постой,— сказал я.— Ладно, ты не хочешь говорить, кто застрелил принца. Хорошо. Надо — значит, надо. Но ведь кто твой главный свидетель, ты можешь нам сказать?

— Это могу. Один доригианский рыцарь и дворянин... Сэр Дональд Моррис. Ты!

ГЛАВА 21

Все ошарашенно смотрели на меня, я ошарашенно смотрел на Грега, а тот преспокойно беседовал о чем-то с Кантоной... То есть с Риком.

Потом мне это надоело, я закрыл рот и подумал: ладно, любитель эффектов! Я сейчас сам сообразжу, что же тебя так обрадовало.

И стал мысленно прокручивать весь свой рассказ Грегу. Раз, другой... Нет, не получается. Может, он это сказал, чтобы дезориентировать остальных? А что, с него станется!

На этом мои размышления были прерваны. Наш пузатый Шерлок Холмс закончил свои переговоры с гостем из будущего и вдруг заколотил в дверь:

— Стража! Стража!

Наконец дверь отворилась, и появилась недовольная бородатая физиономия:

— Нет еще герцогского решения. До обеда далеко, сидите спокойно.

— Срочно передайте его величеству, что ужасные беды и потрясения ожидают герцогство Доригиан, если его величество откажется немедленно — и в присутствии

всего доригианского дворянства — выслушать нас! Гнев Демона падет на ваши головы!

— О Господи! — Стражник перекрестился и исчез, не забыв, впрочем, как следует запереть дверь.

Я понял, что обещанный спектакль начался!

Вскоре мы услышали, как оживает Башня Смерти. Раздавался какой-то топот. Во дворе слышались голоса. Примерно через полчаса прибежал стражник:

— Его величество и его высочество, а также его сиятельство граф Вилан идут сюда. Горе будет вам, если вздумали вы подшутить над ними.

— Не дрейфь, секира, — сказал я ему. — Не до шуток нам.

Голдин только важно кивнул. Подтвердил...

Еще через пять минут на пороге камеры появились долгожданные высокопоставленные посетители. Герцог был хмур. Вилан вообще не глядел на нас.

— Я пришел выслушать вас, — заявил герцог, переодевшийся во все черное. — Если вы волнуетесь за свои жизни, то напрасно. Несмотря на причиненные вами страдания, суд будет справедлив и великодушен...

— Простите, ваше величество, — поклонился Грэг, несколько смягчив тем самым свою невежливость: прерывать герцога не позволялось никому. — Простите, но за свои жизни мы не боимся. Прикажите осветить камеру получше.

— Факелы! — крикнул капитан стражи, повинуясь кивку герцога.

Тут же принесли два факела. В камере стало светло.

— Смотрите, ваше величество, — сказал Голдин и поднял связанные впереди руки над головой. Веревка на них тут же на глазах у изумленной публики сама развязалась, упала к его ногам и вспыхнула веселым ярким пламенем. Стражники ахнули. Герцог, хотя и был поражен, сумел сохранить невозмутимый вид.

— Это может сделать каждый из нас,— сказал Голдин.

И сейчас же я почувствовал, что веревка исчезла с моих кистей. Я принял массировать их, не обращая внимания на направленные в грудь арбалеты. То же сделали и остальные.

— Мы не боимся за свои жизни,— повторил Грэг.— Мы в любой момент могли выйти отсюда, но никому не желаем причинить вред. Мы хотели узнать, что же на самом деле произошло в Белом зале. И теперь знаем это. Мы скажем это там, где вчера вечером вы видели ужасные огненные письмена. И пусть присутствует при этом его святейшество отец Роберт, осеняя наши действия крестным знамением, дабы чары Демона не мешали нам.

— А по-моему, вы морочите голову,— сказал Лионель.— Как ваше мнение, Вилан?

— Думаю, вы правы, ваше высочество,— пожал плечами первый министр, глядя на пепел, оставшийся от веревки Грэга.— Они просто дрожат за свои шкуры.

— Нет, погодите,— вмешался герцог.— С этим надо разобраться до конца. Вилан, распорядитесь, чтобы очистили лестницу. Мы идем в Голубой зал.

— Слушаюсь, ваше величество,— поклонился граф. Он еще раз взглянул на пепел и вышел из камеры.

И тут меня словно ударило молнией: вот она, отгадка! Вилан вышел вместе с нами, со мной и Лионелем, но пошел в другую сторону... Мы — в подвал, а он якобы звать гулявших на последний тост. Но позвал-то их слуга! Где же был в это время первый министр? Когда мы вернулись, он уже сидел за столом. Но во двор на самом деле не выходил, иначе об этом сказали бы Хорхе и Олег...

А теперь рассматриваем такую возможность: его сиятельство встречает гулявших на площади дам и рыцарей

у дверей Голубого зала. Они считают, что он только что вышел из этих дверей. А когда он вместе с гулявшими возвращается в зал, сидящие там полагают, что он сам ходил за гулявшими... И ни у кого нет вопросов! А за это время его сиятельство вполне мог добежать до Белого зала и вернуться, пока слуга неторопливо спускался, неторопливо звал гулявших на площади... Они тут все делают неторопливо и с достоинством!

Я победоносно поглядел на Голдина, и тот снова подмигнул — теперь уже мне. В ответ я незаметно показал ему «о'кей»: мол, все идет отлично. А уж ход Грэга с отцом Робертом просто блестителен. Пусть теперь кто-нибудь попробует обвинить нас в пособничестве Демону!

Лионель все это время подозрительно глядел на нашу жестикуляцию, но его смекалистое высочество меня сейчас не беспокоил. Подожди, наследничек, очень скоро ты узнаешь, кто командовал твоим двором, какую змею вы с дядюшкой пригрели у себя на груди...

Доложили, что лестница пуста. Придворные ждали на площади. Герцог кивнул нам.

— Выходите. Я готов выслушать ваши доводы в Голубом зале.

Один за другим мы вышли из камеры.

На площади действительно собралось немало дворян. Наше появление встретили всеобщим шиканием. Никто не знал, почему мы вышли из Башни, почему руки у нас развязаны, куда мы идем... Поэтому и отношение придворных к нам, видимо, еще не определилось. Хотя слух о том, что мы обещали герцогству неисчислимые беды, уже, по-видимому, распространился.

По знаку герцога придворные последовали за нами — в Голубой зал.

Войдя, мы расположились кольцом вокруг герцога и Голдина.

— Я слушаю вас, мессир Голдин,— произнес герцог.

— Вы будете слушать не меня, ваше величество. С вами будет говорить тот, чьих знаков вы — отчасти по легкомысленному нашему совету, отчасти из нежелания поступиться собственной гордыней — не приняли во внимание.

Грег воздел руки к потолку:

— Явись, Демон Мести, и расскажи нам всю правду!

В зале стало заметно темнее, как накануне. Воздух сгустился, нечто невидимое, но ужасное, казалось, притягивалось в каждой вдыхаемой нами молекуле. Страх входил в поры кожи, вползая в глаза, в ноздри... Даже мне, знаявшему, что это спектакль, стало страшно. Но я, конечно, пересилил себя.

Грег снова поднял руки:

— Здесь ли ты, Порождение Зла?

И тут же низкий рокочущий голос, шедший как будто из-под земли, ответил:

— Я зде-е-еесь!

— Докажи это! — потребовал Голдин.

Над ним появилось огромное плавающее кольцо, из которого возникли те же два слова: «Я здесь».

— Отвечай же на мои вопросы, заклинаю тебя неприменимым именем твоим! Готов ли ты открыть всю правду?

— Го-о-тов!

Придворные не смели открыть глаза. Отец Роберта крестился с быстротой флюгера во время урагана. Герцогу и его наследнику тоже приходилось нелегко, но держались они мужественно. Я отдавал им должное.

— Почему вчера утром в Белом зале появились пятна крови? — спросил Голдин.

— Замышлялось убийство! — ответил Голос.

— Почему возникли письмена в Голубом зале вчера вечером?

— Замышлялось убийство! — повторил Голос.

— Виновен ли в смерти принца Андрэ доктор Олег Сергеев? — вдруг спросил Голдин.

— Не-ет!

— Откуда же в его вещах амулет?

— Подброшен!

— Виновен ли в смерти принца Рене Кантона?

Здесь герцога (да и меня) ждала еще одна неожиданность.

— Тот, кого вы зовете «Кантона», — ответил Голос, — лишь мои уши и глаза среди вас! Настоящий Кантона сейчас на Земле!

И тут зал дружно охнуло, потому что Рик, надев на голову шлем, который он, оказывается, притащил с собой, медленно растаял в воздухе.

— Кто же тогда убил принца Андрэ? Отвечай, Демон, заклинаю тебя! — в последний раз возопил Голдин, глядя в потолок.

Наступила хорошо продуманная режиссером пауза. Все ждали продолжения.

И тут раздался Голос, а в воздухе одновременно возникли уже не огненные, а кровавые письмена:

— Убийца принца Андрэ — его брат Лионель!

ГЛАВА 22

Я все же недооценивал таланты прыткого высочества! Пока все соображали, что к чему, он уже раскидал коленопреклоненных придворных и выскочил из зала.

— За ним! — громовым голосом воскликнул герцог. Трудно сказать, как такой могучий голос помещался в таком тщедушном теле.

Все бросились в погоню. Растигивая друг друга, мы скатились по лестнице и гурьбой высыпали на площадь.

Принц-убийца уже скрылся за поворотом к конюшне. Когда мы прибежали туда, его белоснежного скакуна уже не было среди других лошадей. Только пыль медленно оседала на дорожки парка.

Рыцари разобрали всех стоящих лошадей, и нам осталось только несколько жалких кляч. Герцог и дворяне с гиканьем помчались за Лионелем.

— Ладно, поехали домой за флаерами,— сказал Грег.— А то они его без нас не догонят. Уж больно у него жеребец хорош!

Так мы и поступили.

Поднявшись на высоту в полкилометра, мы ясно увидели всю картину погони. Впереди скакал Лионель.

Неизвестно, на что он рассчитывал. Разве только хотел скрыться где-то в лесах.

Лионель, игрок по натуре, сдаваться тем не менее не собирался. Он далеко опередил кавалькаду рыцарей и мчался к какой-то ясной только ему цели.

Мы понеслись над погоней. Рыцари уже заметили нас и подбадривали друг друга жестами, указывая на флаеры. Наш с Голдиным шел чуть впереди. Немного ниже и левее шел флаер Олега и Хорхе.

Мы решили воспользоваться ультразвуковым пистолетом и просто выбросить принца из седла. Тем более что надо было спешить: некоторые рыцари уже подняли свои арбалеты. Но мы не успели.

Увидев нависшие над ним флаеры, принц выстрелил в нас, но промахнулся — все-таки сказывалась скачка — и погрозил нам кулаком. В тот же момент он заметил поднятый арбалет сэра Гарета... Далее произошло нечто ужасное. Принц нащупал правой рукой что-то под своей кольчугой и... И мгновенно превратился в кровавое месиво.

Кавалькада рыцарей тут же затормозила. Раздался вопль ужаса. Белый скакун, почувствовав, что с седоком что-то случилось, остановился. Остановились и рыцари, не решаясь подъехать к тому, что еще час назад называлось наследником престола...

Мы спустились и подбежали к останкам. Олег наклонился и показал нам под кровавыми сгустками... кусок рукава одной из наших защитных курток.

Так вот что случилось с принцем! Надеясь на свою неуязвимость в снятой с одного из нас куртке, он случайно включил поле на «минус-режим», что категорически запрещается инструкцией. Принца в буквальном смысле слова вывернуло внутренностями наружу...

Так бесславно закончилась его авантюра.

Подошедший к нам герцог, сгорбившись, стоял рядом с телом Лионеля и молчал. Потом так же молча махнул рукой, повернулся к нам спиной и хотел отойти. Но ему помешал Голдин.

Грег кашлянул и негромко произнес:

— Ваше величество... Я никогда бы не осмелился обратиться к вам в такую минуту... Но есть вещи, стоящие выше моих эмоций.

Герцог вопросительно посмотрел на него:

— Что вы имеете в виду?

— Я прошу вашего согласия на возобновление действия земной миссии в Доригиане. Мы хотели бы, как это и планировалось, открыть экспозицию сегодня вечером.

— Вам это так нужно?

— Это нужно не только нам. Дворянство Доригиана должно видеть, что ваше величество по-прежнему благосклонен к нам и к народам Земли в нашем лице. Присутствие вашего величества на открытии экспозиции автоматически сняло бы со всех землян, включая и сэра Морриса, которого вы сами посвятили в рыцари и которому даровали дворянство, любые подозрения в нелояльности к вашему величеству...

— Хорошо, я приду, — подумав, ответил герцог. — Но ее величества не будет.

— Мы с пониманием отнесемся к этому, — поклонился Голдин. — Позвольте выразить вам наше сочувствие...

...Голдин крепился почти до самого открытия экспозиции. Но когда мы уже закончили расстановку всех экспонатов, укрепили все пояснительные таблички и расположились в нескольких сдвинутых в круг креслах отдохнуть, он наконец не выдержал нашей атаки.

— В общем-то, это дело было сложным только из-за насложения совершенно разных обстоятельств, которые

друг к другу никакого отношения не имели. Если бы не вмешательство лже-Кантоны, оно, пожалуй, не стоило бы и выеденного яйца.

— Ну, это ты, дружище, загнул,— возразил я.— Мне кажется, Лионель приложил максимум усилий, чтобы все запутать.

— Возможно, то, что я скажу, покажется парадоксом, но часто именно искусственная запутанность облегчает расследование. Так было и в этот раз...

Эта кровь в Белом зале... На самом деле, версия кошек и голубей не выдерживала никакой критики. Окна в Белом зале и днем и ночью были закрыты, и никакой голубь не мог туда залететь. Кровь действительно появилась ночью в запертом зале. Другое дело, что зал находился в средневековом дворце, а тогдашняя архитектура отличалась рядом особенностей...

— Например, подземными ходами и потайными дверьми,— вставил Сергеев.

— Совершенно верно. Тем более что стены в Белом зале, судя по окнам, толщиной, минимум, метра в два — и в них вполне может быть потайной ход. Правда, проверить эту версию я тогда не мог. Но был в ней совершенно убежден, так же как и в том, что все это — дело рук его святейшества...

Я был уверен в этом до самого вечера, пока не явилось второе знамение. Тут уже дело было куда серьезнее. Конечно, версию о Демоне я отвел сразу по понятным причинам. Оставались еще две: массовый гипноз и вмешательство той неведомой нам силы, которая, возможно, затеяла весь тефисийский эксперимент.

Я воспринял это знамение как предостережение от чего-то. Думаю, что и все остальные тоже. А потом, вспомните, что месяц назад на Андрэ уже покушались, и только своевременное вмешательство настоящего Кан-

тоны спасло тогда принца от смертельного яда... Но ведь было ясно, что убийца не успокоится! Так что гибель принца Андрэ меня не очень удивила...

К тому же обстоятельства убийства были весьма примечательны. Во-первых, вы заметили, Олег, как распологалась в теле стрела?

— Я не судебный эксперт, — проворчал Сергеев. — Моя задача была в другом...

— Разумеется, разумеется... Но вы не могли не заметить, что она будто бы была пущена сверху вниз и справа налево.

— Да, я заметил это.

— Я довольно внимательно осмотрел потолок и не обнаружил никаких следов бойниц или потайных окон. Окна наружу были закрыты. Что же касается положения тела жертвы во время выстрела, то как раз нагнуться в этот момент принц, скорее всего, не мог. В противном случае стрела, выпущенная сзади с высоты нормального человеческого роста или выше, вошла бы снизу вверх, а не сверху вниз... Вот если бы он присел на корточки или встал на колени...

— Между прочим, за несколько часов он вполне мог устать и присесть, опираясь на копье.

— Да, верно. Но тут есть еще один момент. Вспомните, куда попала стрела — в очень маленькую по размерам незащищенную область задней части шеи. Выстрелить так точно при отвратительном освещении в сидящего — это, по-моему, уже за гранью возможного. Либо стреляли с очень близкого расстояния, либо...

— Либо что? — спросил я.

— Подумай сам. Представь, что ты хочешь убить человека. Довольно темно. Он одет в рыцарское облачение и должен обязательно быть убит арбалетной стрелой.

— Ну и что?

— А то, что промахнуться или попасть в защищенное место — равносильно самоубийству. Тебя непременно выведут на чистую воду. В общем, надо действовать на-верняка. Что бы ты сделал?

— А можно близко подойти к принцу?

— Можно.

— Тогда выстрелил бы с близкого расстояния.

— Но в этом случае стрела не будет пущена сверху.

Разве что ты подойдешь на ходулях...

— Ладно, не томи,— сдался я.

— Я предположил, что убийца использовал стрелу как нож... Просто подкрался и ударил принца ею сзади.

— Верно, Лионель ведь оставил арбалет в Голубом за-ле,— вспомнил я.

— Вот-вот. Тогда понятно, что если он был сзади принца, то просто ударил его сверху вниз и справа налево. То есть правой рукой.

— Вот почему ты сразу исключил Вилана!

— И Трикса тоже. У него ведь очень слабые руки, ты заметил? А у убийцы руки были очень сильные, и рост — не ниже, чем у Андрэ...

Но вот этот обрубок стрелы на месте вчерашних пятен крови... Сегодня — стрела, вчера — кровь... Я не мог придумать объяснения этому обрубку, и это не давало мне покоя. Я очень злился и, помимо своей воли, постоянно свя-зывал его с пятнами... Это ведь Вилан заметил, что вчера здесь — именно здесь! — была кровь, вот я и мучился...

Потом выяснилось, что стрела покрашена, а принад-лежит Галахэду, вернее, принадлежала. Уж это довольно ясно указывало на Лионеля.

— Все-таки поясни,— попросил Эррера.

— Видишь ли, такая двойная маскировка — сначала под Демона, потом под Галахэда — свидетельствует только об одном: у настоящего убийцы была очень явная,

четкая, всем видимая причина убивать Андрэ. Допустим, кто-то из слуг хочет убить своего господина. Станет ли он делать это стрелой вместо ножа, да еще украденной у Галахэда, да еще перекрашенной — причем нарочито небрежно перекрашенной — в цвета Демона?

Нет. Он ударит ножом и скроется. Но нашего убийцу такой путь не устраивал... А причина расправиться со всеобщим любимцем и баловнем судьбы Андрэ была лишь у его двоюродного брата, который в этом случае наследовал трон.

— Не только, — возразил Олег. — Явная причина имелась и у святого отца: продлить свою власть над доригианцами, внушив им суеверный страх над Демоном. Власть эта была к нашему прилету весьма шаткой. Помнишь, Антонио говорил, что на следующий год Андрэ уже не собирался исполнять этот обряд?

— Не проходит. На первый взгляд все так, как ты говоришь. Но только на первый. Ты забыл, что маскировка была **ДВОЙНАЯ!** Первичная — под Демона — небрежная. Зато вторичная — под сэра Галахэда — весьма тщательная. Отец Роберт был заинтересован только в маскировке под Демона. А здесь — стоило мне колупнуть черную краску на стреле, и версия с Демоном рассыпалась. И еще: смерть Андрэ ничего не давала святыму отцу, поскольку наследником становился Лионель. Который абсолютно так же не верил в Демона и его посланцев... Нет, отец Роберт не мог иметь никакого отношения к убийству.

Ситуация предоставляется мне достаточно ясной. Мальчик-сирота растет в семье дяди. По всем задаткам он — лидер. Но волею судьбы рожден быть вторым. Он умнее кузена, сообразительнее и талантливее, а главное — он сознает это. Но перед именем того прибавляют заветное «наследник престола», а в будущем станут име-

новать «ваше величество». А Лионель как был, так и останется «его высочеством». Навсегда.

Это он воспринимал как ужасную несправедливость судьбы. Он чувствовал себя обойденным, отверженным. И мало-помалу в голове его складывался преступный замысел.

Тут еще надо сказать и о характере принца. Сначала он назло брату стремится к первенству во всем. Но вскоре ему уже мало слыть самым сильным рыцарем герцогства.

Ему мало практически безграничной власти. Теперь Лионель — мастер дворцовой интриги. Ему нравится унижать людей, сталкивать их друг с другом. Он ненавидит обоих — кузена, стоящего на пути к престолу, и сэра Галахэда — единственного из рыцарей, который может с ним потягаться.

Но Лионель уже привык действовать чужими руками. В первый раз я обратил на это внимание во время турнира. По непонятным причинам принц вдруг натравил сэра Галахэда на Дональда... Хотя нет — уже в случае с мессирем Ле Руа ярко проявились черты злобного характера Лионеля...

И вот в какой-то момент принц сходится с Триксом. Тот, во всяком случае, действительно имеет причину считать себя обойденным судьбой. Ненавидя весь мир, шут соглашается принять участие в убийстве. Обоих подгоняет тот факт, что уже нынешнее «дежурство» принца Андрэ в Белом зале может стать последним: в будущем году он наверняка откажется исполнять обряд, который считает бессмысленным...

Возможно, Лионель принимает в расчет и другие выгоды этого «предприятия».

Например, что смерть принца Андрэ возродит религиозные страхи и поможет держать вольнолюбивых дворян в «ежовых рукавицах»...

Словом, я был уверен, что убийца — Лионель. Тем более что именно он «подставил» нам Галахэда. Только здесь принц перегнул палку: вынудил рыцаря-барда петь и дал ему тем самым неожиданное алиби... После этого последние сомнения исчезли. Я только не мог понять, как он это сделал... Моя уверенность только увеличилась после того, как принц подкинул свой амулет Сергееву.

— Откуда ты узнал, что это его собственный амулет, а не убитого Андрэ? — спросил я.— Откуда ты знал, что Лионель не утащил его с тела брата?

— Потому что его утащил я сам. Ведь я сказал, — виновато произнес Грэг, отворачиваясь, — что не умею фиксировать устойчивость защитного поля на твоей клавиатуре... Пришлось заклинивать клавишу тем, что оказалось под рукой. А под рукой как раз оказался амулет Андрэ. Это я его снял с шеи принца перед тем, как убежать в рубку... Он до сих пор там, в рубке управления... Лежит на панели...

— Ну ты даешь, — только и смог сказать я.

— Итак, после обвинения принца Андрэ Лионель заметался. Он подготовил все улики для обвинения в убийстве кого-то из тефисийцев, и вдруг все надо переигрывать на землян. Он поспешно придумывает новую версию, подкидывает свой амулет Сергееву, предварительно вымазав его в крови. Земной врач, по его мнению, легко мог быть обвинен в умышленном «залечивании» Андрэ до смерти. А тут еще ему помог Рик со своим запасным шлемом...

А меня этот шлем заставил снова вспомнить о недавних подозрениях. Шлем Кантоне подкинуть явно не могли... Кроме того, принц обвинял именно его, говорил о том, что поразил Кантону в сердце. А ведь этот подозрительный шрам был у лже-Кантоны именно в районе сердца!

Тогда-то я и подумал: если кровь и обрубок стрелы — звеня одной цепи, то причина и следствие здесь странным образом перепутаны, перемещены во времени...

И как только слово «время» пришло мне на ум, я уже не мог от него отвязаться. В результате и родилась эта гипотеза...

— Хорошо, но как ты дошел до способа, которым Лионель обеспечил себе алиби? Я до сих пор не понимаю, как он меня провел,— сказал я.— Я-то думал, что убийца — Вилан. Ведь именно он должен был позвать гуляющих с площади, а сделал это слуга... Следовательно, у Вилана было достаточно времени...

— У него не было времени. Вилан отсутствовал в Голубом зале лишь несколько секунд — отдал приказ служам и вернулся... Лионель же позаботился об алиби заранее.

Из подвала должен быть ход в Белый зал. Трикс вышел с гуляющими на площадь, а затем незаметно отде-лился от них и ждал вас в подвале... Он ведь хороший звукоподражатель. Помнишь, как в первый день он приветствовал нас голосом Андрэ?

— Точно! То-то мне потом голос принца показался знакомым!

— Поэтому, пока Лионель отлучался в Белый зал, с тобой разговаривал шут.

— Действительно, все просто,— сказал Хорхе.— Но ведь догадаться было нелегко?

— Напротив. Как только Дон рассказал, что он видел в подвале...

— Да ничего я там такого не видел!

— Ну уж нет! Я специально дал тебе только полтаблетки спорамина, чтобы ты не очень возбуждался... Ты был усталым...

— Я и сейчас еще не отдохнул...

ШЛЕМ ЛЕГИОНЕРА

— Повторяю, ты устал и не слишком контролировал свои воспоминания. Поэтому и рассказал то, что мне нужно было... Ты видел, что Лионель нес бутылки в ОБЕИХ руках. Их было много... Но кто тогда нес за ним факел? Ведь световые блики на потолке, по твоим же словам, двигались!

Ты слышал, как Лионель оставил факел на стене. Но перед этим он должен был поставить бутылки на пол, чтобы вставить факел в эту большую настенную железную гильзу, не знаю, как она называется... А слышал ты звон поставленных на каменный пол бутылок? Нет? Тото! Явно в подвале кроме Лионеля был кто-то еще...

Вот и все. Наверное, мы нашли не самый лучший выход из ситуации, в которую попали... Но мы нашли его быстро. А это главное. И мы ничего не испортили... Здесь, на этой планете, мы скорее врачи, чем дипломаты. А основной девиз любого врача, если не ошибаюсь: «Не навреди!»

Мы помолчали.

— А про твое дворянство, Дон, я говорил не зря... Ты ведь знаешь, что наследник престола может жениться только на дворянке...

— Ну и что?

— А то, что это правило, полагаю, распространяется и на наследниц. Мужем принцессы может быть только рыцарь.

— Какой принцессы?

— Принцессы Амелии, племянницы и наследницы герцога. Ты что, совсем не думал об этом?

Я медленно открыл рот...

Содержание

Пояс Ипполиты	5
Шлем легионера	131

Литературно-художественное издание

16+

Валерий Мильгром

ПОЯС И ШЛЕМ
ДИЛОГИЯ

Технический редактор *Валентина Беляева*
Компьютерная верстка *Ольги Савельевой*
Корректор *Валентина Леснова*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 1; 953000 — книги, брошюры

Подписано в печать 10.10.2013.
Формат 84×108 1/32. Бумага газетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15,12. Тираж 2000 экз. Заказ 3444.

ООО «Издательство АСТ».
127006, г. Москва, ул. Садовая-Триумфальная,
д. 16, стр. 3, пом. 1, комн. 3

Издано при участии ООО «Харвест». ЛИ № 02330/0494377 от 16.03.2009.
Ул. Кульман, д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42, 220013, г. Минск, Республика Беларусь.
E-mail редакции: harvest@anitex.by

Республиканское унитарное предприятие
«Издательство «Белорусский Дом печати».
ЛП № 02330/0494179 от 03.04.2009.

Пр. Независимости, 79, 220013, г. Минск, Республика Беларусь.

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **буква**

В Москве:

- м. «Новые Черемушки», ТЦ «Черемушки», ул. Профсоюзная, д. 56, 4 этаж, пав. 4а-09, т. (495) 739-63-52
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, д. 17, т. (499) 246-99-76
- м. «Преображенская площадь», ул. Большая Черкизовская, д. 2, к. 1, т. (499) 161-43-11
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр-т, д. 76, к. 1, 3 этаж, т. (495) 781-40-76
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., д. 15/1, т. (499) 977-74-44
- м. «Университет», Мичуринский пр-т, д. 8, стр. 29, т. (499) 783-40-00
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, к. 1, т. (495) 322-28-22
- м. «Шукинская», ТЦ «Шука», ул. Шукинская, вл. 42, 3 этаж, т. (495) 229-97-40
- М.О., г. Зеленоград, ТЦ «Зеленоград», Крюковская пл., д. 1, стр. 1, 3 этаж, т. (499) 940-02-90

В регионах:

- г. Владимир, ул. Дворянская, д.10, т. (4922) 42-06-59
- г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 46, ТРЦ «ГРИНВИЧ», 3 этаж
- г. Калининград, ул. Карла Маркса, д. 18, т. (4012) 66-24-64
- г. Краснодар, ул. Дзержинского, д. 100, ТЦ «Красная площадь», 3 этаж, т. (861) 210-41-60
- г. Красноярск, пр-т Мира, д. 91, ТЦ «Атлас», 1, 2 этаж, т. (391) 211-39-37
- г. Рязань, Первомайский пр-т, д. 70, к. 1, ТЦ «Виктория Плаза», 4 этаж, т. (4912) 95-72-11
- г. Тольятти, ул. Ленинградская, д. 55, т. (8482) 28-37-67
- г. Челябинск, пр-т Ленина, д. 68, т. (351) 263-22-55
- г. Ярославль, ул. Первомайская, д. 29/18 , т. (4852) 30-47-51

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
123022, Москва, а/я 71 «Книги – почтой»

Приобретайте в Интернете на сайте:
www.ozon.ru

Михаил Горожанин

ОГНЕННАЯ КРОВЬ

Ты работаешь в офисе. По вечерам ходишь на тренировки, наживаешь синяки и набиваешь кулаки. В пятницу зажигаешь с друзьями, а в отпуск уезжаешь на ролевые игры, или на турниры реконструкторов. И кажется, что все это и есть настоящая жизнь. А потом ты узнаешь правду. Оказывается, рядом с тобой живут не только люди. Оборотни, упыри, кикиморы, лесовики — все они реальны, и далеко не безобидны. Даже колдуны в Москве — обычное явление. И теперь твое место — среди них. Потому что в твоих жилах течет Огонь...

Фантастика нашего тысячелетия

Ищи друзей.

Враги найдут тебя сами

Ты работаешь в офисе. По вечерам ходишь на тренировки, наживаешь синяки и набиваешь кулаки. В пятницу зажигаешь с друзьями, а в отпуск уезжаешь на ролевые игры или на турниры реконструкторов. И кажется, что все это и есть настоящая жизнь.

А потом ты узнаешь правду.

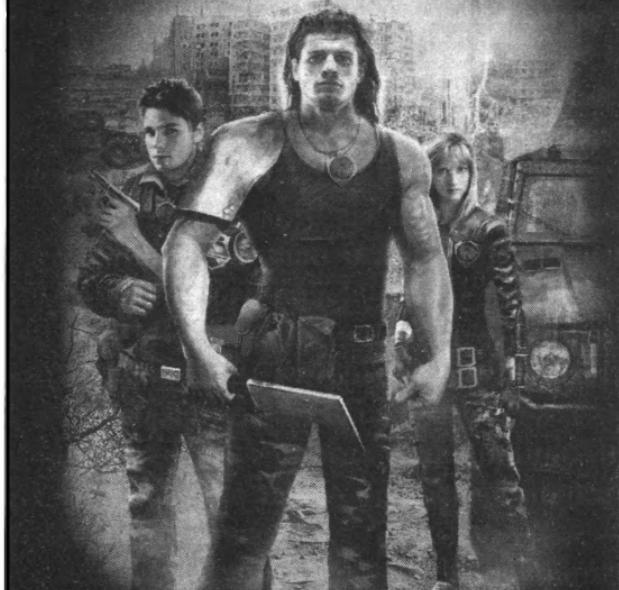
Оказывается, рядом с тобой живут не только люди. Оборотни, упыри, кикиморы, лесовики — все они реальны, и далеко не безобидны. Даже колдуны в Москве — обычное явление.

И теперь твое место — среди них. Потому что в твоих жилах течет Огонь...

ФПРЛОСТ

Вадим Громов

ИСКАЛЕЧЕННЫЙ МИР

Великолепная четверка «одаренных» — Лихо, Книжник, Алмаз и Шатун.

Эти люди способны на всё. В их власти отменить Конец света, и только они могут спасти этот искалеченный мир. Если сумеют. И — если захотят.

Да и люди ли они теперь? Компания бойцов, обладающих нечеловеческими способностями, отправляется в свой последний путь.

Экстремальный тур «Санкт-Петербург — Улан-Удэ».

Путешествие по руинам цивилизации, последняя обзорная экскурсия, в окружении мутантов и отморозков, умеющих только одно: убивать.

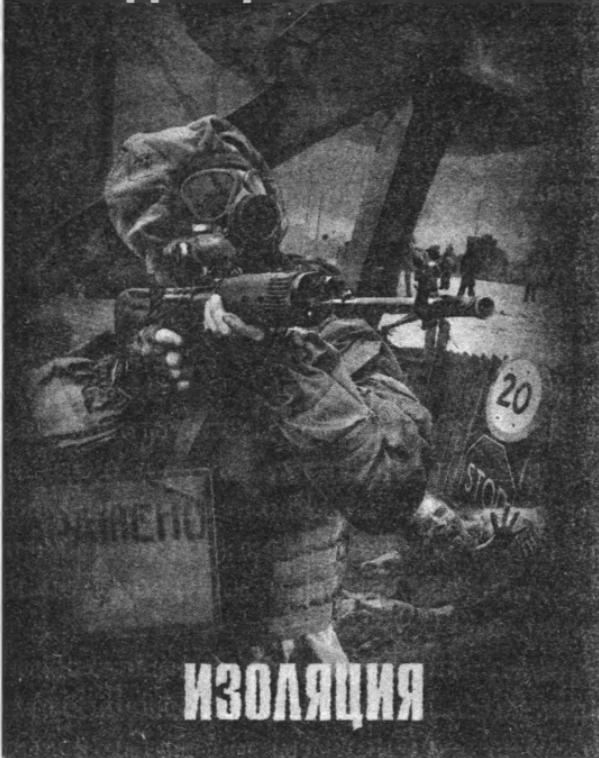
Будет страшно. И — весело.

Потому что, когда смеются смертники, — содрогается даже Тьма.

ФРПОСТ

Дмитрий Матяш

ИЗОЛЯЦИЯ

Смертельный вирус ударили внезапно. В считаные дни рухнула привычная жизнь, исчезли правительства, распались государства, наступил хаос. Вся Восточная Европа превратилась в кладбище.

Но умерли не все.

И те, кто выжил, позавидовали мертвым.

Власть захватили бывшие уголовники. Бандиты и отморозки надели черную форму и стали — Хозяевами. А все остальные превратились в «тягачей», бесправных рабов, тянувших срок в одной огромной Зоне.

«Тягач» Глеб Салманов оказался в непростой ситуации: заклятый враг спас ему жизнь. А взамен попросил выполнить одно деликатное поручение. И Салман, как его теперь называют, согласился. Тогда он еще не знал, что этот путь будет опасен и непредсказуем, устлан стрелянными гильзами и пропитан кровью, а за каждым углом, затаившись, его будет поджидать очередная смертельная угроза...

ФОРПОСТ

Владислав Русанов

БРАТЬЯ КРОВИ

Анджей Михал Грабовский живет в Киеве.

Он — эстет, знаток моды и живописи, литературы и холодного оружия.

Ему неинтересны деньги и власть. Он не любит общаться с людьми.

В его жизни много тайн, и очень мало друзей.

Но когда при загадочных обстоятельствах погибает один из них, Анджей начинает действовать. Разведки нескольких стран, наемники, полиция и даже древнее проклятие — никто и ничто не сможет ему помешать.

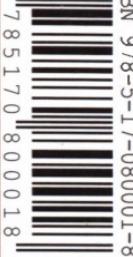
Анджей Грабовский пройдет сквозь врагов, как нож сквозь масло.

Потому что терять ему уже нечего.

Валерий Мильгром

ПОЯС И ШЛЕМ

ISBN 978-5-17-080001-8

9 785170800018

На окраине освоенного человечеством пространства взорвалась звезда. Погибли люди. Это катастрофа. А в соседней системе на мало кому известной станции погиб человек. Это несчастный случай?..

Чтобы разобраться, на место происшествия срочно вылетают межгалактические сыщики, чьи методы расследования, впрочем, со времен Шерлока Холмса мало изменились.

Исследуя очередные системы, космические разведчики случайно наткнулись на пространственно-временную аномалию — на одной из планет жили самые обыкновенные люди... в эпоху европейского Средневековья. Хоть и ошеломленные таким открытием, земляне все же пошли на контакт ... Но убили наследника престола, и чтобы оправдать пришельцев в глазах суеверных жителей средневековой планеты, к расследованию приступают межгалактические сыщики.

ЛАБИРИНТ

ЗВЕЗДНЫЙ